

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5
1 9 7 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

5

1972

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. В. Зеленин.</i> Советский Союз и освободительная борьба зарубежных славянских народов в годы второй мировой войны	3
<i>В. Д. Королюк.</i> Академик В. Д. Греков и советские историко-славистические исследования	13
<i>И. С. Нарский.</i> Философия Дембовского — вершина в развитии польской домарксистской общественной мысли	19
<i>З. Ю. Копыцкий.</i> Магдебургское право в городах Белоруссии (конец XV — первая половина XVII в.)	26
<i>М. И. Рыжова.</i> Мотивы поэзии А. В. Кольцова в творчестве Йосипа Мурна	42
<i>Л. Титова.</i> Из истории театральной жизни в эпоху Петра I	53
<i>В. Ф. Васильева.</i> Существительные pluralia tantum и характер их значений множественности в современном чешском языке	60

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>В. А. Кучкин.</i> Древнейшая болгарская рукопись из собраний города Горького	69
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Л. Б. Валева, Д. Г. Песчаный.</i> Воспоминания о Георгии Димитрове	72
<i>Л. Я. Губианский.</i> Книга о фашистском оккупационно-квислинговском режиме в Югославии и его крахе	77

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>И. А. Петерс.</i> А. Ф. Кизченко. Напередодні трагедії. З історії зовнішньої політики Чехословаччини, травень 1935 р. — березень 1938 р.	80
<i>Ю. И. Штакельберг.</i> Franciszka Ramotowska. Rząd carski wobec manifestacji patriotycznych w Królestwie Polskim w latach 1860—1862	83
<i>И. В. Галактионов.</i> Освещение внешней политики России и Польши середины XVII в. в новой книге Б. Ф. Поршнева	86
<i>Л. Л. Гумецкая.</i> Чешские студенты в школах Западной Европы	88
<i>А. Липатов.</i> Книга о стиле Красицкого	90
<i>Ю. И. Ритчик.</i> Первый том «Истории чешского театра»	92
<i>Г. Белякова.</i> Киноведческое исследование польского ученого	96
<i>З. Стрекалова.</i> В. Dunaj. Iteratywa typu bierać, pisywać w języku polskim	99

Б и б л и о г р а ф и я

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1972 г.	100
Содержание иностранных журналов	106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А. Липатов.</i> Советско-польский научный симпозиум «Романтизм в польской литературе и ее связи с восточнославянскими литературами»	109
<i>О. А. Северная.</i> Советско-болгарский симпозиум по проблемам социалистической культуры	111
<i>З. М. Грузман.</i> VIII украинская славистическая конференция	112
<i>О. П. Морозова.</i> В Институте славяноведения и балканистики АН СССР	114
<i>В. Р.</i> На кафедре истории южных и западных славян МГУ	115
<i>Ю. Г.</i> К 75-летию со дня рождения Д. Л. Похилевича	115
<i>В. П. Проничев.</i> Защита докторской диссертации по синтаксису сложного предложения в славянских языках	116
<i>А. Н. Чистозвонов.</i> Симпозиум по проблеме классовой борьбы в период позднего средневековья в Европе	117
<i>Добрин Мичев</i> (НРБ). О направлениях работы Центра болгаристики при Болгарской академии наук	118

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), **И. Ф. БЭЛЗА**, **Л. Б. ВАЛЕВ**, **В. Г. КАРАСЕВ**,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), **Д. Ф. МАРКОВ**, **И. С. МИЛЛЕР**,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, **Ю. А. ПИСАРЕВ**, **Г. М. СЛАВИН**, **Б. Ф. СТАХБЕВ**, (зам. главного редактора), **Н. И. ТОЛСТОЙ** (зам. главного редактора), **И. М. ШЕПТУНОВ**, **Я. Б. ШМЕРАЛЬ**

Ответственный секретарь **В. В. ЗЕЛЕНИН**

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубликовский пер., д. 30 а. Телефон 290-27-40

В. В. ЗЕЛЕНИН

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Среди исторических вех, которыми обозначен более чем полувековой путь, пройденный народами нашей страны со дня Великой Октябрьской социалистической революции, выдающееся место занимает 30 декабря 1922 г. В этот день Первый Всесоюзный Съезд Советов единодушно принял Декларацию об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

«Образование Советского Союза явилось одним из решающих факторов, обеспечивших благоприятные условия для переустройства общества на социалистических началах, подъема экономики и культуры всех советских республик, укрепления оборонного могущества и международных позиций многонационального государства трудящихся», — говорится в Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик»¹.

В Постановлении подчеркивается, что это историческое событие — «убедительная победа идей пролетарского интернационализма, благотворный результат осуществления ленинской национальной политики Коммунистической партии»².

Под руководством Коммунистической партии, вооруженной идеями Ленина, народы Советской России отстояли великие завоевания Октября от внутренней контрреволюции и иностранной интервенции и в ходе этой борьбы пришли к твердому убеждению о насущной необходимости создания тесного государственного союза советских республик. В. И. Ленин указывал, что сохранение и укрепление союза социалистических республик — это мера, которая «нам нужна, как нужна всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы с всемирной буржуазией и для защиты от ее интриг»³.

Образование СССР имело огромное значение для дальнейшего развития мирового революционного процесса. «Советская Россия, — подчеркивал В. И. Ленин, — считает величайшей гордостью помогать рабочим всего мира в их трудной борьбе за низвержение капитализма»⁴. Этот завет В. И. Ленина советский народ с честью выполнил в трудный период второй мировой войны, внося решающий вклад в разгром опаснейшего врага человечества — гитлеровского фашизма, оказав огромную помощь

¹ «Партийная жизнь», 1972, № 5, стр. 3.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 360.

⁴ Там же, стр. 277.

народом Центральной и Юго-Восточной Европы в деле их национального и социального освобождения.

В настоящей статье мы хотели бы остановиться на вопросах воздействия Великой Отечественной войны Советского Союза, отстаивавшего завоевания Октябрьской революции, на движение Сопротивления и значении победы Советского Союза над германским фашизмом и освобождения стран Центральной и Юго-Восточной Европы (на примерах славянских стран) в развитии освободительного движения, в отстаивании и закреплении глубоких политических и социально-экономических изменений, происшедших в жизни этих стран в ходе антифашистской освободительной борьбы.

С первых дней Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство ясно и четко сформулировали цель этой войны. «Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей, — подчеркивалось в выступлении председателя Государственного Комитета Обороны СССР И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г., — является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»⁵. Это было важной поддержкой всем народам оккупированных стран Европы и особенно славянских стран.

Советское правительство стремилось оказать всемерную помощь славянским народам, подвергшимся гитлеровской агрессии. С целью объединения усилий советского народа и чехословацкого и польского народов в борьбе против гитлеровских захватчиков и оказания помощи Польше и Чехословакии в создании на территории Советского Союза национальных воинских частей этих стран между СССР и Чехословакией (18 июля 1941 г.) и между СССР и Польшей (30 июля) были подписаны специальные соглашения⁶.

Несмотря на недружелюбную позицию болгарского правительства по отношению к СССР, превратившего свою страну в плацдарм для развязывания агрессии против Советской страны и принявшего участие в оккупации соседних балканских стран, Советское правительство проводило четкое различие между антинародной монархо-фашистской кликой, стоявшей у власти в Болгарии и являвшейся послушным лакеем гитлеровцев, и болгарским народом. Категорически отменяя инсинуации зарубежной фашистской печати по поводу мнимых агрессивных намерений Советского Союза в отношении Болгарии, Советское Информбюро в сообщении от 28 июня 1941 г. подчеркивало, «что: 1) болгарский и русский народы связаны узами исторической дружбы на протяжении многих десятилетий; 2) СССР принимал все возможные меры к тому, чтобы оградить Болгарию от войны, в которую ее вовлекал и вовлекает Гитлер»⁷.

С первых дней развернувшейся в июле 1941 г. антифашистской освободительной борьбы народов Югославии советский народ с сочувствием и симпатией следил за этой борьбой. Советская печать широко освещала боевые действия югославских партизан⁸.

Важное значение в деле сплочения славянских народов и активизации их борьбы против фашистских захватчиков имело создание в августе 1941 г.

⁵ «Международные документы Великой Отечественной войны». Вып. I. М., 1943, стр. 16.

⁶ Там же, стр. 21, 22.

⁷ Там же, стр. 11.

⁸ V. V. Zelenjin. Odnos sovjetske javnosti prema narodnooslobodilačkom ratu protiv fašizma (1941—1942). В сб. «Prvo zasjedanje AVNOJa. Zbornik radova naučnog skupa. Bihać 1966». Bihać [1967]; Г. М. С л а в и н. Об откликах в СССР на восстание в Югославии (1941 год). «Советское славяноведение», 1972, № 4.

в Москве Всеславянского комитета. Деятельность этой международной антифашистской общественной организации, издававшей с 1942 г. журнал «Славяне», созывавшей представительные антифашистские митинги, рассылавшей в зарубежные органы печати и славянские организации многочисленные статьи и материалы о борьбе народов славянских стран против гитлеровского «нового порядка», способствовала разрыванию движения Сопротивления славянских народов.

Со вступлением Советского Союза в войну против агрессивного блока фашистских держав создались предпосылки для образования мощной антигитлеровской коалиции, в рядах которой СССР занял ведущую роль как по масштабам своего вклада в общие усилия по разгрому держав фашистской «оси», так и по своему идейному воздействию на многомиллионные массы трудящихся всего мира.

Как известно, военные цели правительств Англии и США, сформулированные Рузвельтом и Черчиллем в так называемой Атлантической хартии, выражали взгляд правящих кругов этих стран на послевоенное устройство мира. В декларации Советского правительства, оглашенной на межсоюзной конференции, состоявшейся в Лондоне 24 сентября 1941 г., была выражена поддержка принципов, содержащихся в Атлантической хартии. Вместе с тем Советское правительство сочло необходимым развить и конкретизировать ряд ее положений, сформулировать, исходя из характера советского социалистического государства, свою позицию по вопросу о будущем устройстве мира, изложить свой взгляд на права всех народов.

«Советский Союз, — говорится в указанной декларации, — осуществляет и осуществляет в своей внешней политике высокие принципы уважения суверенных прав народов. Советский Союз в своей внешней политике руководствовался и руководствуется принципом самоопределения наций. Во всей своей национальной политике, *лежащей в основе государственного строя Советского Союза* (выделено нами. — В. З.), Советский Союз исходит из этого принципа, в основе которого лежит признание суверенности и равноправия наций. Исходя из этого принципа, Советский Союз отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, *право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления* (выделено нами. — В. З.), какие он считает целесообразными и необходимыми в целях обеспечения экономического и культурного процветания всей страны»⁹.

Этих принципов, не только указывавших угнетенным и поработанным народам путь к обретению утраченной ими национальной независимости, но и открывавших перспективу социального освобождения трудящихся классов, Советский Союз, как социалистическое государство, основанное на ленинском принципе самоопределения наций, воплощенном в жизнь при создании СССР, неуклонно придерживался в течение всей войны.

Это имело большое значение для судеб поработанных народов зарубежных славянских стран, которым фашистский «новый порядок» принес неисчислимые страдания. Многие из них оказались перед угрозой полного физического уничтожения. Общность исторических судеб, тесные дружеские связи между западными и южными славянами и народами СССР, наконец, тот факт, что путь советских войск к сердцу фашистской Германии пролегал по территории многих из этих стран, — обусловили то, что широкие народные массы славянских стран связывали свое освобождение

⁹ «Международные документы Великой Отечественной войны», стр. 43—44.

с военными успехами Советского Союза, рассчитывали на его помощь. Эти их надежды осуществились полностью.

Важную роль в разгроме фашизма в годы войны, а также в определении пути дальнейшего развития многих народов Европы в послевоенный период сыграло всенародное движение Сопротивления фашистским захватчикам, имевшее в своей основе демократический, прогрессивный характер. На такую направленность движения Сопротивления огромное воздействие оказала Великая Отечественная война Советского Союза, как война социалистического государства, отстаивавшего не только свои национальные интересы, но и интересы трудящихся всего мира.

Справедливый характер войны, которую вел советский народ, обеспечивал ему поддержку со стороны всех свободолюбивых народов мира. Самоотверженность советского народа, его героической Красной Армии, партизан, всех советских граждан в борьбе с захватчиками служила примером поработленным народам Европы. Руководящая роль рабочего класса, возглавляемого наиболее последовательными защитниками интересов народа — коммунистическими партиями, в движении Сопротивления делала это движение верным боевым союзником Советского Союза. Высшей формой движения Сопротивления стала партизанская война против фашистских захватчиков и их местных пособников-квислинговцев, получившая особенно широкий размах в Югославии¹⁰.

В ходе движения Сопротивления углубились и обострились классовые противоречия внутри оккупированных стран: реакционные антинародные буржуазно-помещичьи круги и их политические партии либо выступили в роли прислужников фашизма, либо, связывая надежды на восстановление своего господства после окончания войны с победой западных союзников, отказывались вести активную борьбу с оккупантами, в то время как демократические силы, активно борясь с оккупантами, выступали за переустройство общества на новых демократических началах. Тормозящее воздействие на развитие активной борьбы с захватчиками оказывала политика Англии, рассматривавшей движение Сопротивления в оккупированных странах как вспомогательную силу в достижении ее военно-политических целей. Призывы из Лондона как со стороны английских политических и военных деятелей, так и со стороны обосновавшихся там эмигрантских буржуазных правительств «держат оружие у ноги», «ждать, когда наступит время», вносили раскол в движение Сопротивления, углубляли политическую дифференциацию в его рядах.

В ряде оккупированных стран внутривнутриполитическая обстановка была особенно сложной. Демократические силы, возглавляемые коммунистическими и рабочими партиями, решительно борясь с оккупантами, вели настойчивую работу по сплочению всех патриотических сил в рядах национальных антифашистских фронтов, видя в этом действенное средство мобилизации всех слоев населения на борьбу с захватчиками. Это сплачивало широкие народные массы вокруг коммунистических и рабочих партий, сделало их подлинно ведущей силой общества. Между тем буржуазный лагерь в ряде стран оказался расколотым: одна часть его пошла в услужение к оккупантам, другая, не примкнувшая к захватчикам и обычно придерживавшаяся прозападной ориентации, как правило, по классовым мотивам не желала сотрудничать с демократическим лагерем и постепенно оказывалась в изоляции от массового движения. Созданные такими буржуазными силами организации Сопротивления или совсем не вели активной борьбы с оккупантами, или вели ее в крайне незначи-

¹⁰ См. В. В. Зеленин, Г. М. Славин. Вклад народов Югославии в разгром фашизма. «Новая и новейшая история», 1970, № 6.

тельных размерах (например, Армия крайова в Польше, ЭДЭС в Греции и подобные им в других странах). Яростный шовинизм и реакционность, крайним выражением которых был откровенный антикоммунизм, привели некоторые из этих организаций в конечном счете в лагерь коллаборационистов (такова, например, была судьба четников Михайловича в Югославии). Такого рода организации являлись формально или фактически вооруженными силами своих эмигрантских правительств и как таковые пользовались всесторонней поддержкой западных союзников, в первую очередь Англии, видевшей в них опору для достижения своих военно-политических целей в Европе. Отказ от вооруженной борьбы с оккупантами, а нередко и вооруженная борьба против демократических сил Сопротивления вели к компрометации таких организаций и их зарубежных покровителей в глазах широких народных масс, сильно ослабляли политические позиции буржуазии в стране.

В отличие от западных союзников СССР придерживался позиции, что для успешного разгрома фашизма нужна мобилизация всех ресурсов и сил воюющих держав, в том числе и активная самоотверженная борьба народов оккупированных стран. Эта борьба не только приблизит день победы, но и спасет миллионы человеческих жизней. Такой подход Советского Союза к движению Сопротивления способствовал его активизации, открывал перед демократическими силами поработанных фашистскими захватчиками народов перспективу активного участия в борьбе за новое послевоенное устройство своих стран. Советский Союз, подчинивший все одной цели — скорейшему разгрому врага, естественно, оказывал всестороннюю помощь подлинным борцам Сопротивления и не мог не осуждать те силы, которые не вели борьбы или, более того, оказывали противодействие ей.

Советский Союз оказал большую помощь народам Польши и Чехословакии в создании их национальных вооруженных сил. На территории Советского Союза были сформированы, обучены, вооружены и снаряжены Польская армия и Чехословацкий корпус, ставшие в ходе боев плечом к плечу с Красной Армией ядром будущих национальных армий этих стран, армий нового типа, связанных с народом и служащих народу. Начиная с 1944 г., по мере продвижения советских войск на запад, СССР стал оказывать материальную помощь Народно-освободительной армии Югославии, резко возросшую после установления контакта между Красной Армией и НОАЮ в октябре того же года. На территориях Польши, Чехословакии и Югославии сражались тысячи советских людей в составе местных партизанских отрядов и освободительных армий (ряд советских партизанских отрядов был послан на польскую и чехословацкую территорию для оказания помощи партизанам этих стран). В ходе совместных боев на фронте и во вражеском тылу родилось боевое братство народов СССР с народами Польши, Чехословакии и Югославии. После освобождения Болгарии и народного восстания 9 сентября болгарская армия, перестроенная на новых началах, приняла участие в заключительных операциях второй мировой войны в тесном взаимодействии с советскими войсками.

Нанеся решающие поражения фашистским полчищам в битвах на Волге и на Курской дуге, завершив освобождение западных областей своей родины, Красная Армия в 1944 г. начала свой великий освободительный поход.

17 июля 1944 г. передовые отряды ударной группировки войск 1-го Украинского фронта форсировали реку Западный Буг и вступили на территорию Польши. 20 июля советско-польскую границу на широком фронте перешли войска 1-го Белорусского фронта и почти одновременно

с ними — войска 2-го Белорусского фронта¹¹. В рядах войск 1-го Белорусского фронта на родную землю вступила 1-я польская армия, горевшая одним желанием — освободить свою родину от захватчиков.

26 июля 1944 г. в связи с выходом Красной Армии на советско-польскую границу Советское правительство опубликовало заявление об отношении СССР к Польше. В заявлении отмечалось, что это событие положило «начало освобождения братского многострадающего польского народа от фашистской оккупации».

Советские войска, — говорилось далее в заявлении, — вступили в пределы Польши, преисполненные одной решимостью — разгромить вражеские германские армии и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой, сильной и демократической Польши¹².

В заявлении Советского правительства подчеркивалось, что оно «рассматривает военные действия Красной Армии на территории Польши, как действия на территории суверенного, дружественного, союзного государства», что эти «военные действия Красной Армии на территории Польши диктуются единственно военной необходимостью и стремлением оказать дружественному польскому народу помощь в освобождении от немецкой оккупации»¹³.

В сложной международной обстановке, обострившейся в связи с проведением антисоветского курса реакционным польским эмигрантским правительством, заявление Советского правительства разъясняло широким массам польского народа цели Советского Союза, в значительной степени парализовывало враждебную пропаганду, создавало благоприятные условия для сотрудничества польского населения с советскими войсками. В тот же день между правительством СССР и Польским комитетом национального освобождения было подписано соглашение об отношениях между советским главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши. Это соглашение было признанием власти созданного демократическими силами Польши Польского комитета национального освобождения на всей освобождаемой от оккупантов территории. Оно наносило сильный удар польской реакции в Лондоне.

Начало освобождения территории Польши способствовало укреплению демократического лагеря, выступавшего за проведение глубоких политических и социально-экономических преобразований, за коренной поворот внешней политики Польши в сторону тесной дружбы и сотрудничества с великим восточным соседом. Реакционные буржуазные силы в лице эмигрантского правительства и его сторонников в стране в своих попытках предотвратить эти изменения, установить свое политическое и классовое господство предприняли авантюристическую попытку утвердить свою власть в столице, что стоило Варшаве неисчислимых жертв и огромных материальных разрушений¹⁴. Присутствие советских войск в Польше предотвратило развязывание гражданской войны, с помощью которой буржуазно-помещичья верхушка старой Польши в лице «лондонского» лагеря и его вооруженных формирований в стране пыталась остановить прогрессивное развитие в Польше¹⁵.

¹¹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945». Т. 4. М., 1965, стр. 193, 196, 211.

¹² «Правда», 1944, 26 июля.

¹³ Там же.

¹⁴ Подробно об этом см. А. П ш и г о н ь с к и й. Варшавское восстание 1944 года. «Советское славяноведение», 1970, № 3, стр. 26—39.

¹⁵ См. В. Г у р а. Внутренние и внешние предпосылки образования народной власти в Польше. «Советское славяноведение», 1971, № 5, стр. 9—23.

На строгом соблюдении принципов уважения суверенитета страны, при всестороннем учете глубоких политических изменений, происшедших в Югославии в ходе трехлетней Народно-освободительной войны, основывалось соглашение, подписанное в Москве между Советским правительством и Национальным комитетом освобождения Югославии во второй половине сентября 1944 г., определявшее условия вступления советских войск на территорию Югославии для совместных боевых действий с НОАЮ против общего врага. Как подчеркивалось в сообщении ТАСС от 29 сентября 1944 г., советские войска после выполнения своих боевых задач будут выведены из Югославии, причем в районах их действий все функции гражданской администрации будут осуществляться органами Национального комитета освобождения Югославии¹⁶. Это соглашение открывало путь к признанию Национального комитета освобождения Югославии в качестве временного правительства страны. Одновременно оно серьезно затрудняло вмешательство во внутренние дела Югославии со стороны стран Запада, препятствовало осуществлению «балканского варианта» второго фронта, настойчиво выдвигавшегося У. Черчиллем с целью предотвращения революционно-демократических преобразований в Юго-Восточной Европе¹⁷.

8 мая 1944 г. в Лондоне было подписано соглашение об отношениях между советским главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии. Это соглашение предусматривало, что власть советских военных инстанций во всех делах, касающихся ведения войны, будет распространяться только на зону военных действий и будет оставаться в силе лишь в период этих действий. Но как только какая-либо территория перестанет быть зоной непосредственных военных действий, власть на ней незамедлительно переходит к чехословацкому правительству, которое, как указывалось в соглашении, будет оказывать советскому командованию всестороннее содействие и помощь через свои гражданские и военные органы¹⁸. Советские войска вместе с воинами 1-го Чехословацкого армейского корпуса вступили на землю Чехословакии 6 октября 1944 г. Освобождение восточных районов Чехословакии войсками Красной Армии, в рядах которых самоотверженно сражались всины 1-го Чехословацкого корпуса во главе с генералом Людвиком Свободой, способствовало широкому развертыванию демократического движения в стране. Ввиду того, что болгарское правительство продолжало, прикрывая свои действия фальшивой вывеской «полного нейтралитета», оказывать всяческое содействие гитлеровской Германии, вплоть до пропуска через территорию Болгарии немецко-фашистских войск, отступавших из Румынии, Советское правительство приняло решение об объявлении с 5 сентября 1944 г. состояния войны с Болгарией¹⁹. Войскам 3-го Украинского фронта был дан приказ вступить в Болгарию. При этом принималась во внимание внутривнутриполитическая обстановка в Болгарии — резкое обострение внутривнутриполитического кризиса и развернувшаяся под руководством Болгарской рабочей партии (коммунистов) и Национального комитета Отечественного фронта под-

¹⁶ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны», т. II, стр. 236.

¹⁷ «Теперь ни одна союзническая армия, — писал Родолуб Чолакович, — если она захочет, чтобы ее считали таковой, не сможет высадиться на нашей земле без предварительного разрешения Национального комитета». Р. Ч о л а к о в и ч. Записки из Освободительного рата, Кв. II. Београд, 1956, стр. 835.

¹⁸ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 123—125.

¹⁹ Там же, стр. 182—183.

готовка к антифашистскому вооруженному восстанию. Советским войскам было приказано, не подвергая болгарскую территорию бомбардировкам и артиллерийскому обстрелу, перейти 8 сентября болгарскую границу и продвинуться в глубь страны не дальше, чем на 110—180 километров²⁰. Были все основания предполагать, что вступление советских войск в Болгарию послужит сигналом к вооруженному восстанию народа, как это и произошло.

Сразу же после вступления советских войск на территорию Болгарии Военный совет 3-го Украинского фронта обратился от имени командования Красной Армии с воззванием «К населению Болгарии», в котором указывалось, что Красная Армия «не имеет цели захвата какой-либо части болгарской земли», что ее «единственная цель — окончательно добить фашистскую армию и уничтожить господство немецко-фашистских захватчиков в поработанных ими странах Европы. Ее цель — помочь болгарскому народу навсегда освободиться от немецкого ига, принести справедливый и прочный мир Болгарии и всем балканским народам»²¹.

Успех антифашистского народного восстания 9 сентября, образование правительства Отечественного фронта, объявившего в своей декларации о немедленном разрыве с Германией, о принятии энергичных мер по быстрейшему изгнанию гитлеровцев из Болгарии, об установлении дружеских отношений с Советским Союзом, позволили Советскому правительству прекратить к исходу 9 сентября военные действия на территории Болгарии²².

«Растущая сила и размах борьбы народа за освобождение, успех вооруженного восстания 9 сентября, — отмечал Первый секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии и председатель Государственного совета Народной Республики Болгарии товарищ Тодор Живков, — стали возможны благодаря великим победам Советской Армии над немецким фашизмом и благоприятной обстановке, сложившейся в результате ее наступления на Балканах. Славными победами во второй мировой войне и разгромом немецкого фашизма Советская Армия выполнила свою великую роль освободительницы народов, в том числе и нашего народа»²³.

Освобождение Болгарии дало возможность советским войскам приступить к операциям на территории восточных районов Югославии, которые были осуществлены силами 3-го Украинского фронта совместно с войсками НОАЮ при участии болгарских войск. В Белградской операции, продолжавшейся с 29 сентября по 28 октября 1944 г., были освобождены Сербия, Македония и значительная часть Воеводины. В Белград переехали руководящие органы народно-освободительного движения Югославии. Освобождение компактной территории со столицей Югославии в центре ее имело огромное военное, экономическое и политическое значение для дальнейшего освобождения страны, укрепления международного положения новой Югославии, которой, помимо боевых действий против оккупантов и квислинговцев, приходилось вести напряженную борьбу за утверждение завоеваний народной революции, совершавшейся в ходе антифашистской войны. Еще в сентябре 1944 г. Государственный Комитет Обороны СССР принял решение передать Югославии авиационную группу в составе двух авиадивизий (одной истребительной и

²⁰ М. М. Минасян. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М., 1967, стр. 222—223.

²¹ Цит. по: М. М. Минасян. Указ. соч., стр. 225—226.

²² Там же, стр. 229.

²³ Тодор Живков. 20 лет социалистической революции в Болгарии. Доклад VIII юбилейной сессии Народного собрания 8 сентября 1964 г. София, 1964, стр. 11.

одной штурмовой), а также вооружение и снаряжение для 12 стрелковых и двух авиационных дивизий²⁴. Вооружение из СССР стало поступать уже в ходе Белградской операции, благодаря чему боевые возможности югославской Народно-освободительной армии резко возросли. После выполнения своих боевых задач на территории Югославии войска 3-го Украинского фронта, как и было предусмотрено, покинули ее, развернув боевые действия на территории Венгрии и Австрии, проходившие в тесном взаимодействии с операциями югославских войск, во время которых советские воины не раз приходили на помощь своим югославским братьям по оружию. «Освобождение Белграда, — подчеркнул И. Броз Тито, — для наших народов имеет историческое значение особенно потому, что страна этих измученных народов является той ареной, где совместно проливали кровь сыны великого Советского Союза с достойными сынами Югославии. Этим еще раз крепко запечатлено кровное братство народов Югославии с народами Советского Союза».

Без Советского Союза, отмечал товарищ Тито, «была бы невозможна победа на фашистскими захватчиками, было бы невозможно освобождение Югославии, было бы невозможно создание новой Югославии»²⁵.

В освободительном походе Советской армии, закончившемся разгромом гитлеровской армии и водружением знамени победы над Берлином, были полностью освобождены от оккупации Польша и Чехословакия.

В своем приветствии XXIV съезду КПСС Первый секретарь Коммунистической партии Чехословакии товарищ Густав Гусак сказал: «Наши народы никогда не забудут, что именно героическая Советская Армия освободила Чехословакию и спасла тем самым наши народы от истребления их фашистами.

В борьбе за нашу свободу плечом к плечу с Советской Армией сражались чехословацкие воинские части, которыми командовал генерал армии товарищ Людвик Свобода, ныне президент Чехословацкой Социалистической Республики и член нашей делегации. В этой борьбе выкована наша прочная дружба, скрепленная совместно пролитой кровью»²⁶.

На землю братских славянских народов воины армии страны победившего социализма вступали как освободители, как друзья, как братья, обильно оросив ее своей кровью. Выступая с докладом на VI съезде ПОРП, Первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Герек подчеркнул: «Освободительная борьба нашего народа увенчалась победой благодаря объединению ее с борьбой народов Советского Союза — решающей силы в разгроме гитлеризма. С этой трибуны я обращаюсь от имени съезда и от имени всех поляков к делегации Коммунистической партии Советского Союза: передайте, товарищи, глубокую благодарность всего польского народа советским братьям, которые освободили нашу страну и собственной кровью заплатили за нашу свободу»²⁷.

Одновременно с боевыми действиями по освобождению славянских стран от фашистской оккупации Советский Союз вел сложную и трудную дипломатическую борьбу, целью которой было помочь народам этих стран отстоять свои демократические завоевания, воспрепятствовать попыткам реакционных кругов Запада навязать им старые прогнившие режимы.

²⁴ «Белградская операция». Под общей редакцией Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова, генерал-полковника югославской Народной Армии Раде Хамовича. М., 1964, стр. 85.

²⁵ «История Югославии», т. II. М., 1963, стр. 242, 253.

²⁶ «Приветствия XXIV съезду КПСС». М., 1971, стр. 64.

²⁷ «Задачи партии в области дальнейшего социалистического развития Польской Народной Республики. Программный доклад Политбюро VI съезду ПОРП». Варшава, 1971, стр. 10.

Серьезную угрозу демократическим завоеваниям народов Центральной и Юго-Восточной Европы представлял собой так называемый «балканский вариант» второго фронта, настойчиво выдвигавшийся Черчиллем взамен вторжения англо-американских войск в Западную Европу²⁸. Твердая и решительная позиция Советского Союза, требовавшего от западных союзников выполнения принятых ими на себя обязательств, подкрепленная стремительным наступлением советских войск на запад, сорвала все попытки Черчилля ввести англо-американские войска в Юго-Восточную и Центральную Европу. О том, какие последствия это имело бы для освободительного движения народов этих стран, красноречиво свидетельствует трагическая судьба Греции.

В острой дипломатической борьбе, развернувшейся в 1944—1945 гг. по польскому и югославскому вопросам между СССР, с одной стороны, и Англией и США, с другой, Советский Союз неизменно отстаивал интересы народов Польши и Югославии, оказывал всестороннюю поддержку демократическим силам этих стран в их борьбе против сил реакции, опиравшихся на правящие круги Англии и США.

«Интернационализм на деле,— указывал В. И. Ленин,— один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в своей стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) такой же борьбы, такой же линии, и *только ее одной*, во *всех* без исключения странах»²⁹.

Оказав всестороннюю поддержку демократическим революционным силам в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны, Советский Союз, явившийся воплощением животворных принципов пролетарского интернационализма, с честью выполнил этот ленинский завет.

²⁸ Н. И. Лебедев. «Балканский вариант» англо-американской стратегии в период второй мировой войны. «Новая и новейшая история», 1959, № 5.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 34, стр. 170.

В. Д. КОРОЛЮК

АКАДЕМИК Б. Д. ГРЕКОВ И СОВЕТСКИЕ ИСТОРИКО-СЛАВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(К 90-летию со дня рождения)

¶ В нашей отечественной историографии немного найдется ученых, сыгравших столь же крупную, столь же примечательную роль в развитии современных им исторических исследований, какую сыграл академик Борис Дмитриевич Греков (1882—1953). Ученый огромного исследовательского таланта, великолепно совмещавший в себе мастерство исторического анализа с блестящим даром исторического синтеза, ученый, обладавший несравненными организаторскими и педагогическими способностями, умевший органически сочетать свой исполинский творческий поиск с большой, активной общественной деятельностью, Борис Дмитриевич Греков был человеком редкостной в науке судьбы. В течение двадцати лет он был не просто крупнейшим, авторитетнейшим нашим историком — он был олицетворением достижений советской исторической науки, был учителем, мастером, возглавлявшим блестящую плеяду талантливых учеников, был творческим центром, вокруг которого группировались многие вполне сложившиеся, оригинальные и видные ученые не только среднего тогда, но и старшего поколения.

Все это, однако, не мешало ему оставаться открытым и добрым человеком, прекрасно понимавшим окружающих, их радости и печали. Всеобщее уважение и несомненные заслуги не сделали его замкнутым и недоступным. В нем не было начальственной самовлюбленности. Он не искал гордого одиночества. Как каждый из нас, он был душевно раним, как каждый из нас, радовался дружески протянутой руке, ценил сердечную теплоту и доброе слово.

Мне, тогда еще только начинающему свой творческий путь научному работнику, ученику Владимира Ивановича Пичеты, воспитанному в похорошем патриархальных традициях его семинаров, как и многим моим товарищам — начинающим славистам — особенно остро импонировало это удивительное, а в общем-то ведь естественное сочетание величия и мощи ума и доброты и благородства сердца при высоком положении в науке.

Борис Дмитриевич был первым директором Института славяноведения АН СССР. После смерти в 1947 г. Владимира Ивановича Пичеты он остался единственным руководителем института. Многие зависело тогда от него не только в наших научных, творческих судьбах, но и для наших неокрепших еще сердец и душ. Он сумел их поддержать и укрепить, поощряя обстановку дружеского, товарищеского доверия и научного энтузиазма.

Но не менее значительным было и непосредственное воздействие Бориса Дмитриевича как ученого на развитие советского славяноведения. Если в 30—40-е годы с именем академика Б. Д. Грекова совершенно справедливо связывались достижения советской историографии в области отечественной истории и отечественной археологии, то с середины 40-х годов он стал играть исключительно важную роль в судьбе отечественных славистических исследований. Вместе с академиком В. И. Пичетой и нашим в СССР в годы войны вторую родину выдающимся чешским ученым З. Р. Неedly Борис Дмитриевич стоял у колыбели возрождавшегося в нашей стране на новой методологической основе и с принципиально новой, исторической центровкой исследовательских усилий славяноведения. Впрочем, значение возрождения у нас славистических исследований он, бесспорно, понял еще раньше, когда в 1939 г. поддержал В. И. Пичету, организовавшего в рамках возглавляемого Борисом Дмитриевичем Института истории АН СССР сектор славяноведения. На базе сектора славяноведения был образован впоследствии, в 1947 г., Институт славяноведения как центральное научно-исследовательское славистическое учреждение страны.

В секторе славяноведения велась большая работа по подготовке молодых кадров. Среди других аспирантскую учебу проходил в нем и я. Ум хранит не только благодарные воспоминания о счастливых временах первых шагов в науке. Память словно бы с каждым годом все больше приближает меня к тем далеким временам и к тем прекрасным людям (многие из них, увы, уже ушли из жизни), с которыми связана моя научная юность. Сектор славяноведения был дружным, исполненным энтузиазма сектором, а Институт истории был великолепным научным коллективом с массой ярких, творческих индивидуальностей. В нем было радостно учиться и, вероятно, работать.

Обычно считается, что непосредственно к историко-славистической проблематике Борис Дмитриевич обратился только в конце 40-х годов. Это верно, однако, если говорить о славяноведении лишь в его узком значении, понимая его как исследование истории, истории культуры и филологии зарубежных славянских народов, исключая отечественную проблематику. Но такое понимание задач славяноведения искусственно и удобно, пожалуй, главным образом в организационном плане. Поэтому, наряду с узким, существует широкое понятие славяноведения как комплекса научных дисциплин, изучающих все славянство. Славистом широкого профиля Борис Дмитриевич стал, конечно, задолго до того, как обратился к исследованию средневековых памятников права южных и западных славян. Он был им бесспорно уже в 20—30-е годы, когда разрабатывал коренные проблемы истории русского крестьянства в феодальную эпоху. Впоследствии эти исследования его вылились в капитальную монографию «Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII века», где русский исторический процесс в области аграрных отношений был мастерски сопоставлен с основными этапами процесса общеевропейского и, прежде всего, центральноевропейского, творцами которого были и народы западнославянского корня. Пожалуй, в еще большей мере славистом широкого профиля выступал Борис Дмитриевич в своей выдержавшей несколько изданий классической книге «Киевская Русь». Обращаясь к проблемам исторического столкновения варваров с античным миром и участия славян в Великом переселении народов, решая проблему генезиса феодализма на Руси как проблему бессинтезного, прямого перехода от первобытно-общинного строя к феодальному, с помощью данных археологии разрушая старые — консервативные и новые — реакционные взгляды на раннесредневековое восточнославянское общество как

на общество отсталое и несамостоятельное в социально-экономическом, культурном и политическом отношении, Борис Дмитриевич решал важнейшие вопросы, имеющие принципиальное значение для исследования раннефеодального периода в истории всех славянских народов. И если ему удалось показать самостоятельный, органический, а не обусловленный внешними воздействиями путь формирования древнерусской государственности, то тем самым была в значительной мере решена и проблема образования государственности в других славянских странах, а трактовка Киевской Руси как общей колыбели трех братских восточнославянских народов — русского, украинского и белорусского, выросших из единого корня, позволила существенно продвинуть вперед исследование процессов консолидации раннефеодальных народностей у зарубежных славян.

Не случайно именно эти большие, капитальные исследования академика В. Д. Грекова оказали определяющее воздействие не только на нашу отечественную историографию, но и на славянскую зарубежную историографию, прежде всего польскую, помогая историкам славянских стран народной демократии переходить на новые методологические позиции, под новым углом зрения изучая истоки своего национального исторического процесса. Избрание Бориса Дмитриевича Грекова действительным членом Польской и Болгарской академий наук (1946 г.) и присуждение ему *honoris causa* ученой степени доктора философии Карлова университета в Праге (1947 г.) символизировали признание заслуг советского исследователя в славянских странах.

Именно эти исследования Бориса Дмитриевича сыграли особенно важную роль и в возрождении в нашей стране историко-славистических исследований в узком смысле этого слова. В их русле начинались как конкретные, монографические разработки отдельных проблем становления и развития феодализма у западных и южных славян в нашей историографии, так и опыты суммарного освещения эпохи феодализма в таких больших обобщающих трудах Института славяноведения, как истории Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии. Будучи директором Института (1947—1951 гг.) и — что следует подчеркнуть особо — научным руководителем его коллектива, Борис Дмитриевич не только энергично поддерживал планы издания такого рода капитальных трудов, но и непосредственно влиял на их авторские коллективы, помогая им выработать основные абрисы марксистских концепций национальной истории зарубежных славянских народов в эпоху феодализма.

И если многие из тех, кто, как я, приступил в 40-х — начале 50-х годов к самостоятельной работе над проблемами генезиса, становления и развития феодализма у западных и южных славян, считали и считают сегодня себя учениками Бориса Дмитриевича Грекова, хотя, быть может, и не учились непосредственно у него на студенческой скамье или в аспирантуре, то это не только благодарная память о выдающемся ученом и директоре Института, это — очевидное свидетельство его роли в возрождении и становлении на новых принципах историко-славистических исследований, как в широком, так и в узком их понимании, в нашей стране.

К историко-славистическим исследованиям в узком смысле Борис Дмитриевич пришел, действительно, во второй половине 40-х годов. Нужно подчеркнуть, однако, что обращение к истории западных и южных славян было прямым развитием его прежних исследований, примыкало к ним логически. От углубленных многолетних занятий Русской Правдой исследовательский поиск естественно вел к памятникам средневекового феодального права у других славянских народов. Борис Дмитриевич обратился прежде всего к памятникам южнославянского происхождения.

В результате работы над памятниками средневекового хорватского законодательства — Винодольским статутом XIII в. и Полицким статутом XV—XVII вв. — появились две книги: «Винодольский статут об общественном и политическом строе Винодола» (1948) и «Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв.» (1951), впоследствии переизданные в первом томе «Избранных трудов» Б. Д. Грекова (1957). В этот же том вошло и посмертно изданное его исследование «Польская Правда» — опыт изучения сложного памятника польского обычного права, записанного на немецком языке в XIII в. Несмотря на язык памятника, несмотря на то, что он был записан на территории, захваченной рыцарями-крестоносцами, Борис Дмитриевич придавал ему очень большое значение, полагая, что так называемая Польская Правда отражает общественные явления, характерные и для всех других польских земель. «Если сравнительное изучение славянских законодательных памятников, — писал он, — обобщает наши сведения по истории славянских народов и плодотворно вообще, то сравнительное изучение Польской и Русской Правды дает особенно много для понимания спорных, иногда очень неясных текстов обоих этих источников».

При исследовании хорватских и польских памятников средневекового права Борис Дмитриевич не просто опирался на свой богатый опыт работы над Русской Правдой — предпринимая свои новые исследования, он как бы возвращался к годам расцвета своих творческих и жизненных сил, к тем годам, когда задумывалась его монография «Киевская Русь». Читая его «Винодол», «Полицу» или «Польскую Правду», отчетливо ощущаешь, что мысль ученого волнуют именно те вопросы и проблемы, которые заставили его в свое время выступить с эпохальной статьей — докладом «Рабство и феодализм в Древней Руси» (Известия Гос. Акад. матер. культуры, 1934, вып. 86).

Именно поэтому, вероятно, все три работы Б. Д. Грекова написаны по одному плану: сначала каждый памятник изучается как источник для восстановления картины хозяйственной жизни общества, затем ученый переходит к характеристике общественного строя и производственных отношений, политического строя и государственного устройства, суда и судопроизводства. Такое построение трех названных работ легко понять, зная исследования ученого по истории Киевской Руси. Борис Дмитриевич как бы еще раз проверял себя, свои выводы на новых, нерусского происхождения источниках. Была, однако, в такого рода последовательности анализа и своя слабая сторона — слишком много места в ущерб тщательному исследованию источниковедческого порядка занимал разбор вопросов, нашедших уже свое принципиальное решение в науке. Особенно бросается это в глаза при чтении разделов, посвященных хозяйственной жизни.

Здесь я не ставлю своей задачей дать критический разбор трудов Бориса Дмитриевича по истории феодального права хорватов и поляков. То, что я пишу — всего лишь отдельные штрихи в большом творческом портрете нашего выдающегося историографа. Поэтому, характеризуя эти работы ученого, замечу лишь, что изучение памятников средневекового славянского законодательства не было для него самоцелью. Учитывая факты этнической, языковой, культурной и исторической близости славянских народов в период феодализма, он стремился выявить общие закономерности феодального общества в целом, разрешить с помощью источников западно- и южнославянского происхождения некоторые спорные и нерешенные вопросы истории русского средневековья, использовать русские памятники для решения отдельных важных проблем в истории других славянских народов. Изучая вервь Полицкого статута, он пола-

гает, что анализ этого памятника подтверждает его вывод, что вервь Русской Правды — не большая патриархальная семья, а соседская территориальная община (в литературе последних лет, впрочем, все больше сторонников находит взгляд, что термин *вервь* означает патронимию). С помощью «ополья» Польской Правды Борис Дмитриевич реконструирует картину быта и внутренней организации древнерусской общины, в то время как польский феодальный судебный процесс XIII в. помогает ему отчетливее понять судебный процесс на Руси того же времени. Зато Русская Правда позволяет ему ставить вопрос о существовании в раннефеодальной Польше института мести, впоследствии отмененного. Если данные Польской Правды дают дополнительную аргументацию в пользу его точки зрения, что термин «*смерд*» в Киевской Руси означал феодально-зависимого крестьянина, то параллельное изучение Русской и Польской правд позволяет ему формулировать вывод о быстром отмирании рабовладельческого уклада в Польше, дает возможность подчеркнуть особенности развития этого уклада на Руси.

Борису Дмитриевичу, к сожалению, не удалось выполнить всей задуманной им программы работ над памятниками славянского феодального права. Им планировались исследования других памятников средневекового права Польши, а затем Чехии и Болгарии. В итоге должен был появиться большой обобщающий труд.

Впрочем, отнюдь не всегда большие монографии открывают новую эпоху в науке. Не только в точных и естественных, но и в гуманитарных науках эпохальными чаще, пожалуй, оказываются монографические статьи, дающие принципиальное решение того или иного коренного вопроса науки, намечающие четкие пути его дальнейшего исследования. Это — как бы статьи-коды, содержащие в себе основную информацию и программы больших капитальных исследований как самого автора, так и его последователей, исследований, призванных детально развить и обосновать сформулированную ранее точку зрения. Борис Дмитриевич не мог не понимать значения такого рода статей. С ними ему приходилось уже выступать по сложнейшим спорным вопросам отечественной истории. Думается, что к такому выступлению готовился Борис Дмитриевич и в области славяноведения. Оно должно было определить значение синхростадиального сравнительно-исторического метода исследования законодательных памятников славянского прошлого, дать историкам-славистам четкую программу их предстоящих работ в этой области. Свидетельством того, что Борис Дмитриевич готовил себя к такому программному выступлению, являются две его интересные и яркие статьи с массой новых наблюдений и наметок предстоящих работ. Речь идет о его статьях «Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого статута» («Вопросы истории», 1951, № 8) и «Русская Правда и ее славянское окружение» (Изв. АН СССР, сер. истории и философии, 1952, № 2). Обе они были переизданы позже во втором томе «Избранных трудов» В. Д. Грекова (1959).

Но если обращение к исторической проблематике зарубежного славянства было органически связано с исследованиями Бориса Дмитриевича в области отечественной истории, то его активное практическое участие в возрождении в СССР историко-славистических исследований в узком смысле слова отвечало его позиции, его взглядам ученого — организатора и руководителя исторической науки, гражданина и патриота. Развития широких историко-славистических исследований, как и византиноведческих, возрождению которых Борис Дмитриевич тоже придавал очень большое значение, требовали интересы углубленной разработки вопросов истории СССР. Без достаточно широких славистических и византиноведческих исследований (и этого не мог не понимать ученый такого большого мас-

штаба, как Б. Д. Греков) между советскими исследованиями в области отечественной истории и истории Западной Европы возникал угрожающий разрыв. Без детальной разработки проблем Центральной и Юго-Восточной Европы было невозможно дать подлинно научный анализ общеевропейского исторического процесса. Как гражданин Советского Союза, как русский человек, академик Б. Д. Греков понимал, вместе с тем, что широкие советские историко-славистические исследования могут явиться серьезным фактором культурного и идеологического общения народов нашей страны со славянскими странами народной демократии, а прочные позиции в славяноведении и византиноведении создадут советской исторической науке дополнительные, и большие, возможности для воздействия на мировую гуманитарную науку в целом. Борис Дмитриевич был не только блестящим исследователем, он обладал острым чувством нового, он не позволял себе забывать о движении исторической мысли, был проницателен и прозорлив в науке.

Перед моими глазами вновь и вновь встают, сменяясь одна другой, близкие сердцу картины двадцатилетней давности. Я вижу Бориса Дмитриевича высоким и красивым стариком с густой сединой волос, патриархом за столом Ученого совета, внимательно слушающим и с большим искусством руководящим острой порю дискуссией. Столь же живо вспоминается мне он и в домашнем кругу, добрый, простой, гостеприимный, часто с усталыми, чуть потускневшими глазами. Но глаза эти сразу же оживляются, в них загораются искры несомненного интереса, как только заходит речь о вопросах науки. Борис Дмитриевич устал, но ему интересно слушать даже еще совсем молодую поросль историков, ему не скучно разговаривать с ними.

И. С. НАРСКИЙ

ФИЛОСОФИЯ ДЕМБОВСКОГО — ВЕРШИНА В РАЗВИТИИ ПОЛЬСКОЙ ДОМАРКСИСТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

(К 150-летию со дня рождения)

Эдвард Дембовский как философ поистине уникален. Он родился 25 апреля 1822 года; и не только его молодость, но и вся сознательная жизнь уложилась в короткий интервал между польским национально-освободительным восстанием 1830—1831 гг. и общеевропейской «Весной Народов» 1848—1849 гг. Печать юношеской свежести и непосредственности, кипучего задора и революционной страстности лежит на его творчестве. Во всей мировой истории философии и даже в истории культуры вообще очень редки примеры того, чтобы за столь небольшое время так много удалось сделать, как это удалось Эдварду Дембовскому, не достигшему 24 лет.

То, что он сделал в философии, было не чем-то инфантильным, ученическим и случайным, но наоборот — существенным и необходимым. Совсем рано среди юношеских проб зазвучал голос все более зрелого и уверенного в своей правоте и миссии мыслителя. С его именем связано одно из значительных и самых ярких усилий создать на основе достижений идеалистической диалектики Фихте, молодого Шеллинга и Гегеля, переработав ее в горниле революционной практики, диалектическую философию борьбы трудящихся масс за свое освобождение. Актуальность этой задачи в условиях, когда на Востоке Европы зрело антифеодальное движение, на Западе собирались силы уже для антикапиталистического революционного подъема, предполагала, что за нее непременно возьмутся не один, а несколько мыслителей, и не в одной, а в ряде стран. Так оно и произошло. Но в этом философском хоре голос Дембовского не был повторением или слабым отблеском того, что прозвучало из других уст. Он обогатил революционно-демократическую мысль своеобразием польской действительности тех лет и польского национального характера, блеском своего таланта и революционного темперамента; ряд актуальных идей он высказал ярко, с большой силой и оригинальностью.

Что следовало бы отметить здесь прежде всего? Конечно, разработку им теории революционной социальной диалектики.

Важные элементы этой теории — высшее достижение самого Дембовского и наибольшее завоевание всей польской домарксистской философии. Прошедшие после первых марксистских работ о философии Дембовского два десятилетия показали, что в такой оценке преувеличения нет. Эти элементы еще не составляют единого целого: для этого требовалось всесторонне истолковать природу и в особенности в трактовке общества занять действительно материалистическую, а значит не сводящую

ся к абстрактной декларации, позицию, что было в Польше начала 40-х годов XIX в. еще более трудным делом. Но оставаясь фрагментарными, диалектические изыскания Дембовского и ныне восхищают своей революционной бескомпромиссностью, пониманием глубокой связи философии и политики. Он поднял на голову выше всех других польских и немецких левогегельянцев, преодолел сами рамки гегельянского движения по существу. Не он один понял, что самое актуальное поле приложения диалектического метода — это философия прошлой, настоящей и будущей и с т о р и и своего и других народов, но он применил его не в ущерб диалектике п р и р о д ы (вспомним его краткие, но любопытнейшие заметки в «Przeglądzie Naukowym», журнале, так много сделавшем для распространения философских знаний в Польше, — по поводу натурфилософии Шеллинга и новейших для того времени естественно-научных открытий), и что еще более важно, связал свою трактовку диалектики с национально- и социально-освободительной борьбой широких слоев народа, с борьбой трудящихся масс — ремесленников и крестьян. Философско-социологические категории «простой народ», «творчество», «дерзание», «будущее» — в центре диалектического мышления Дембовского. И они сплетены им в один тугий узел категорией «противоречие». Исходя из этих категорий мыслитель рассмотрел проблемы связей философии и истории, диалектики и политики, истории и разума, прогресса и народности, разума и революции. Анализ не был доведен до конца, философа призвала к себе революционная практика, он отдал ей силы, потом жизнь. Дембовский только начал собирать теоретическую жатву, завершить сбор ему не было дано, но урожай зрел обильный. Наиболее плодотворное и зрелое из диалектических изысканий выдающегося польского диалектика — его знаменитая статья «Несколько мыслей об эклектизме».

Статья эта, написанная ранней весной 1843 г., — поистине жемчужина не только в польской, но и в мировой литературе по диалектике на домарксистском этапе ее развития. В недавно вышедшем в свет третьем томе «Антологии мировой философии» (М., 1971) философские работы Дембовского и прежде всего названная статья занимают достойное и видное место. В этой статье мы находим удивительно самостоятельный критический взгляд на Гегеля, твердое убеждение в неодолимости общественного прогресса, указание на противоречивость как на существеннейшую характеристику всякого развития, а на противоречия — как на движущую его силу. Это увенчано определением прогресса, которое нельзя не процитировать: «По самому общему определению прогресс является столкновением противоречащих друг другу элементов, которые в результате взаимной борьбы и соответственно в итоге победы одной силы над другой ведут к созданию [нового] организма и составляют прогресс, жизнь именно потому, что вновь ведут непрерывную борьбу с новыми элементами». (1, 190; 2, III, 345—346)¹.

В статье об эклектизме мы встречаемся с проникательным анализом, который юный философ, а ему было немногим более 20 лет, проводит в отношении гегелевского примирения противоположностей. В этом примирении Дембовский видит один из частных случаев «эклектизма», т. е. подмены разрешения противоречий слиянием сторон неразрешенного противоречия, и, руководствуясь своим острым революционным чутьем, вскрывает в этой связи социальные причины беспринципных компромиссов

¹ Всюду ниже цифрой 1 дается указание на III том «Избранных произведений прогрессивных польских мыслителей», М., 1958. Затем цифра 2 указывает на пятитомное издание «Edward Dembowski. Pisma». Warszawa, 1955. Номер тома указан римской цифрой. Двухзначные и трехзначные цифры всюду обозначают страницы.

в политике и их реакционный смысл. Чрезвычайно интересна и проводимая философом классификация видов «эклектизма»: под эту философскую, им впервые в теорию диалектики введенную категорию, у него подпадают конституция 3 мая 1791 г., жирондисты, шляхетско-буржуазный либерализм, польский мессианизм, немецкое младогегельянство периода его деградации, эпигоны утопического социализма. Перед нами удивительное сочинение, написанное страстно, в едином порыве и в то же время логически последовательно, ясно и трезво. Следует сказать, что отмеченная Дембовским антидиалектическая подмена синтеза противоположностей их примирением, конъюнкцией только в наше время с большим трудом преодолевается в работах марксистов, много лет писавших по вопросам соотношения диалектики и формальной логики.

Дембовский был лучшим в свое время в Польше, во всех трех — в ту эпоху расчленения — ее частях, знатоком философии Гегеля. Он наиболее верно понимал ее внутреннюю суть, ее сильные и слабые стороны. И он не останавливался на ней. Его статья об эклектизме — это только один, хотя в принципе и очень важный, шаг на пути к качественно иной философской теории. И Дембовский — весь в этом творческом движении, в непрестанной философской эволюции. Перед нами не какое-то беспорядочное метание, а ускоренное прохождение последовательных этапов развития мировой философии, прохождение по высшим, так сказать, пикам и зубцам линии этого развития, и вместе с тем интенсивные усилия, направленные на выработку оригинального революционно-демократического мировоззрения. Каждая новая статья — новый шаг вперед. Ни одно действительно значительное явление в области мысли не пропускается равнодушно, — Дембовский не оставил без внимания те крупницы истины, которые были в «Пролегоменах к историсофии» А. Цешковско-го, испытал воздействие исторической концепции И. Лелевеля, ознакомился с произведениями А. Сен-Симона; я уже не говорю о всей классической немецкой философской и литературной традиции, историю развития которой он повторил в суммарном виде, описал в специальной работе и оставил позади себя как пройденный этап. Теоретические находки мыслителя не всегда четко и однозначно формулируются, но их смысл становится для нас вполне определенным в контексте практической революционной деятельности Дембовского, а отчасти и в контексте его литературно-эстетической борьбы за торжество принципов революционного романтизма. Поэтому представляется ошибочным вывод, будто статья «О стремлениях теперешнего времени» (август, 1845 г.) была шагом назад по сравнению с его предыдущими философско-публицистическими произведениями.

Историсофская диалектика Дембовского очень быстро эволюционировала от отвлеченных размышлений о «ступенях обобществления» к практически-действенной позиции соединения утопического социализма с революционным демократизмом. Убежденный противник частной собственности, критик не только феодальных (в Польше), но и капиталистических (в Англии) порядков, — таким в итоге предстает перед нами этот философ и революционер. «... Никто не сможет приказать человечеству: только до сих пор, но не дальше!» (1, 247; 2, IV, 81). Эти слова удивительно похожи на аналогичное высказывание Белинского: «...никогда человечество не скажет себе: «Стой, довольно, больше идти некуда!». Вообще у Дембовского и Белинского находят много поразительных параллелей. И данный факт говорит не только о том, что указанная идея носилась в воздухе как диалектическое отрицание известных положений Гегеля, ставивших предел общественному развитию, но и о том, что лучшие умы того времени в различных, в данном случае — славянских, странах вы-

сказали ее в аналогичной форме и предельно чеканным образом. Именно в диалектических тезисах их революционная мысль находила наиболее адекватную себе форму выражения.

Вопрос о том, был ли Дембовский в последний период его творчества (здесь речь идет буквально о нескольких месяцах) материалистом или по крайней мере, приблизился к этому в достаточно заметной степени, — конечно, очень существен. Если ответ на него положителен, то мыслитель принадлежит к тем философам, которые, по словам В. И. Ленина, подошли к диалектическому материализму и остановились перед материализмом историческим. Разумеется, ответ не может быть сконструирован априорно, исходя из желаемого его содержания. Но желательность положительного ответа иногда, видно, влияла на исследователей. Наверное, в этом причина того, что в некоторых справочных изданиях Дембовский был просто назван «материалистом». Точный ответ может быть получен путем тщательного анализа его статьи «Мысли о будущем философии», напечатанной в майском номере журнала «Rok» в 1845 г., хотя ограничиться анализом только этой статьи тоже было бы не вполне верно.

Статья представляет собой ответ Дембовского на концепцию, развитую Л. Фейербахом в «Основных положениях философии будущего» и ставшую предметом напряженных размышлений польского мыслителя. Для него «философия будущего» и «философия творчества», действия — понятия тождественные. Революционный вождь и убежденный социалист, безгранично любящий свою родину и народ, патриот и интернационалист, конспиратор, агитатор, пропагандист и организатор открытой борьбы, — Дембовский искал не схематичного, а конкретного ответа на следующие вопросы: Какой именно должна стать в будущем философия как теоретическое оружие восставшего простого народа? Если эта философия призвана иметь в качестве одной из своих центральных категорий понятие «творчество», то какой должна быть точная характеристика последнего?

Вслед за молодым Марксом, воочию это увидевшим в Париже в 1843 г., Дембовский, находясь в Познани, в 1845 г. обнаруживает, что «во Франции практика обгоняет теорию, поток событий перегоняет в своем беге слабую мысль, у немцев — наоборот» (1, 273; 2, IV, 364). Преодолеть недостатки того и другого отношения к действительности значило подняться на более высокую ступень и, с одной стороны, преодолеть абстрактность мыслей, ставшую у последователей Гегеля «мертвой», а с другой — победить пассивность, представители которой способны лишь «отдаться бессознательному вихрю исторических событий» (1, 274; 2, IV, 365). Осознание этой задачи в полноте ее обеих составляющих возвышает Дембовского над Фейербахом, поскольку именно в трактовке с о ц и а л ь н о й действительности и с о ц и а л ь н ы х задач тот не поднялся над созерцательно-просветительской и натуралистической позицией. Тезисы Маркса и Энгельса о Фейербахе дают глубокую критику именно этой ограниченности великого немецкого материалиста. И Дембовскому с натурализмом Фейербаха в определении своего отношения к общественным событиям, к политической жизни было явно не по пути.

Замечательный польский мыслитель достиг гораздо более широкого, чем Фейербах, общественного кругозора, но мы еще не сказали, чем он был Фейербаху обязан. Не атеизмом, ибо атеистом Дембовский уже был, и атеистическая работа молодого Энгельса «Шеллинг и откровение» сразу же после ее опубликования (март 1842) встретила его полное одобрение. Дембовский был обязан Фейербаху поворотом на материалистический путь мышления.

Как известно, Маркс и Энгельс стали материалистами самостоятельно, независимо от Фейербаха, и знакомство их с «Сущностью христианства» (1841) только закрепило и ускорило их развитие как философов-материалистов, причем в области диалектики с самого начала Фейербах оставался далеко позади их. Диалектическое мышление Дембовского также развивалось самостоятельно, однако переход его на позиции материализма совершается именно под стимулирующим воздействием Фейербаха.

При чтении статьи о будущности философии видно, как мучительно бьется мысль Дембовского в поисках адекватных формулировок. Ему тем более трудно, что и у Фейербаха материализм был выражен зачастую далеко не адекватно и не однозначно: «Истинность есть то же самое, что действительность, чувственность» — писал Фейербах в «Основных положениях философии будущего». Эти слова буржуазные комментаторы пытались толковать в духе субъективного идеализма и иррациональной «Lebensphilosophie», но их подлинный смысл, как вытекает из контекста сочинения, материалистический. «Творчество есть всеобщий живой закон, оно действительно и чувственно» (1, 275; 2, IV, 366), — пишет Дембовский в своих «Мыслях...». Видеть в этой формулировке только парафразу младогегельянских построений М. Гесса, утверждавшего, что не только мышление, но и вся человеческая деятельность должна быть «поднята до позиции, на которой исчезают все противоположности», или же конструкций А. Цешковского, требовавшего «реинтеграции природы» в сферу активного духа, было бы несомненной ошибкой. Конечно, формула, гласящая о совпадении действительности и чувственности, могла быть истолкована и не только как тезис о предметности, материальности объективного бытия и о данности его нам в ощущениях. Но повышенный акцент на указанное совпадение был у Дембовского своеобразной формой выражения его социальных революционно-демократических устремлений, постановки и попытки им решения задачи соединения «мысли и действия», реальной борьбы и ее объективных условий, с одной стороны, восприятия и субъективного осознания этой суровой реальности, с другой. Искомое соединение есть практика, та общественно-материальная и в то же время сознательная практика, о которой Маркс в «Тезисах о Фейербахе» писал как о «человеческой чувственной деятельности», причем связывал понимание этого фундаментального факта с преодолением созерцательности всего прежнего материализма, включая и феербаховский. Зачатки этого же хода мысли проявлялись в юношески экзальтированных, еще несколько туманных и неотчетливых рассуждениях Эдварда Дембовского о «творчестве», в развитии понятия которого он видел «задачу будущей философии» (1, 275; 2, IV, 366). Он вовсе не собирался «остановиться» на Фейербахе; следует учитывать, что ведь и сам Фейербах прокламировал преодоление созерцательности, хотя он и не сумел это осуществить.

Можно сказать, что незавершенность материалистических положений Дембовского была следствием того, что он не успел одновременно и в тесном единстве решить сразу две огромной важности задачи — определить отношение мысли к действительности в общеполитическом плане и выяснить взаимодействие объективного и субъективного внутри общественной практики. Решение этих двух действительно тесно взаимообусловленных задач дали Маркс и Энгельс в «Святом семействе»: материальное бытие определяет собою сознание, общественное материально-практическое бытие определяет собою общественное сознание. Дембовский приблизился к верной постановке этих задач, а отчасти и к верному их решению. Пуля оборвала его жизнь в самый знаменательный момент его философского развития, но сама трагическая гибель революционера послужила

как бы символом такого подхода. Примат практики над мыслью о ней Дембовский утвердил всей своей героической жизнью, своим самоотверженным поведением в дни Краковского национально-демократического восстания 1846 г. Но не менее значителен и его теоретический, пусть не завершенный, подвиг, и сбылось ныне его предвидение: «Философия в Польше не окажется оторванной от жизни, не будет мертвой абстракцией, но послужит основой общественной жизни... Наука об обществе заменит... целиком отжившие свой век... иллюзии» (1, 278, 286, 2, IV, 369, 377).

В личности Эдварда Дембовского есть много по-человечески волнующего и трогательного. Его надеждам не суждено было сбыться, как и надеждам другого выдающегося мыслителя и борца — Николая Добролюбова в России, в народных массах которой польский революционный демократ, как и его русский собрат, видел могучую революционную силу. Для Дембовского русский народ, крестьянство и ремесленники, русские революционеры — надежные и верные союзники. Жизнь его, как и Добролюбова, остановилась на грани первого двадцатипятилетия, но свершения этих ранних лет были необыкновенны. Дембовский не успел стать великим философом, но приметы будущего мыслителя такого ранга содержат в себе лучшие его философские статьи, такие как «Несколько мыслей об эклектизме» (1843), «Творчество в общественной жизни» (1843), «О поступательном движении в философском понимании реального бытия» (1844), «Мысли о будущности философии» (1845).

Дембовский был современником молодых Маркса и Энгельса, его жизненный путь знаменовался все большим сближением с величайшей дорогой жизни и борьбы основоположников марксизма. Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» заявили о своей поддержке группы Дембовского в Краковской революции 1846 г. Дембовский успел даже, как было отмечено, ознакомиться с одной из ранних анонимных полемических работ Энгельса. Но он не знал имен Маркса и Энгельса, не успел с ними встретиться, не дожидая двух лет до того дня, когда революционное учение борющегося пролетариата было провозглашено на весь мир пламенными строками «Манифеста Коммунистической партии».

Эдвард Дембовский — вместе с социалистической, народной Польшей, с ее боевым авангардом — коммунистами. Он со всеми нами. Он вошел в историю философской и общественной мысли в Польше как творец высших ее диалектических достижений в домарксистский период развития. Он среди тех, кто объективно подготовил почву для распространения марксистской мысли в славянских странах Центральной и Восточной Европы, кто своими теоретическими работами и практической революционной борьбой способствовал последующему восприятию диалектического и исторического материализма в этих странах, хотя процесс усвоения марксизма в этих странах, как и во всех других, не мог, конечно, протекать безболезненно, плавно, сам собой, и в порядке некоей чисто мыслительной филиации. На арену борьбы выступил новый революционный класс, в годы жизни Дембовского только еще зарождавшийся в Польше, пришли новые поколения борцов, которые преодолели стоявшие перед ними грозные преграды.

Именно великую историческую миссию марксистско-ленинской философии предсказал по сути дела Эдвард Дембовский, когда в 1845 г. он писал, что только философия творчества, активной социальной борьбы народных масс «выполнит миссию народов, творя с каждым мгновением высшую действительность свободы; только она будет соответствовать потребностям нашей эпохи; всякая иная философия мертва и бессильна, является призраком прошлого, желающим искусственно поддержать искусственную жизнь» (1, 275; 2, IV, 366).

Мы видим, как неповторимость жизни и творчества Эдварда Дембовского оказывается своей диалектической противоположностью — типичным явлением, выражающим запросы и содержание одного из решающих и самых существенных периодов в истории не только польской, но и мировой философской мысли. Дембовский — один из плеяды тех революционных демократов, которые в философии сохранили прогрессивное ядро диалектики Гегеля и наметили пути к ее коренному преобразованию и развитию на качественно более высокой основе материализма. Одновременно перед нами вновь выступает уникальность творчества Дембовского, но теперь уже не в смысле психологической одноразовости, а в виде значительной его историко-философской ценности: да, были революционные демократы, которые больше, чем он, преуспели в материалистическом осмыслении действительности, но в разработку революционной диалектики он внес новое и важное и притом раньше многих других, и значение его превосходной статьи об эклектизме в этой связи надо подчеркнуть еще раз.

Уже не раз сравнивали Эдварда Дембовского с огненным метеором, который пронзил омраченный тяжелыми тучами исторический небосвод Польши первой половины 40-х годов прошлого века. Но все непреходящее значение пути, который был прочерчен этим «философским метеором», вырисовывается только теперь, в перспективе пятнадцати десятилетий, в обстановке торжества идей социализма в народной Польше. Это значение велико, мы с благодарностью о нем помним.

З. Ю. КОПЫССКИЙ

МАГДЕБУРГСКОЕ ПРАВО В ГОРОДАХ БЕЛОРУССИИ

(конец XV — первая половина XVII в.)

С магдебургским правом связана более чем трехвековая (конец XV—XVIII вв.) история городов Белоруссии. Исследования белорусских советских историков, опубликованные за последние 15 лет, содержат убедительные доказательства в целом поступательного, хотя и замедленного в этот период развития белорусского феодального города¹. Тем самым была опровергнута созданная в прошлом столетии русской буржуазно-дворянской историографией версия о прогрессирующем упадке городов Великого княжества Литовского в течение XVI—XVIII вв.

Обосновывая свое новое решение исключительно данными об экономическом развитии городов, советские историки упустили из виду ту роль, которую буржуазно-дворянская историография отводила магдебургскому праву и правовому аспекту в целом в подтверждение своего вывода об упадке городов.

Известно, что на взгляды ряда буржуазных и дворянских историков государственной школы прямо или косвенно оказывала влияние политика царизма в Западных губерниях империи.

Большую роль в построениях многих историков того времени сыграла их клерикальная настроенность.

Отрицательное значение магдебургского права одни видели в том, что оно лишило белорусские города привычной атмосферы старины и бросило в объятие чуждых им правовых норм и политических учреждений (М. Ф. Владимирский-Буданов, И. Д. Беляев)². Другие (В. Б. Антонович, А. С. Грушевский) считали, что магдебургское право, предписанное городам верховной властью в качестве спасительного инструмента, не оправдало возлагавшихся на него надежд, так как оно было чуждо горожанам. Процесс уядания городов под тяжестью произвола великокняжеской администрации, шляхетского сословия продолжался³.

¹ «История БССР», т. I. Минск, 1961; «История Минска». Минск, 1957; «Могилев. Исторический очерк». Минск, 1959; «Полоцк. Исторический очерк». Минск, 1962; «Гродно. Исторический очерк». Минск, 1964; А. П. Грицкевич. Слуцк. Исторический очерк. Минск, 1960; З. Ю. Копыцкий. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Минск., 1966; см. также: «Бібліяграфія па гісторыі Беларусі», Минск, 1969.

² М. Ф. Владимирский-Буданов. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868; И. Д. Беляев. История Полоцка или Северо-Западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872.

³ В. Б. Антонович. Монография по истории Западной и Юго-Западной России, т. I. Киев, 1885; А. С. Грушевский. Города Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв. Их старина и борьба за старину. Киев, 1918.

Сравнительно недавно отрицательная оценка значения магдебургского права, весьма близкая к изложенной выше, была дана на страницах «Советской исторической энциклопедии» в статье «Магдебургское право». Автор статьи утверждает, что магдебургское право «обеспечивало в славянских землях привилегированное положение немецким (в белорусских и украинских городах также польским) купцам и ремесленникам за счет ущемления прав местного населения, которое не избиралось в магистрат, не имело права вступать в некоторые цехи, держать бакалейные лавки и т. д.»⁴ Магдебургское право в городах Белоруссии изображается не только чуждой, но и враждебной белорусскому городскому населению формой организации внутригородской жизни, что внушает мысль о насильственном навязывании магдебургского права белорусскому горожанину.

Факты расходятся с такой оценкой магдебургского права.

Прежде всего следует отметить, что магдебургское право в Белоруссии не могло иметь в виду обеспечение привилегированного положения немецкого и польского купечества по той простой причине, что в XVI — первой половине XVII в. основную массу городского населения Белоруссии, в том числе и его купеческий слой (по нашим подсчетам, сделанным на основе данных 103 инвентарей 76-и городов и местечек) не менее 80% всего числа горожан составляли белорусы. Иноземцы, в том числе и поляки, составляют крайне редкое исключение. Установить это нетрудно, так как в каждом инвентарном описании города отмечалось иноземное происхождение жителя. Например, в инвентаре Бобруйска 1639 г. отмечены «Васко жомайтинович», «Матвей вольнец», «Гелиаш вольнец», «Ивашко москаль», «Никон москаль», «рымар Януш венгр». В инвентаре местечка Стрешин за 1615 г. отмечен «Шешко поляк из Солоного»⁵ и т. д.

Только в инвентаре Давид-Городка за 1653 г. мы находим перечень 11 иноземцев, владевших в городе лавками. Все они названы в инвентаре «паны шоты», что можно понять как выходцы из Шотландии. На иноземное происхождение указывают их имена и фамилии: Якуб Огильби, Криштоф Вагнер, Ян Фитинк, Альберт и Давид Гильберты, Якуб Корднер, Вильгельм и Ян Давидзоны и т. д.⁶ Заметные группы среди горожан на западе и в центре составляли евреи и татары, а на востоке — русские.

Источники конца XV и начала XVI в. прямо указывают, что городское население формировалось и пополнялось главным образом за счет белорусского крестьянства. В 1499 г. бояре Полоцка подали жалобу великому князю, в которой писали, что «хлопье их невольная и роботы и иные люди в пенезях будучи, втекают до войта и мещан, и они их не выдают»⁷. В 1526 г. власти Гродно сообщили великому князю: «люди с волости ушли в Гродно и торгом занялись, а земли-отчизны свои не держат и не пахут»⁸, а в 1530 г. великокняжеская грамота отмечала, что Могилевской волости «многие люди... с отчизн своих разышлися проч и мешкают по местам (т. е. в городах — З. К.)». Тогда же многие феодалы Полоцкого воеводства заручились великокняжескими грамотами на

⁴ «Советская историческая энциклопедия», т. 8. М., 1965, стб. 884.

⁵ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией (далее — АВАК), т. XXV; Рукописное отделение Фундаментальной библиотеки Академии наук Лит. ССР (далее — РОФБАН), ф. 43, д. 3653.

⁶ Центральный государственный исторический архив (далее — ЦГИА) БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1913 л. 28.

⁷ Акты Западной России (далее — АЗР), т. I. СПб., 1848, стр. 199—200.

⁸ АВАК, т. XVII, стр. 69.

розыск их крепостных, бежавших в Полоцк⁹. Бегство крестьян в города продолжалось в течение всего XVI и первой половины XVII в. В 30—40-х годах XVII в. к великокняжескому суду за невыдачу беглых привлекались магистраты Могилева (4 раза), Полоцка (4 раза), Кобрина, Бреста, Дисны, Орши, Мстиславля, Черикова и ряда других белорусских городов¹⁰. Пополнение городского населения за счет иноземцев ограничивалось единичными фактами.

В таможенных книгах Бреста за 1583 и 1605 гг., Гродно за 1600 и 1605 гг., Витебска за 1605 г., Могилева за 1612 г., Полоцка за 1616 г. названы около 1500 фамилий купцов из 50-и городов Белоруссии. Иноземцев среди них лишь 7 человек в числе купцов Могилева; они названы, как и в инвентаре Давид-Городка, «шотами»¹¹.

Аналогичную картину дают и записи судебных дел в книгах рады Бреста за 1621—1644 гг., Гродно за 1638—1644 гг., Полоцка за 1650 г., Слуцка за 1655—1656 гг., Могилева за 1578—1642 гг. Следовательно, не поощрение иноземного купечества в городах Белоруссии, а экономические, социальные и политические потребности самих белорусских городов подготавливали почву для магдебургского права в Белоруссии.

Уже в конце XV — начале XVI вв. налоги с городов, пошлинные сборы с купеческой торговли стали существенным источником пополнения великокняжеской казны¹². Возможность превратить экономическую деятельность городов в постоянный источник дохода — вот то главное основание, на котором строилась городская политика верховной власти и крупных феодалов, как политика поощрения и гарантии ремесленной и торговой деятельности горожанина. Какой эффект давали меры поощрения в развитии городов, можно судить по свидетельству Николая Воркоча, проезжавшего через Белоруссию в Москву в 1593 г. Вот что он писал о возникновении городка Нача. «Город выстроен только 9 лет назад. Город получил льготу от всех поборов и повинностей на 20 лет. После того как была дана такая льгота, тотчас нашлось много [людей], которые настроили тут всего: с полной готовностью отправлялись туда купцы и ремесленники, заведена была там таможня и выстроен городок...»¹³.

С развитием городов как центров ремесла и обмена образовался слой купечества, ведшего иноземную и внутреннюю торговлю и складывались экономические связи внутри страны. В Кобрине, например, продавались товары, закупленные в Могилеве, в Бресте — изготовленный в Слуцке сафьян, в Могилеве — чулки, носки «слуцкой работы», в Полоцке — изделия ремесленников Слуцка — наперстки, ножи, оружие и т. д.¹⁴. Постоянные торговые связи сближали города. Своеобразным отражением этого факта могут служить названия улиц. В рассмотренной нами группе

⁹ Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 389, д. 17, л. 90, 137.

¹⁰ ЦГИА БССР, ф. 1171, оп. 2, д. 109, л. 7—10; ЦГАДА, ф. 389, д. 315, л. 80; д. 316, л. 67, 154—155, 270—272; д. 320, л. 262—264, 301, 303—304, 333, 562, 565, 658; д. 324, л. 100, 110—111; д. 330, л. 76, 233; д. 334, л. 33, 239, 240.

¹¹ Рукописное отделение библиотеки Виленского университета (далее — РОБВГУ) А-87, д. 13159, 13160, 13162, 13157, А-375; «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси», т. III, IV. Вильно, 1867; В. И. Мелешко. Таможенные книги, как исторический источник. «Весці Акадэміі навук БССР», № 4, 1959, серия грамадскіх навук, стр. 155—159, З. Ю. Копыцкий. Там же, стр. 49—51.

¹² ЦГАДА, ф. 389, д. 8, ч. 2, л. 428—467; З. Ю. Копыцкий. Там же, стр. 161.

¹³ «Чтения Общества истории древностей российских», кн. 4, ч. IV. М., 1875, стр. 8.

¹⁴ ЦГИА БССР, ф. 517, оп. 1, д. 10, л. 537; д. 15, л. 431; ф. 1342, оп. 1, д. 1, л. 436; ф. 518, оп. 1, д. 1, л. 155—156.

Таблица 1

Город, местечко	Дата инвентаря	Названия улиц	Источники
Запад			
Клецк	1555	Пинская, Виленская	ПКПС, ч. 2. Вильно, 1874
Мосты	1558	Гродненская, Виленская	ПКГЭ, ч. I. Вильно, 1881
Гродно	1561	Виленская, Одельская, Новодворская	ПКГЭ, ч. II. Вильно, 1882
Новогрудок	1563	Виленская, Бельчицкая	СДГАМ. Минск, 1848, стр. 22
Коссово	1597	Рожанская	АВАК, т. XIV. Вильно, 1870
Зельва	1616	Волковысская, Межиреченская	РОБВГУ, д. А-1829
Мстислов	1617	Бельская, Гродненская, Волковысская	РОБВГУ, д. А-1958
Сморгонь	1622	Виленская, Кревская	ЦГИА, Лит. ССР, ф. 525, оп. 8, д. 1193
Клецк	1626 и 1645	Несвижская, Пинская, Виленская, Красноставская, Городская	ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3135, д. 1913.
Молодечно	1623	Минская, Лебедевская	РОБВГУ, д. 1957
Ошмяны	1937	«до Жупран», «до Гольшан», Виленская	ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1387
Любча (на Немане)	1644	Копыльская, Новогрудская, Долятицкая	
Сивевка (возле Клецка)	1645	Пинская	ЦГИА БССР ф. 694, оп. 2, д. 1912
Скидель	1650	Гродненская, Виленская, Новогрудская, Лупинская	ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1463, оп. 1, д. 1.
Озеры	1650	Скидельская, Звежинская	Там же
Лунна	1650	Волпянская, Мстисловская, Гродненская, Озерская	Там же
Гресск	1654	Минская, Слуцкая	ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1603
Копыль	1-я пол. XVII в.	Слуцкая, Клецкая, Несвижская	ЦГИА Лит. ССР, ф. 43, № 13386
Ивье	1685	Новогрудская	РОБВГУ, д. А-4043
Юг и Юго-запад			
Мозырь	1560	Овручская	ЦГИА Лит. ССР, ф. 43, д. 77
Пинск	1551—1566	Берестейская, Новая Берестейская, Ношачская	ПКПС, ч. 2
Мотоль	1561—1566	Старо-Берестейская, Ново-Берестейская, Минская, Пинская	ПКПС, ч. 2
Городец	1563	Кобринская, Пинская	РКЭ. Вильно, 1876.
Могильна	1592	«до Несвижа», «до Лунны»	АВАК, т. XVI. Вильно, 1889
Кобрин	1563, 1597	Ратенская, Пинская, Брестская, Черевачицкая	РКЭ; РОБВГУ, д. А-1742
Брест	1566, 1623, 1624, 1637, 1640, 1643	Кобринская, Виленская, «гостинец Луцкий», Волянская, Пинская, Речицкая, «гостинец Полесский», «улочка гостинца Ратенского», «улица гостинца Виленского»	ДМАМЮ, т. 1. М., 1897; ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1342, оп. 1, д. 1, 2, 5
Пружаны	1563	Кобринская	РКЭ
Дивин	1566	Кобринская, Берестянская, Ратенская	ДМАМЮ, т. 1
Давид-Городок	1653	«до Воляны»	ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1913

Таблица 1 (Продолжение)

Город, местечко	Дата инвентаря	Названия улиц	Примечание
Восток			
Могилев	1577, 1604	Шкловская, Мстиславская, Княжичская	РОБВГУ д. А-4914, ИЮМ, т. 30. Витебск, 1903
Чаусы	1604	Могилевская, Мстиславская, Пропойская	РОБВГУ, д. А-4914, А-3937
Бобруйск	1639	Слущкая, Свислоцкая	АВАК, т. XXV. Вильно, 1870
Барань	1651	Копысская, Виленская, Смоленская	ЦГИА БССР, инв. № 1523
Копыль	1651	Оршанская, Шкловская	Там же
Горы	1670	Оршанская, Мстиславская, Копысская, «дворная, идущая к Орше»	Там же
Орша	XVII в.	Смоленская, Витебская, «на Дубровно»	ИЮМ, вып. 25; Витебск, 1894, стр. 424, вып. 26, стр. 381

Примечание: ПКПС — Писцовая книга бывшего Пинского староства; ПКГЭ — Писцовая книга Гродненской экономии; СДРАМ — Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам; РКЭ — Ревизия Кобринской экономии; ДМАМЮ — Документы Московского архива Министерства юстиции; ИЮМ — Историко-юридические материалы.

городов запада, юга и востока Белоруссии можно различить и определенную структуру межгородских связей, о чем говорят данные табл. 1 названий городских улиц.

В средневековом городе названия улиц, как правило, носили сугубо предметный характер. Следовательно, есть основание считать, что то или иное название улицы по названию города возникало в тех случаях, когда данная улица являлась начальным или конечным пунктом дороги, соединявшей оба города. Данные табл. 1 позволяют отметить географическую структуру связей между городами. В городах запада и юга эти связи в пределах Белоруссии локализуются территорией между Неманом и Припятью, за пределы Белоруссии отчетливо выступают три направления — к Вильно, городам Польши и Украины. Города востока связаны с городами Поднепровья, а также с Вильно и городами Русского государства. По этим данным можно предположить, что в XVI — первой половине XVII в. в Белоруссии не сложился единый рынок, но существовали постоянные экономические связи между городами в пределах отдельных территорий страны. Это лишнее раз подтверждает, что города активно выполняли роль центров товарного производства и обмена.

Главным препятствием на пути экономического развития городов были экономические и политические привилегии господствующего класса. Феодалы не считались с интересами горожан и стремились подчинить себе городское население. Верховная власть, исходя из своих интересов, заняла позицию покровительства городам. Она предоставила им права и привилегии, охранявшие жизнь, имущество горожан, гарантировавшие их экономическую деятельность. Основным документом, в котором формулировались права и привилегии горожан, стала жалованная грамота на магдебургское право. Выдача такой грамоты мотивировалась чаще всего желанием способствовать росту города, его благосостоянию и стремлением умножить доходы казны. В первых грамотах Бресту (1390 г.), Гродно (1496 г.), Полоцку (1498 г.), Минску (1499 г.) сформулирована

общая цель — содействие развитию города, но уже с начала XVI в. в грамотах отражены обе цели. Это видно, например, из текста грамоты Высокому в 1503 г. Особенно отчетливо совмещение обеих целей, как причины и следствия, содержат грамоты Могилеву и Мозырю 1577 г., а также Витебску 1597 г. В них прямо объясняется, что предоставление городу привилегий позволит «увеличить доход казны Великого княжества Литовского. Не подложит сомнению, что там, где мещане беднеют, уменьшаются доходы и прибыль, а где мещанам обеспечены большие права и более справедливый порядок, в такой город стекаются люди, в нем лучше живется, такой город лучше защищен и доходы растут»¹⁵. Содержание последующих подтвердительных грамот определялось по инициативе самих горожан, как ответ на их ходатайства и жалобы. Нередки были случаи, когда и первая жалованная грамота предоставлялась городу по просьбе самих горожан. Например, Могилеву грамота 1577 г. была дана «по просьбе мещан могилевских, которые обещали за предоставление Магдебургского права улучшить состояние города и увеличить платы в казну»¹⁶. Тот же мотив указан в грамотах Мозырю, Улле, Витебску, Орше, Мстиславлю. Предоставление магдебургского права объясняется также желанием оградить горожан от своеволия шляхты и великокняжеской администрации, на что постоянно жаловались города. Таким образом, грамота на магдебургское право была своего рода юридическим оформлением союза городов с верховной властью, уступкой последней городам, а не навязывалась им. Вместе с тем, она являлась юридическим оформлением городского сословия, правовой санкцией консолидации городского населения в сословие феодального общества, в котором, как отмечал В. И. Ленин, «...различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса»¹⁷.

С предоставлением магдебургского права существенно менялось правовое положение горожан. В грамоте Бресту 1390 г. прямо сказано, что отныне «навсегда освобождаются горожане и жители нашего города Бреста как немцы, так поляки и русские, люди всех состояний от всякой юрисдикции и власти» и передаются под власть городского самоуправления¹⁸.

В таком же духе составлена грамота 1498 г. Полоцку. В ней под власть городского самоуправления передаются «все люди владычныи и игуменьины, и тех чернецкии и поповские и боярскии и мещанскии и всих иных, которые тамже живут...»¹⁹. Аналогичный текст содержат грамоты Минску, Гродно. Немаловажный для города принцип утверждала грамота на магдебургское право 1577 г. Мозырю: «Держатели, их наместники и другие должностные лица, — говорится в ней, — в этом городе изошрялись в наложении на мещан произвольных обременительных повинностей, штрафов, изъятия и конфискации имущества и причинении обид. Отменяя все это, постановляем этой своей грамотой, чтобы все подобные притеснения и грабежи в этом городе были прекращены. Все мещане этого города, как ныне живущие, так и их потомки согласно этой грамоте становятся свободными и освобождаются от этих тягот»²⁰.

¹⁵ АЗР, т. III. СПб., 1848, стр. 202; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1333, л. 6.

¹⁶ АЗР, т. III, стр. 203.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311.

¹⁸ Акты Литовско-Русского государства (далее — АЛРГ), вып. I. М., 1899, стр. 1—2.

¹⁹ «Белоруссия в эпоху феодализма», сб. документов (далее — БЭФ). Минск, 1959, стр. 264.

²⁰ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1333, л. 6.

Таблица 2

Виды доходов	Годы			
	1616	1618	1619	1620
Всего поступило (в злотых)	39 655	46 589	69 116	43 600
В том числе аренда доходов от Слуцка, Копыля и Бреста	10 750	13 043	12 963	9 340
Уд. вес доходов с городов (%)	27,1	27,8	18,7	21,4

Примечание: Таблица составлена по данным ЦГИА БССР, ф. Радзивиллов, л. 10729, л. 1—3, 8—9, 15—16; л. 7381, л. 12.

С предоставлением магдебургского права горожане освобождались от барщинных повинностей (об этом свидетельствуют грамоты Минску 1499 г. и Волковыску 1507 г.). Иногда такое освобождение фиксировалось в отдельной грамоте. Так, для жителей Орши, еще не имевших магдебургского права, грамотой в 1582 г. были отменены барщинные работы в пользу замка²¹.

Крупные феодалы, владевшие многими городами и местечками, в той или иной мере покровительствовали им.

Это очень важно, если учесть, что большинство городских поселений в Белоруссии было частновладельческими. Насколько далеко шли в этом отношении магнаты, показывает грамота Богуслава Радзивилла местечку Любче 1647 г. В ней предоставление магдебургского права открывало возможность получения горожанином личной свободы. «Мещанин, — сказано в ней, — который пожелает перейти на Магдебургское право, сообщит об этом замку, выкупится на волю и принесет присягу городу»²².

Города щедро оплачивали покровительство магнатов. Об этом красноречиво говорят суммы, полученные князем Радзивиллом с трех городов (табл. 2).

Не менее показательны данные по другим городам. Например, вся Мстивовская волость (12 сел) в 1617 г. принесла владельцу дохода 316 коп. грошей, а один город Мстивов — 522 копы, Рожанская волость с городом Рожаны в 1624 г. — 4383 зл., в том числе город Рожаны — 1730 зл. или 39,7% всей суммы²³. Восточно-белорусские города также приносили солидные доходы своим владельцам. Город Бельниччи в 1618 г. дал 555 коп грошей, а в 1620 г. 558 коп грошей. Вся Кричевская волость с г. Кричевом в 1684 г. дала 10 946 зл., в том числе Кричев — 4190 зл. или 30,9% всей суммы²⁴. Из этих данных нетрудно заключить, что у частных владельцев городов были столь же убедительные мотивы покровительствовать деятельности городов, как и у верховной власти.

Средством защиты и соблюдения прав и привилегий, данных горожанам, являлось установление в городах самоуправления в соответствии с нормами магдебургского права.

Таким образом, грамоты на магдебургское право давали горожанам Белоруссии возможность избавиться от произвола феодала, устанавливали систему прав и гарантий, ограждавших города и горожан от вотчинного суда и администрации, утверждали личную независимость и сословную правоспособность горожан. В условиях растущих привиле-

²¹ АЗР, т. III, стр. 274.

²² ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4461-а, л. 1.

²³ РОБВГУ, д. А-1966, л. 62, 69, 82; д. А-1958, л. 1—2; д. А-1305, л. 2.

²⁴ РОБВГУ, д. А-3995, л. 10; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1159, л. 61—62.

гий феодалов без такого сословного статуса города не смогли бы отстоять себя от поползновений феодалов, стремившихся подчинить горожан своей власти и таким путем превратить труд горожанина в источник своего дохода.

Горожане хорошо понимали значение для них магдебургского права. Не случайно при вступлении на великокняжеский престол нового князя, либо в случае утери грамот они обращались с просьбой выдать подтвердительную грамоту, восстанавливающую прежние. Так неоднократно поступали Брест, Минск, Полоцк, Могилев, Пинск и другие города²⁵. В 1633 г. рада Гродно, например, предъявила взошедшему на великокняжеский престол Владиславу IV 40 грамот, пожалованных городу его предшественниками с 1496 г. по 1628 г. и просила выдать на них подтвердительную грамоту²⁶.

В каждой грамоте на магдебургское право устанавливалось, что отменяется прежде действовавшее русское, литовское право и все другие нормы, обычаи, противоречащие магдебургскому. Типичной в этом отношении является формула в грамоте на магдебургское право Полоцку. Она предписывала «тое место наше с права литовского и русского и которое коли будет там держано, в право немецкое майдеборское переменяем на вечные часы... отдаляючи там же все права, устав и обычаи перво держанные, которые ж тое право майдеборское нагабають, або перекажають»²⁷. Некоторые историки усмотрели в этом доказательство того, что самоуправление в городах Белоруссии до предоставления им магдебургского права вообще не существовало.

Буржуазный немецкий историк Георг фон Белов утверждал, будто «соседние славянские государства не создали собственного городского строя, а заимствовали его целиком у немцев»²⁸. Как ни скудны сохранившиеся сведения, они позволяют оспорить такую точку зрения. Наиболее убедительны свидетельства о древнем Полоцке. Автор «Хроники Быховца», опираясь на Ипатьевскую летопись, упоминает среди событий, относящихся к XI—XII вв. о полоцком князе Борисе, который «справя в Полоцке... дал им (т. е. полочанам. — *Э. К.*) вольности и право собирать вече и звонить в колокол и обсуждать дела, как в Великом Новгороде и Пскове»²⁹. Дальнейшее развитие городского самоуправления в Полоцке освещается в сочинении на белорусском языке, изданном в первой половине XVII в. — «Летописец. Краткое собрание хроник литовских и польских», в котором содержится сообщение «О Полоцкой Венеции, або свободности». В нем говорится о временах, когда полочане «волно пановали себе и жадной зверхности над собой не мели, толко 30 мужов старцов епосродку речи посполитое своеи на поточные справы, суд и яко сенаторов прекладали, а наболшей за знаком звону великого, который в посред места был завешоный, где все збиралися, тами о справах своих и о потребах речи посполитой и держав своих, бо держали на тотчас землю русскую сами мещане полоцкие и наколка десят миль справючи. Тоиж волности уживал на тот час Псков и Новгород Великий... места можнейшие русские яко Новгород Великий, Псков и Полоцк без княжат почали волно себе жити»³⁰.

²⁵ См. «Беларускі архіў», т. I—III Минск, 1927—1930.

²⁶ Ленинградское отделение Института истории (далее — ЛОИИ) АН СССР, ф. 114, III, д. 24.

²⁷ БЭВ, т. I, стр. 263.

²⁸ Г. фон Белов. Городское хозяйство и городской строй средневековой Германии. М., 1912, стр. 18.

²⁹ «Хроника Быховца». Подготовил к изданию Н. Н. Улащик. М., 1966, стр. 38, 39.

³⁰ См. БЭФ, т. II, Минск, 1960, стр. 440.

«Мужи» как исполнительный орган власти ведали не только внутригородскими делами Полоцка, но и его внешними связями. Договор конца XIV в. с Ригой был заключен Полоцком «ото всех муж Полочан». Грамоты 1404, 1405 гг. прямо указывают, что договорные отношения с Ригой обсуждались на вече Полоцка. К началу XV в. Полоцк создал целую систему юридических норм, на основе которых регулировались торговые отношения с рижским купечеством³¹. Общеизвестно, что, например, в крупных портовых городах Италии (Венеции, Генуи и др.) городское право также возникло как торговое право. Через 93 года, т. е. в 1498 г. принципы торгового права, выработанные полочанами в предшествующие два-три столетия, будут зафиксированы в привилегии городу на магдебургское право, а предвзятый историк в начале XX в. объявит их даром иноземной правовой идеи.

Витебск также располагал самоуправлением и городским правом задолго до получения грамоты на магдебургское право в 1597 г. Еще в 1503 г. великий князь предписывал за все проступки жителей Витебска «судити и казнити в Витебску по их праву». В грамоте же 1597 г. оговаривалось, что витебчанин, желающий покинуть город, должен «ударить челом в св. Благовещение воеводе и своей братии мужам Витебским»³².

«Мужи», «старцы», «старшина» как орган городской власти известен и другим городам Белоруссии. Документы называют их в 1396 г. в Борисове, в 1447 г. — в Могилеве, в конце XV и начале XVI в. в Гродно, Мозыре, Речице, Кричеве³³. Десятников в качестве одного из органов самоуправления города Мстиславля прямо называют грамоты мстиславского князя 1443 и 1483 гг.³⁴

Приведенные данные не оставляют сомнения в том, что городское самоуправление в Белоруссии получило развитие задолго до предоставления городам магдебургского права. Мы лишены возможности дать ему сколько-нибудь подробную характеристику, так как до нас дошли лишь отдельные упоминания, но сомневаться в его существовании нет никаких оснований.

Но тогда чем объясняется переход белорусских городов к магдебургскому праву? Ответ на этот вопрос позволяет дать наблюдение К. Маркса над историей английских городов. В конспекте труда Грина «История английского народа» К. Маркс обращает внимание на два этапа в социально-политическом развитии внутригородской жизни в Англии. На первом этапе правящую верхушку городов составляли горожане-землевладельцы. Им принадлежало право выбора городского старосты или мэра, право вести и регулировать торговлю. Оно было достигнуто в борьбе против бесконтрольной власти над городом короля. «Но с окончанием этой внешней борьбы, — пишет К. Маркс, — началась внутренняя борьба, между различными классами самих горожан... Большинство новых поселенцев — беглые крепостные, торговцы, не имеющие земельного держания, семьи, лишившиеся своей доли городской земли, и вообще ремесленники и бедняки — не принимало никакого участия в жизни города... Кроме того, богатство породило деление на „бюргеров“ из купеческой гильдии и на окружающую их неполноправную массу»³⁵.

³¹ Русско-ливонские акты, СПб., 1868, стр. 104, 119, 120, 129.

³² Центральный государственный архив литературы и искусства (далее — ЦГАЛИ) БССР, ф. 796, 8763, л. 38—39.

³³ Акты Южной и Западной России, т. I, СПб., 1836, стр. 2—3, 19; ЦГАДА, ф. 389, д. 6, л. 353, 543; АЛРГ, т. I, стр. 96.

³⁴ ЦГАЛИ БССР, ф. 796, оп. 1, д. 8763, л. 18, 25.

³⁵ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII. М., 1946, стр. 334—335.

Данные о Полоцке весьма напоминают обрисованную К. Марксом обстановку внутри английского феодального города. И здесь в вечевую эпоху правящую верхушку составляли горожане-землевладельцы, в числе которых были и бояре. Вместе с тем, документы середины XV в. называют различные социальные группы горожан: мещане, бояре, дворяне, поспольство. Последняя категория состояла из простого люда, среди которого немало было беглых крепостных. В течение XV в. в городе разгорелась борьба между мещанами и боярами. Она приняла столь острые формы, что великий князь вынужден был вмешаться. В 1486 г. он обратился к полочанам с грамотой, требуя, чтобы «бояре и мещане и дворяне и все поспольство в згоде межн собою жили, а дела бы наши городские вси згодоу, посполу справляли по давному»³⁶.

Можно полагать, что борьба новых слоев горожан против всевластия феодально-патрицианской верхушки была одной из причин смены самоуправления, сложившегося на основе вечевого строя.

Возникшее в вечевую эпоху городское право все более вступало в противоречие с самой городской жизнью по мере того, как города превращались в развитые центры ремесленного мелкотоварного производства и обмена внутри страны. Раньше другое несоответствие между достигнутым уровнем экономической деятельности городов и традиционными нормами городского права проявилось в крупных городах. Не случайно они и получили первыми магдебургское право. Это были Брест (1390 г.), Гродно (1496 г.) Слуцк (1441 г.), Полоцк (1498 г.), Минск (1499 г.). Следовательно, экономические и социальные сдвиги, происшедшие в жизни белорусских городов в течение XIII—XIV вв., обусловили переход к магдебургскому праву, как более соответствовавшему интересам городского сословия в целом³⁷. Освобождение города от произвольной власти и суда великокняжеского наместника отвечало стремлениям горожан и предполагало создание городского самоуправления.

В текстах 110 грамот на магдебургское право 28 городам и местечкам ни единым словом не оговаривался круг лиц, могущих быть избранными в городские органы самоуправления. В подтвердительные грамоты второй половины XVI в. вносится оговорка, требовавшая, чтобы половину членов рады составляли католики. Поэтому утверждение автора статьи о магдебургском праве в «Советской исторической энциклопедии» о дискриминации белорусских горожан лишено всяких оснований. Главной фигурой в составе городской рады был горожанин-белорус. Как правило, рада избиралась из числа купцов, цехмистров и богатых мастеров. Различало их только вероисповедание — католическое, православное. Иногда в числе бурмистров, радцев, лавников были лютеране, кальвинисты, антитринитарии³⁸. В записях судебных дел, которые вел бурмистровско-радецкий суд Бреста, при перечислении участников заседания преобладают белорусские фамилии. Например, 5 октября 1623 г. заседали бурмистры Станислав Сержпутовский и Богдан Василевич, радцы Павел Степанович, Григорий Петрович, Емельян Самсонович. 13 октября 1623 г. в числе радцев еще названы Григорий Омельянович, Мартин Качинский, Омельян Самсонович, Василий Григорович, Рафал Королькович³⁹. При выборах бурмистров на 1625 г. запись в книге прямо отмечает, что горожане избрали бурмистрами «от религии польской пана Станислава Серж-

³⁶ АЗР, т. I, стр. 73.

³⁷ Ср. оценку Ф. Энгельсом отношения горожан средневековой Германии к местному обычному праву. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1948, стр. 381.

³⁸ С. А. Подокшии. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы (вторая половина XVI — начало XVII в.). Минск, 1970, стр. 14, 42, 46, 69, 77.

³⁹ ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1342, оп. 1, д. 1, стр. 4.

путовского, а от религии русской Богдана Василевича»⁴⁰. Записи книг рады Бреста, Гродно, Полоцка, Могилева позволяют установить крестьянскую родословную бурмистров, радцев, лавников. Как редкие исключения встречаются иноземные имена и фамилии среди членов рады, вроде бурмистра Гродно в 1642 г. Гануса Фенденберга, лавника Фолина Шульца, или в 1637 г. бурмистра Бреста Фолтина Ризлера⁴¹.

В течение XVI в. все города и большая часть местечек Белоруссии получили жалованные грамоты на магдебургское право. В каждой из них устанавливалась одна и та же организация городской власти, одни и те же органы, из которых должна состоять эта власть — войт, бурмистры, радцы и лавники. В целом они составляли городскую раду, магистрат, наделенный административными и судебными функциями. Юридической основой деятельности рады являлось магдебургское право.

Лишено оснований утверждение В. Дружчица, что получение магдебургского права не означало одинаковой организации административной власти в разных городах, что она значительно отличалась⁴².

Сохранившийся актовъ материал, магистратские судебные книги свидетельствуют, что в разных городах Белоруссии действовали одна и та же муниципальная система, одно и то же городское право.

Магдебургский образец не содержал, конечно, демократических принципов организации городского самоуправления. Порядок избрания в органы городского самоуправления магдебургское право не разъясняет. Статьи 30, 42, 43, 44 «Саксонского Вейхильда» оговаривают избрание бурмистров и ратманов на один год, причем бурмистров избирают ратманы. Как должны проходить выборы — не указано, лишь ст. 43 предписывала каждому цеху города выдвигать от себя кандидатуру в число ратманов. Статьи 14, 33 объявляют должность лавника наследственной, а из ст. 42 можно заключить, что лавники избирались пожизненно⁴³.

Права и функции органов самоуправления в городах Белоруссии не во всем совпадают с нормами магдебургского права в Германии. Так, белорусские города не знали должности бургграфа, а его заместитель, фогт, выступает не только главой суда, но и высшей властью в городе. Одна из записей книги рады Могилева за 1579—1580 гг. определяет войта (в магдебургском праве — фогт) «яко зверхнего урадника меского»⁴⁴. Если фогт подлежал избранию, то войта назначал городам великий князь обычно из числа крупных феодалов.

В записях магистратских книг городов Белоруссии нет свидетельств соблюдения магдебургской нормы о передаче должности лавника по наследству. Книги Полоцка и Бреста, наоборот, свидетельствуют, что лавники избирались радой с одобрения собрания горожан⁴⁵.

Согласно магдебургскому праву в Германии суд лавников рассматривал уголовные преступления, бурмистровско-радецкий суд — споры и тяжбы по различным имущественным делам. Этого правила в городах Белоруссии строго не придерживались. Лишь в наиболее крупных городах самоуправление осуществляло свои судебные функции в двух раздельных судах. Но выбранная в соответствии с магдебургским правом рада не была в городах Белоруссии единственным судебным органом. Рядом с

⁴⁰ Там же, стр. 494.

⁴¹ Там же, д. 2, стр. 792.

⁴² В. Дружчица. Войты і іх улада ў беларускіх гаспадарскіх местах з май-дэборскім правам. В кн. «Працы клясы гісторыі», кн. 3, т. II. Мінск, 1928, стр. 247.

⁴³ «Sachsich Lehenrecht und Weichbilt aufs neu übersehen». Leipzig, 1589. Art. XIV, XXX, XXXIII, XLII, XLIII, XLIV.

⁴⁴ ЦГИА БССР, ф. 1828, оп. 1, д. 1, л. 96.

⁴⁵ ЦГИА БССР, ф. 518, оп. 1, д. 1, л. 155; ф. 1342, оп. 1, д. 2, стр. 193, 197, 600.

ней существовало древнее судебное учреждение, сохранившееся с вечевых, а, быть может, и более отдаленных времен. Таким учреждением была копа. К суду копы прибегли мещане Слонима 22 июля 1611 г., хотя почти 100 лет — с 1531 г. — город пользовался магдебургским правом⁴⁶. Как свидетельствует документ, копа собралась «в рынку места Слонимского... мещане слонимские згромадившисе и в едно месце изседши... слухали жалобу разных людей...»⁴⁷. Копным судом воспользовались в 1620 г. мещане Слуцка, несмотря на то, что город еще в 1441 г. получил магдебургское право⁴⁸.

Предписанный магдебургским правом, действовавшим в Германии, порядок избрания бурмистров радцами соблюдался далеко не во всех городах Белоруссии.

Источники второй половины XVI — первой половины XVII в. свидетельствуют, что в выборе бурмистров в ряде городов Белоруссии заметную роль сохранило общее собрание горожан. В Бресте, например, в 1589 г. общее собрание горожан избрало, а войт утвердил двух бурмистров, в 1637 г. два бурмистра были избраны на собрании горожан Бреста «голосованием старших и младших»⁴⁹.

В грамоте 1581 г. Пинску дается как бы обобщенное представление о роли собрания горожан в выборах самоуправления. Мещане, говорится в ней, должны «из своей среды, как это обычно происходит в других городах Великого княжества Литовского, избрать в соответствии с Магдебургским правом бурмистров»⁵⁰. Ссылка на магдебургское право здесь лишь подчеркивает ограничение прав собрания горожан, ибо в соответствии с его нормами, окончательно утверждал кандидатуры войт, либо представитель великокняжеской администрации в городе. Неизвестная этому праву в Германии активная роль собрания горожан в выборе самоуправления и контроле за его деятельностью наглядно видна в Минске. Здесь мещане на собрании 8 февраля 1590 г. обязали раду принести присягу в том, что она «будет чинить справедливость ровно богатым, бедным и гостю (т. е. приезжему купечеству.— *З. К.*)» и оговорило свое право «лишать должности любого члена рады, действия которого будут наносить ущерб городу»⁵¹.

В самой структуре административных звеньев, из которых состояло самоуправление в городах Белоруссии, также заметно расхождение с нормами магдебургского права в Германии. Оно особенно отчетливо видно на востоке Белоруссии, где города сохранили в качестве органов административной власти сотников и десятников. В Могилеве сотники первоначально выполняли функции лавников, что им прямо предписывала грамота, выданная городу в 1561 г.⁵² В городских учреждениях сохранялись местные традиции, созданные в вечевую эпоху, которые совмещались с принципами магдебургской организации городского самоуправления. Следовательно, провозглашенная в грамотах великого князя замена местного права магдебургским правом была осуществлена лишь в той мере, в какой первое противоречило второму.

Но не только традиция обусловила расхождение между магдебургским правом в Германии и в городах Белоруссии. Развитие экономической деятельности, социальных противоречий внутри города в течение второй

⁴⁶ В. И. Мелешко. Слоним. Исторический очерк. Минск, 1962, стр. 9.

⁴⁷ АВАК, т. XVIII, стр. 227.

⁴⁸ А. П. Грицкевич. Слуцк. Исторический очерк, стр. 5.

⁴⁹ АВАК, т. VI, стр. 27; ЦГИА БССР, ф. 1342, оп. 1, д. 2, стр. 23—24.

⁵⁰ ЛОИИ АН СССР, ф. 52, картон 13, док. № 2.

⁵¹ «Гісторыя Мінска». Мінск, 1967, стар. 47.

⁵² АЗР, т. III, стр. 113.

половины XVI — первой половины XVII в. породило явления, не учитывавшиеся магдебургским правом. Они требовали от горожан собственной инициативы в регулировании внутригородской жизни, в организации самоуправления.

К сожалению, до сего времени историки не учитывали этого принципиально важного обстоятельства, молчаливо признавая магдебургское право незыблемой основой муниципального развития городов Белоруссии в феодальную эпоху.

Магдебургское право предусматривало назначение бургграфа. Этот принцип великокняжеская власть и крупные феодалы применили к своим городам по отношению к должности войта. Как отмечается в жалованной грамоте великого князя на магдебургское право в 1597 г. Витебску «войта мы и потомки наши... з народу шляхетского водле воли наше подавати будем»⁵³. Но из этого правила под влиянием борьбы горожан против феодального произвола войтов, постоянных жалоб городов на нарушение войтами магдебургского права и привилегий городам, верховная власть вынуждена была сделать ряд отступлений. Многим городам было разрешено самим выбирать войта. В 1581 г. Пинск добился разрешения избирать войта, в 1586 г. этот же принцип утвердил для Несвижа его владелец князь Радзивилл. Подтверждая в 1592 г. Орше прежде выданные привилегии, грамота великого князя упоминает право горожан на «обиранье межги ими войта»⁵⁴. Распространение принципа выборности войта на ряд городов Белоруссии свидетельствует, что горожане были далеки от слепого подчинения авторитету магдебургского права и исходили, прежде всего, из собственных условий и потребностей. Так, убедившись, что предписанное магдебургским правом разделение судебных функций между войтовско-лавничьим и бурмистровско-радецким судами порождает злоупотребления, усложняет разбор и решение дел, города Белоруссии добивались совместного заседания обоих судов. Орша в 1621 г. добилась у короля грамоты, обязывавшей войта осуществлять свои судебные права в присутствии всего состава рады, а Могилев в 1636 г. получил право объединить оба суда. Полоцк, судя по записям в книге рады за 1650 г., также объединил оба суда⁵⁵. Кроме устранения злоупотреблений, такая ревизия одного из главных принципов магдебургского права позволяла раде поставить под свой контроль деятельность войта.

В саму организацию самоуправления горожане Белоруссии в конце XVI в. внесли существенное изменение, не предусмотренное магдебургским правом. Как и во всех городах феодальной эпохи, самоуправление в городах Белоруссии находилось полностью в руках зажиточной верхушки — купечества, цехмистров, богатых мастеров. Не применялась ст. 42 магдебургского права избирать в состав рады только людей средней состоятельности, поскольку «богачи чинят несправедливость, а от бедняков нет городу никакой пользы». Как и в самом Магдебурге, все должности в радах городов Белоруссии неизменно занимали городские богачи. Свое положение они нередко использовали в корыстных целях, перекладывали всю тяжесть поборов и налогов на плечи массы горожан, присваивали участки земли, нередко были случаи расхищения членами рады городской кассы. Не случайно за «отцами города» в Могилеве утвердилась кличка «живодеры» («лупежники»). Бывали случаи, когда радой правили целые семьи. Попытки обжаловать действия рады ни к

⁵³ ЦГАДА, ф. 389, д. 115, л. 331.

⁵⁴ АЗР, т. IV, стр. 59; т. III, стр. 297; ЛОИИ АН СССР, ф. 52, картон 13, док. № 2; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1338, л. 27.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 389, д. 100, л. 499; «Беларускі архіў», т. I. Мінск, 1927, стар. 142; ЦГИА БССР, ф. 518, оп. 1, д. 1.

чему не приводили. Когда, например, трое мещан из Каменца направили королю жалобу с описанием произвола рады, то члены рады открыто заявили: «в раде нас и наших сродников, братьев и сватов много; сложимся по копе или по две и тогда этих бездельников с их женами и детьми совсем уничтожим»⁵⁶. Недовольство радой в геродских низах к концу XVI в. приняло острые формы.

Чтобы обуздать произвол рады, горожане Могилева на своем собрании 8 июля 1580 г. учредили специальную комиссию из 12 человек, которой поручили контроль за расходом радой городских сумм. Без согласия этой комиссии «присяглых, посполитых» рада не имела права производить какие-либо выплаты и затраты из городских средств. Такой же орган был создан горожанами Минска, Бреста, Полоцка, Орши. Для заслушивания отчета рады о произведенных расходах горожане Бреста выбирали особых депутатов. Обе эти меры совершенно не известны магдебургскому праву.

Наиболее ярким примером того, как горожане Белоруссии, используя собственный опыт и учитывая местные условия, корректируют магдебургское право является судебник, выработанный в 1621 г. жителями Орши и утвержденный в 1623 г. великим князем литовским. Примечательно, что оршанцы ввели в действие свой судебник, не ожидая санкции верховной власти⁵⁷.

Написанный на белорусском языке, этот документ озаглавлен так: «Вилькер местский згодне от враду меского с прызоленем всех мещан оршанских в року 1621 г. уфаленый, постановеный и принятый». В нем указывается, что судебник объясняет те статьи и положения, которые «в праве местском майдебурском скрытые и затрудненные», т. е. то, что не получило отчетливого решения в магдебургском праве. Такой ясности, говорится далее, в нем нет по вопросу о возмещении ущерба за нанесенные раны и убийство, о лжесвидетельстве, о порядке судопроизводства, о разделе имущества среди наследников⁵⁸. Не удовлетворяет магдебургское право и местным нормам в установлении праздничных дней, когда суды не должны заседать, так как «в месте Оршанском вси обыватели места того — русь, наследовцы сут старожитное религии закону греческого послушенства церкви востоднее, межи которыми отчасти найдутся люди и римскаго закону»⁵⁹. В соответствии с этим судебник устанавливает свои праздничные дни.

Судебник Орши состоит из 36 статей. В них устанавливаются: порядок проведения заседаний рады, судопроизводства, нормы судопроизводства, нормы судебных пошлин, меры наказания за различные правонарушения, возмещение ущерба, раздел имущества, обязанности должностных лиц рады. Документ — яркое доказательство сословного правосознания горожанина, реального учета местных условий и требований, обстоятельного знания магдебургского права и критического отношения к нему.

Бурмистровско-радецкий суд ряда городов Белоруссии во второй половине XVI и первой половине XVII в. пользовался не только нормами магдебургского права. Нередко решения выносились в соответствии с нормами судебныхников, действовавших в Вильно, Кракове, а также в соответствии со статьями Статута Великого княжества Литовского 1588 г. Эти акты широко использовали и оршанцы. Выработывая судебник для

⁵⁶ «Описание документов Виленского центрального архива древних актов», выпуск X. Вильно, 1913, стр. 232.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 389, д. 100, л. 43.

⁵⁸ Там же, л. 499, 501, 503, 504.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 389, д. 100, 502.

своего города, они установили размер денежной компенсации за убийство, ранение «беручы з столечных в Короне полской Кракова, а у Великим княстве Литовском Вилна приклад»⁶⁰. Функции адвоката в разделе «О прокураторех» также сформулированы, «прихилияюще до вилкеру виленского»⁶¹. Порядок выдачи копий судебных решений, регистрации имущественных распоряжений, завещаний определяется «водлуг звычайу давного», а раздел наследства между наследниками установлен «водлуг права и вилкеру Виленского»⁶². Определение, кого следует считать клеветником и клятвопреступником, заимствуется из «права Короны и Великого княства Литовского»⁶³. Как видим, горожане Орши расширяют и корректируют магдебургское право, используя нормативы судебныхников обеих столиц, общегосударственного законодательства, традицию и накопившийся опыт. В понятие последнего входит и необходимость, «абы люди свовольные завстягнены и погамованы были», т. е. чтобы новый судебник мог служить надежным средством обуздания и наказания свовольных, к которым, конечно, относились городские низы, на что недвусмысленно намекает вступительная часть этого «вилкера». Собственным судебником располагал и Мстиславль. Об этом говорит подтвердительная грамота городу 1676 г. на магдебургское право, пожалованное в 1636 г. «Город, — указывается в грамоте, — будет иметь судвойтовский с лавниками и суд бурмистров и радцев, которые судить будут согласно вилкера городского, пользоваться которым следует по образцу города Вильно»⁶⁴.

Компетенция судов также определялась не только предписаниями магдебургского права, но и местными условиями. Так, в Гродно суд лавников, которому магдебургское право отводило разбор уголовных дел, рассматривал в 1638—1644 гг. и имущественные дела⁶⁵.

Нет никаких оснований сомневаться в том, что магдебургское право имело существенное значение в развитии сословной структуры города, формировании городского самоуправления в Белоруссии. Но применение норм магдебургского права корректировалось самими горожанами с учетом сложившейся в вечевые времена традиции⁶⁶, а также условий и требований, возникших в процессе экономического и социально-политического развития городов Белоруссии.

Роль магдебургского права в сословной консолидации горожан значительно ослаблялась тем, что в городах Белоруссии часть жителей являлась подданными феодалов. Они оставались под их властью и были неподсудны городской раде. В Бресте, Пинске, Витебске, Минске, Гродно, Полоцке, Орше и ряде других городов целые улицы принадлежали феодалам и составляли, как тогда говорили, юридику, т. е. частное владение.

Предоставляя городам магдебургское право, верховная власть далеко не всегда решалась освободить городское население от частной власти феодала, хотя ст. 19 прямо предписывала, чтобы все жители города, и в особенности ремесленники, были под властью и судом рады. Следуя этому требованию, грамота великого князя 1390 г. Бресту распространила магдебургское право на всех жителей города. Грамотой 1498 г. Полоцку оно распространялось на всех жителей не только города, но также пред-

⁶⁰ Там же, л. 499.

⁶¹ Там же, л. 500.

⁶² Там же, л. 501.

⁶³ Там же, л. 503.

⁶⁴ ЛОИИ АН СССР, ф. 114, III, д. 70, л. 1.

⁶⁵ ЦГИА БССР, ф. 875, оп. 2, д. 5, л. 101—102, 121, 220, 225.

⁶⁶ А. Ф. К и с т я к о в с к и й. Права, по которым судится малорусский народ. Киев, 1879, стр. 82.

местий и сел, принадлежавших мещанам Полоцка. То же предписывалось грамотами Гродно 1496 г., Минску 1499 г. А в грамоте Витебску в 1597 г. прямо сказано, чтобы отныне «панам, князьям, шляхте мещан своих, как издавна, не иметь»⁶⁷. Однако провести в жизнь этот принцип городам Белоруссии оказалось не так просто. Сама верховная власть заняла нерешительную позицию. В последующей подтверждающей грамоте Полоцку в 1499 г., в первых грамотах Мозырю и Могилеву в 1577 г. она разрешила панам, князьям, шляхте, духовенству иметь под своей властью жителей города и тем самым перечеркнула свои прежние намерения. Верховная власть не решилась подорвать позиции феодалов в городе. Тем самым «магдебургская реформа», проведенная в городах Великого княжества Литовского, оказалась половинчатой.

Города, опираясь на магдебургское право, пытались побудить верховную власть к устранению феодального самовластия, юридической чересполосицы, наносившей тяжелый ущерб всей внутригородской жизни, ослаблявшей сословные позиции горожан в обществе. Под напором жалоб, с которыми обращались рады, цехи городов, верховная власть издавала предписания, расширявшие юрисдикцию рады. Так, в 1495 г. все жители Бреста были подчинены юрисдикции рады. Этот принцип подтверждался в грамотах городу 1551, 1576 гг. Того же добилась рада Гродно в 1540, 1541 гг., а грамоты 1549 и 1553 гг. даже запрещали феодалам приобретать дома в Гродно. К середине XVI в. рада Полоцка добилась распространения ее власти и суда на все ремесленное и торговое население города.

Там, где город не находил поддержки у верховной власти, он действовал явочным порядком. Например, рада Могилева самочинно подчинила своей власти все духовенство города. Таким же образом рада Новогрудка подчинила себе в 1639 г. улицы Ковальскую, Дубатовскую, Бельчицкую и Рымарскую, которые воевода объявил своей юрисдикцией. Рада Орши добилась в 1626 г. передачи под ее власть всего населения города и предместья⁶⁸. Но выдавая грамоты в интересах города, верховная власть не принимала действенных мер, чтобы претворить свои предписания в жизнь. Выступить против феодала городская рада также не решалась, и осуществления своих прав она попыталась достичь путем применения принудительных мер в отношении горожан, находившихся под частной юрисдикцией феодала. В 1590 г. рада Минска провела на общем собрании горожан решение, согласно которому у каждого, кто перейдет под частную юрисдикцию, будет конфисковано все имущество, а сам он изгнан из города. В Минске, Витебске, Бресте, Пинске, Могилеве частновладельческим горожанам запрещали торговать на рынке, разрушали их лавки. Борьба против юридик иногда принимала и формы открытых вооруженных столкновений. Так развернулись события в Мозыре в 1615 г.⁶⁹ Однако в целом феодальные юридики в городах Белоруссии в течение XVI—XVIII вв. продолжали расти, подрывая сословное единство горожан⁷⁰. Магдебургское право оказалось бессильным перед растущими привилегиями феодалов, не могло остановить роста феодального засилия, тормозившего развитие городской жизни в Белоруссии.

⁶⁷ АЛРГ, вып. I, стр. 1; АЗР, т. IV, стр. 165, 168; т. I, стр. 179.

⁶⁸ РОФБАН БССР, ф. 80, л. 2—8; ЛЮИИ АН СССР, ф. 114, III, д. 24, № 10, 15, 16, 17, 18, 20; ЦГАДА, ф. 389, д. 88, л. 80; д. 14, л. 57—60; д. 320, л. 131—132; ЦГАЛИ БССР, ф. 796, оп. 1, д. 8764, л. 10, 11, 14.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 389, д. 294, л. 225, 227—231; д. 302, л. 37—38.

⁷⁰ А. М. Карпачев. Феодальные юридики в королевских городах Белоруссии XVII—XVIII веков. «Советское славяноведение», 1968, № 6, стр. 27—38.

МОТИВЫ ПОЭЗИИ А. В. КОЛЬЦОВА
В ТВОРЧЕСТВЕ ЙОСИПА МУРНА

В конце XIX в. специфика процесса развития словенской литературы обуславливает интенсификацию ее связей с литературами других народов, как славянских, так и западноевропейских. В 80—90-е годы все более возрастает интерес к русской реалистической литературе, на словенский язык переводятся многие произведения Гоголя, Тургенева, Толстого¹. Интерес этот связан с развитием реализма в словенской поэзии и прозе. В процессе формирования нового литературного направления — «словенского модерна» его молодые поборники Иван Цанкар, Отон Жупанчич, Драготин Кетте и Йосип Мурн, бунтари против литературной рутинности, воцарившейся в словенской поэзии в самом конце XIX в. (что в известной степени было связано с упадком таланта ведущего поэта-реалиста Антона Ашкерца), в поисках новых выразительных средств обращаются к литературе западноевропейского декаданса и символизма. Однако эти искания наслаиваются на более раннее и весьма стойкое воздействие русской реалистической литературы, которой в юности увлекались все ведущие представители «словенского модерна»². И в дальнейшем, даже в период тяготения к западноевропейскому декадансу и особенно в период охлаждения к нему, интерес к русской реалистической литературе у представителей «словенского модерна» не ослабевает и, естественно, оставляет в их творчестве более или менее заметные следы — и в прозе И. Цанкара³, и в поэзии Д. Кетте и Й. Мурна. С современным же им русским символизмом на рубеже XIX — XX вв. основоположники «словенского модерна» не были или почти не были знакомы⁴ и, видимо, не проявляли к нему особого интереса⁵.

Йосип Мурн-Александров (1879—1901), один из самых выдающихся, самобытных и проникновенных лирических талантов в словенской литературе, был наделен трепетно-тонким восприятием природы и чутко улавливал малейшие оттенки настроения, каждое движение человеческой

¹ См. В. K r e f t. Fragmenti o slovensko-ruskih stikih. «Slavistična revija», I.XI, 1958, št. 1—2, s. 102—103.

² О своеобразном «русифильстве» свидетельствуют даже псевдонимы, взятые ими в то время: Цанкар подписывал свои произведения «Иван Савельев», Жупанчич — «Алексей Николаев», Кетте — «Михайлов», Мурн — «Александров». Мурн сохранил этот псевдоним до конца своей недолгой жизни.

³ См. В. K r e f t. Cankar in ruska književnost. «Slavistična revija», I.XVII, 1969, št. 1.

⁴ В изданную Ашкерцом «Русскую антологию в словенских переводах» («Ruska antologija v slovenskih prevodih». Gorica, 1901) вошло несколько стихотворений Бальмонта и Мережковского. Отдельные сообщения о русских символистах и отдельные переводы их стихов Цанкар, Жупанчич и Мурн могли прочесть в австрийской и немецкой прессе, находясь в Вене.

⁵ В их переписке, довольно наглядно отражающей литературные интересы, русские символисты не упоминаются.

души, стремясь запечатлеть их в своих стихах, печальных или радостных, овеянных запахами и блещущих всем многоцветьем словенских полей и лугов. Основой его творческого метода является импрессионизм в сочетании с некоторыми чертами символизма и фольклорно-романтическими элементами. Незаконнорожденный сын бедной служанки, Мурн в своей недолгой жизни познал немало лишений и умер 22-х лет от туберкулеза в расцвете своего многообещающего дарования. В последнее время творческое наследие Мурна все более привлекает внимание словенских литературоведов, исследующих его поэзию в разных аспектах⁶.

Знакомясь с русской литературой в период своего творческого формирования, Мурн, подобно другому основоположнику «словенского модерна», своему приятелю Драгошину Кетте, выше всего ценил поэзию Пушкина, Лермонтова и Кольцова⁷. Но в отличие от Кетте, творчество которого мало поддавалось чьим бы то ни было воздействиям, Мурн был чрезвычайно восприимчив к самым различным литературным явлениям, особенно к тем, которые были ему внутренне близки. В его творчестве (особенно в 1897 — начале 1899 г.) слышатся отчетливые отзвуки поэзии Пушкина и Лермонтова. Вопрос о влиянии Лермонтова на творчество Мурна обстоятельно рассматривает словенский литературовед Йозе Сной, сопровождая исследование подробным сравнительным анализом⁸.

Но если увлечение Мурна поэзией Пушкина и Лермонтова со временем несколько ослабевает, и следы их воздействия (в отдельных случаях имевшие характер сознательного подражания) с конца 1899 г. становятся в произведениях Мурна менее ощутимы, то восторженное отношение к песням Кольцова и творческое их восприятие оказалось более длительным и стойким (оно длилось до конца жизни поэта), а также — что особенно важно — более глубоким и органичным.

Однако в словенском литературоведении воздействие Кольцова на Мурна обычно лишь констатировалось как факт и практически осталось почти не исследованным⁹, хотя такое исследование могло бы способствовать углубленному пониманию творческого развития Мурна и пролить дополнительный свет на некоторые специфические особенности его поэзии в зрелый творческий период — в последние годы жизни поэта.

Скорее всего Мурн впервые обратил внимание на поэзию Кольцова в 1895—1896 гг. благодаря приятельскому общению с Драгошином Кетте, который знал многие стихотворения Кольцова наизусть¹⁰ и охотно их декламировал¹¹. В какой-то мере Мурн мог познакомиться с поэзией Кольцова еще раньше по «Русской хрестоматии» О. Асбота¹², известной,

⁶ См. F. Z a d r a v e c. Impresionizem Josipa Murna. В кн. *Lirika. Epika. Dramatika. Studije iz novejšje slovenske književnosti*. Murska Sobota, 1965; D. P i r j e v e c. Vprašanje o Murnovi liriki. «Slavičtina revija», I.XV, 1967, št. 1—2; J. S n o j. Simbolizem Josipa Murny. В кн. J. M u r n. *Pesmi*. Maribor, 1968.

⁷ См. J. M u r n. *Zbrano delo*, II, s. 67, 73.

⁸ J. S n o j. *Simbolizem Josipa Murna*, s. 227—267.

⁹ В небольших по объему статьях Э. Роблека «Мурн-Александров и русские романтические поэты» и «Кольцов, Мурн и народная песня» затронуты лишь некоторые аспекты этой проблемы, причем автор отрицает сколько-нибудь глубокое влияние Кольцова на поэзию Мурна, с чем вряд ли можно согласиться (см. E. R o b l e k. *Murn-Aleksandrov in ruski romantični pesniki: «Jezik in slovstvo»*, I.IV.1958/1959, št. 6, s. 177—178; E. R o b l e k. *Koljcov, Murn in ljudska pesem: «Jezik in slovstvo»*, I.IV, št. 7, s. 208—209.

¹⁰ F. K o b l a r. *Uvod*. В кн. D. K e t t e. *Zbrano delo*. Ljubljana, 1940, s. XL.

¹¹ S. T r d i n a. *Josip Murn-Aleksandrov*. В кн. J. M u r n - A l e k s a n d r o v. *Izbrani spisi*. Ljubljana, 1933, s. LX.

¹² O. A s b o t a. *Russische chrestomathie für Anfänger*. Leipzig, 1890. В хрестоматию вошли стихотворения Кольцова (на русском языке): «Молодая жница», «Пора любви», «Не шуми ты рожь», «Песня» («Дуют ветры») — и отрывки из статьи Белинского о Кольцове.

по свидетельству одноклассника Мурна — Франа Гривца, всем его товарищам-гимназистам уже в четвертом классе гимназии (т. е. в 1893—1894 гг.)¹³.

Э. Роблек справедливо подмечает известные черты сходства между «Народной песней» («Что говорите...») Мурна и стихотворением Кольцова «Люди добрые, скажите», а также между стихотворениями «Глянь, бессердечная девчонка» Мурна и «Два прощания» Кольцова, полагая, что в обоих случаях они восходят к общему фольклорному источнику (русскому). Однако с большим основанием можно предположить, что оба эти стихотворения Кольцова Мурн слышал в декламации Кетте и затем по-своему, очень свободно переработал эти мотивы в духе словенской народной песни¹⁴.

Подробное знакомство Мурна с творчеством Кольцова и начало пылкого увлечения его поэзией относится к лету 1897 г. Об этом свидетельствует письмо Мурна Мирославу Грегорке от 17 августа 1897 г., где Мурн восхищается русским народным поэтом: «Взялся я за Кольцова. Вот теперь он мне нравится! Это нечто такое... да, с этих пор я ставлю его в лирике, за исключением, конечно, некоторых стихотворений — даже выше Пушкина»¹⁵. Это преувеличение характерно для восторженного отношения Мурна к Кольцову. В письме Янко Полаку от 30 ноября 1897 г. Мурн пишет: «Читай Кольцова!!!!» В письме от января 1898 г. Мурн советует Полаку, также делавшему попытки писать стихи, наблюдать жизнь народа, изучать его песни, читать русских поэтов и крупнейшего словенского поэта Преперна, причем при перечислении на первое место ставит Кольцова. В одном из писем Полаку (от 21 II 1898) Мурн, размышляя об индивидуальной неповторимости каждого истинного поэта, о глубине и искренности чувства, которым проникнута подлинная поэзия, в качестве примера ссылается на Кольцова: «Посмотри как у Кольцова! Тут тебе и страстные, и тихие, как пепот, песни. В первых — огонь, во вторых — грустная нежность, — и все же в каждом стихе можно узнать Кольцова»¹⁶.

Влияние Кольцова и в какой-то степени сознательное следование его поэтической манере признает сам Мурн в письме Отону Жупанчичу от 13 марта 1898 г. Мурн возражает Жупанчичу, похвалившему его стихотворение «Гори, гори, лампада», которое сам он не считает удачным: «Гораздо больше мне нравится „Запела синица“ — песня, которую я сложил совершенно в кольцовском настроении. Иначе я и не мог бы тут выразить должным образом свои чувства»¹⁷. Действительно, она вызывает ассоциации с некоторыми песнями Кольцова:

¹³ J. S n o j. Simbolizem Josipa Murna, s. 234

¹⁴ Стихотворение Кольцова «Люди добрые, скажите» упоминается в сообщении Кетте «О лирической поэзии», прочитанном в люблянском ученическом обществе «Задруга» 13 II 1896 г. (D. K e t t e. Zbrano delo, II. Ljubljana, 1949, s. 228, 325), что, возможно, привлекло внимание Мурна к этому стихотворению. Мурн читал в «Задруге» оба свои стихотворения 12 IV 1896 г., комментатор творчества Мурна Д. Пирьевец предполагает, что они возникли незадолго перед этим (J. M u r n. Zbrano delo, I. Ljubljana, 1954, s. 456). Если связь этих стихотворений с поэзией Кольцова Роблек подметил удачно, то его сопоставление стихотворения Мурна «Скажи» с кольцовской «Песней» («Ты не пой, солвей») и особенно стихотворения «На горке» («Na holcu», 1900) с «Приди ко мне» Кольцова и тем более поиски между ними каких-то ни было генетических связей кажутся нам совершенно неправомерными — некоторые моменты сходства имеют здесь слишком общий и случайный характер.

¹⁵ J. M u r n. Zbrano delo, II, s. 73.

¹⁶ Ibid., s. 81.

¹⁷ Ibid., s. 128.

Zapela sinica je pesem žalostno, kak na svetu se brez veselja živi...	Запевала синица песню грустную как на белом свете жить без радости...
Mladenič šel tod odsorej, slišal pesem to, kot se nikdar poprej srce ga teži...	Проходил тут молодец, слышал песню ту, небывалая легла тяжесть на сердце...
Težko, težko živeti je samemu brez ljube, te težko, težko brez srca, ki zanj živi, ki ga umè pod trudni čas.	Тяжко, тяжело жить одинокому без возлюбленной, тяжко, тяжело без души понимающей, что лишь им живет в тяжелый час.

В песнях Кольцова можно найти отдельные соответствия этой песне Мурна: «И все пташечки касаточки | Пели грустно так и жалостно, — | Что их слухая, кровь стынула, | По душе лилась боль смертная. | Так прошла моя вся молодость — Без любви — души, без радости» («Русская песня»: «Греет солнышко»...); «Сяду я за стол — да подумаю: | Как на свете жить одинокому? | Нет у молодца молодой жены, | Нет у молодца друга вернова» («Раздумье селянина») ¹⁸.

Между стихами Мурна и песнями Кольцова почти нет буквальных, текстуальных совпадений, но образный строй, лексика, ритмика — вся структура приведенного стихотворения во многом приближается к песням Кольцова. В данном случае связь с поэзией Кольцова еще в известной степени носит характер подражания, в дальнейшем она приобретает все более творческий характер.

При сопоставлении ряда стихотворений Мурна с песнями Кольцова, близость между которыми несомненна, естественно возникает вопрос о возможностях и характере типологического сходства между ними. При решении этого вопроса необходимо помнить, насколько различны те социально-исторические условия, в которых жили и творили поэты, насколько различен был и уровень развития национальных литератур, в сокровищницу которых вошло их поэтическое наследие. Кольцов, слагавший свои песни в период последних достижений русского романтизма (Лермонтов) и становления критического реализма, вносит в русскую поэзию подлинно народную струю, выражая в своих песнях горести, радости и стремления к лучшей доле простого человека из народа. Мурн вошел в литературу как один из ведущих представителей «словенского модерна», творческие искания его распространялись на импрессионизм, а в известной мере и на символизм, хотя поэзия его вобрала в себя и фольклорно-романтические тенденции. Разные эпохи, разные направления, однако Мурн «через голову» литературных поколений обращается именно к поэзии Кольцова, находя в ней близкие его собственному творчеству черты.

Сопоставляя поэзию Кольцова и Мурна, с наибольшим основанием можно говорить о типологической общности жанра: оба поэта обращаются к лирической и лиро-эпической песне, развивающей традиции аналогичного жанра народной поэзии, широко распространенного у всех славянских народов.

¹⁸ На эту параллель указывает комментатор произведений Мурна Д. Пирьевец (см. J. M u r n. Zbrano delo, II, s. 395).

В истории различных национальных литератур имеется множество фактов обращения к народно-песенным жанрам. Характер их использования и творческого усвоения не только носит на себе печать национального своеобразия, но и обусловлен исторически — зависит от этапа развития литературы и, конечно, приобретает нередко чисто индивидуальные черты в творчестве того или иного крупного поэта. Все это необходимо учитывать при сопоставлении песен Кольцова и Мурна.

Но поскольку мы имеем дело не только с типологически сходными явлениями, но и одновременно с ярким примером непосредственных связей — с живым, творческим восприятием Мурном поэзии Кольцова, необходимо учитывать и конкретные биографические и творческо-психологические причины, в силу которых эти связи стали возможны.

Одной из важных жизненных предпосылок, благодаря которой песни Кольцова сделались Мурну внутренне близки, было его постоянное тяготение к сельской жизни. Дитя городского предместья, он часто мог наблюдать труд крестьян на полях за чертою города, их обычаи, приобретающие в его глазах привлекательность. Жизнь на селе всегда занимала поэта. В школьные годы летом он обычно гостил в деревне и сам приобщался к крестьянской жизни, к полевым работам, к сельскому быту, который казался ему идилличным. Идеализация крестьянской жизни, искренняя приверженность и стремление к ней были свойственны Мурну на протяжении всей его жизни. Менее чем за месяц до кончины, сознавая свое положение, Мурн писал Ивану Приятелю о своих неудавшихся жизненных начинаниях: «Мне бы следовало быть крестьянином и никем иным...»¹⁹. Эта влюбленность в крестьянскую жизнь приближала Мурна к Кольцову, подготавливала его восприятие кольцовских песен, а с другой стороны, эти песни, воспевание Кольцовым крестьянского труда в свою очередь усиливали интерес и внимание Мурна к крестьянскому быту, труду, обычаям, которые Мурн поэтизирует и воспевает в своих стихах. Эти стихи исследователи обычно выделяют в особую рубрику, именуя их крестьянской лирикой Мурна.

Интерес к крестьянской жизни в какой-то мере взаимосвязан и с тяготением Мурна к фольклору и в первую очередь к жанру народной лирической песни, усвоение образов и приемов которой проявляется начиная чуть ли не с первых дошедших до нас литературных опытов поэта — во всяком случае до его подробного знакомства с поэзией Кольцова. Кроме соприкосновения с живой фольклорной стихией на селе (что в последние годы жизни и творчества Мурна отразилось в собирании им народных поговорок) внимание Мурна к фольклору обуславливалось и чисто литературными причинами — в силу специфики развития словенской национальной литературы в ней были очень живучи романтические традиции с характерными культом фольклора (как в поэзии, так и прозе). Народно-песенные элементы органически вливаются и в поэзию представителей «словенского модерна», особенно — Жупанчича, Кетте и Мурна, что в известной мере отражает их глубинные связи с жизнью своего народа, стихийно-демократические тенденции их поэзии.

Близость к фольклору характерна для многих ранних стихотворений Мурна (созданных в 1896 г., а, возможно, и ранее), некоторые из них озаглавлены самим поэтом «Народная песня» и, быть может, представляют собой более или менее точную запись или вольную обработку народных мотивов. Приближение к народно-песенной стихии еще до обстоятельного знакомства с творчеством Кольцова явилось для Мурна как

¹⁹ J. Mur n. Zbrano delo, II, s. 195.

бы подготовкой к более глубокому и органичному восприятию песен русского народного поэта.

Несомненно, симпатии Мурна к поэзии Кольцова и аналогичная разработка того же песенного жанра обусловлены и известной общностью в характере их поэтического дарования.

Н. Г. Чернышевский в своей статье о Кольцове отмечал одну существенную особенность его творческой индивидуальности: «По энергии лиризма с Кольцовым из наших поэтов равняется только Лермонтов...»²⁰. Именно эта «энергия лиризма» так сильно привлекала Мурна и в Лермонтове, и в Кольцове. Общность некоторых лирических тем для Кольцова и Мурна несомненна, однако предположить здесь какую-то генетическую зависимость можно лишь в единичных случаях, в большинстве же своем они порождались сходством каких-то жизненных ситуаций, а порой и сходством эмоциональных реакций на них. Несомненно, Мурну были внутренне созвучны песни Кольцова о «злой доле» и «горе горемычным», в которых он мог видеть какое-то отражение собственной участи; тема «злой судьбы» звучит и в поэзии Мурна, хотя обычно получает совсем иное образное воплощение (например, стихотворение «Судьба»). Обоих поэтов сближает лирическая проникновенность и задушевность, простота и незамысловатость формы, за которой стоит большое, трепетное чувство. Конечно, есть у Мурна и стихи иного рода — с нарочитой условностью формы, образов, синтаксиса (кстати, и у Кольцова ведь есть цикл философских стихотворений, отнюдь не «простых» по форме), но к числу лучших творений поэта относятся стихи, подкупающие глубиной и искренностью чувства, подлинной поэтичностью при бесхитростной, песенной простоте выражения.

Мурна сближает с Кольцовым еще одна своеобразная творческая особенность, проявляющаяся именно в его крестьянской лирической песне. Так же как для Кольцова, для Мурна характерна в известной степени объективизация в лирике, использование в ней эпических и эпико-драматических элементов²¹. У Мурна, как и у Кольцова, наряду с субъективной, или по терминологии некоторых словенских литературоведов, «чистой лирикой», есть немало стихотворений, хоть и написанных от первого лица, но выражающих чувства и переживания не самого автора, а иного субъекта, в которого автор перевоплощается, вживаясь в его внутренний мир. У Кольцова герои таких стихотворений-монологов весьма разнообразны — тут и полные нерастрченных сил удалые крестьянские парни, стремящиеся к иной, более яркой жизни («Удалец», «Дума сокола», «Сельская песня»), и знакомые с тяжелой нуждой крестьянские бедняки («Горькая доля», «Раздумье селянина», «Доля бедняка»), и томящиеся от любви сельские девушки («Грусть девушки», «Люди добрые, скажите»), и страдающие от горестного, постылого замужества женщины («Ах зачем меня силой выдали...», «Без ума, без разума...»).

Мурн чаще всего перевоплощается в крестьянского парня, не лишеного молодецкой удалости, строящего обычно различные планы насчет женитьбы («Мечта о невесте», «Нотраньская», «Крестьянская песня»). Случается, этот парень робеет и грустит, но тут же словно сам подсмеивается над собой («Эх, жениться бы мне»). Иногда герой Мурна своим веселым задором в какой-то мере напоминает также персонажей другого любимого поэта Мурна — шотландского народного поэта Роберта Бернса. Встречаются у Мурна и стихи, написанные от лица крестьянской девушки («Девичья печаль» — «Dekliča žalost») и даже от лица пожилой крестьян-

²⁰ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III. М., 1947, стр. 515.

²¹ О подобных явлениях в поэзии Кольцова см. Л. А. Плоткин. А. В. Кольцов. В кн. А. В. Кольцов. Полное собрание стихотворений. Л., 1958, стр. 35—36.

жи, согласно обряду вводящей в дом молодую невестку («Свекровь с чаркой в руках приветствует сноху»). Сходство между песнями Кольцова и крестьянской лирикой Мурна выражается в том, что их героем является простой человек из народа, с его народным, крестьянским мировосприятием.

Тенденции к объективизации лирики, стремление вжиться в крестьянскую психологию, слегка наметившиеся уже в раннем творчестве Мурна (в его близких к фольклору «Народных песнях»), особенно усиливаются в зрелый творческий период (конец 1899—1901 гг.), что связано с эволюцией мировоззрения Мурна, с известным отходом его от романтического и декадентского индивидуализма и стремлением к пантеистическому слиянию с природой, к духовному единению с простыми, близкими к природе людьми, каковыми в представлении Мурна были крестьяне, — вплоть до ощущения своей слитности с крестьянской массой. Возможно, в какой-то степени, наряду с другими факторами, Мурн опирался в своей идейно-художественной эволюции также на творчество Кольцова, на его песни, проникнутые подлинно народным, крестьянским мироощущением.

Факт несомненного влияния Кольцова на Мурна никак не умаляет национального и индивидуального своеобразия творчества словенского поэта. Герои крестьянской лирики Мурна обычно в значительной степени подсказаны жизнью и опытом самого поэта и поэтому имеют ярко выраженный национальный характер. Они живут, мыслят, радуются или страдают в окружении родной природы, в своем поведении придерживаются местных крестьянских патриархальных обычаев, нередко они внутренне связаны со словенским национальным фольклором. Например, в «Крестьянской песне» Мурна, где речь идет как бы от лица крестьянского парня, ярко выражен местный колорит, здесь проступают черты патриархального быта словенской зажиточной крестьянской семьи:

Prelepa vaša hiša, oj
preler je res vaš dvor
in lepa miza bela mi,
nad njo sv. Izidor.

Alenčica, Alenčica,
naj sveti Izidor
varuje lepi hišo ti,
varuje lepi dvor!

Iz brama ajda naj diši,
naj očka ti zivi,
štej doto, ne preštej je ti
tri dni in tri noči!

Какой пригожий двор у вас,
Какой хороший двор,
Хорош и белый стол, над ним
святой наш Изидор.

Аленчица, Аленчица,
пусть Изидор святой
хранит от бед твой светлый дом
и двор просторный твой!

Пускай амбар гречихой полн
и жив-здоров отец
и пусть приданого тебе
и за три дня не счесть!

Еще Белинский отмечал отсутствие нарочитой поэтизации крестьянской жизни в творчестве Кольцова: «Кольцов знал и любил крестьянский быт так, как он есть на самом деле, не украшая и не поэтизируя его. Поэзию этого быта нашел он в самом этом быте, а не в риторике, не в пиитике, не в мечте, даже не в фантазии своей, которая давала ему только образы для выражения уже данного ему действительностью содержания»²². У Мурна же в крестьянскую лирику безусловно кое-что привнесено из области «мечты и фантазии».

Некоторые расхождения творческого метода и стиля мы покажем на конкретных примерах, наглядно демонстрирующих творческие связи

²² В. Г. Б е л и н с к и й. Полн. собр. соч., т. IX. М., 1956, стр. 534.

Мурна с поэзией Кольцова, сходства и различия между их лирическими песнями. Еще раз следует подчеркнуть, что связи эти проявляются и в последний, наиболее зрелый период творческого развития Мурна. Близость к Кольцову отчетливо заметна в таких зрелых, исполненных блеска и мастерства стихотворениях, как «Песня о гречихе» (конец 1899 — начало 1900), «Песня о колосе» (лето — осень 1900), и неоконченном стихотворении «Косарь» (осень 1900). Сходство это касается самой структуры стихотворений — оно в тематике и ее образно-ритмическом воплощении, даже в мировосприятии — в подходе к явлениям жизни с точки зрения крестьянина, человека, близкого к природе, щедро вкладывающего в нее свой нелегкий, но приносящий отраду труд, за что природа, земля, вознаграждает его своими дарами.

Очевидно, стихотворение Мурна «Косарь» в значительной мере навеяно одноименным стихотворением Кольцова — здесь то же радостное отношение к труду косаря, в которого перевоплощается автор, то же восхищение привольем лугов, ощущение благодатно-жаркого летнего дня, падающие под косой полевые цветы (у Кольцова: «Поклонись, цветы, головой земле»; у Мурна: «Предо мной падут цветы буйные»).

Встречаются в стихотворении Мурна и столь свойственные Кольцову (почерпнутые из народной поэзии) обращения к персонифицированным предметам, явлениям природы — к цветущим луговым далям, к птице, под песни которой веселей работать, к солнцу, которое косарь просит ярче светить и сушить сено. Например:

Zivopisana	Ты узорная,
zlatotkana si,	златотканая,
s evetjem bujnim,	
dalj,	вся цветами, даль,
posejana si.	разубранная.
Širom na strani	Широко кругом
use razgrnjaš se,	расстилаешься
kot svilen prt	шелком скатерти
izpreminjaš se.	переливчатой.

У Кольцова: «Ах ты степь моя, степь привольная, | Широко ты, степь, пораскинулась».

Интересно отметить, что у Кольцова тоже есть образы, — правда, в других стихотворениях, — близкие к образам приведенного отрывка Мурна: «степь-трава — парча шелковая», только не как деталь пейзажа, а в составе развернутого сравнения (стихотворение «Разлука»). Соответствие мурновскому эпитету «златотканая» («zlatotkana» — о луговой дали) можно найти в стихотворении Кольцова «Песня пахаря»: «Станет спеть, рядиться в золотые ткани» (о зреющем колосе). Но в том и проявляется творческий характер освоения Мурном поэтического наследия Кольцова, что при всей образно-стилистической близости к его песням, при сходстве мироощущения Мурна остается поэтом иного времени и иного литературного направления — поэтом-импрессионистом. Ему особенно важно передать игру красок и света, многоцветье, переливчатость цветущих лугов, и он великолепно достигает этой зримости, используя наглядное сравнение луговой дали с переливающейся шелковой скатертью и эпитет «златотканая» — образы, выдержанные в духе народного мировосприятия, не идущие вразрез с кругом крестьянских понятий. И в то же время образ шелковой скатерти, вполне органичный для народной

поэзии, выступает здесь также и в иной функции — служит импрессионистической «живописи»²³.

Стихотворение Мурна написано излюбленным размером Кольцова — двустопным хореем с дактическими окончаниями, своеобразным кольцовским «пятисложником». Эта короткая певучая строка с метрическим ударением на третьем слоге, столь характерная для поэзии Кольцова, утверждается Мурном в словенской поэзии²⁴.

В стихотворениях «Песня о колосе» и «Песня о гречихе» в еще большей степени чувствуется стилистическое новаторство Мурна и в то же время отчетливо проступает связь с поэзией Кольцова. Мироощущение поэта здесь также во многом совпадает с крестьянским мироощущением. Эмоциональная доминанта этих стихотворений — чувство радости с оттенком просветленного умиления и восхищения при виде созревающего богатого урожая.

В «Песне о гречихе» нежность к благоухающей, розовой гречишной ниве проявляется в сравнении ее с юной женской грудью. Почтительно-благоговейное чувство испытывает перед цветущей гречихой крестьянин, снимая перед ней шляпу.

В «Песне о колосе» распахивается радующий глаз простор полей, где «все в зерно идет»:

To je naša last, vse za naše dni! Sebi v slavo in čast todi klas zori.	Это наш надел, все пойдет нам впрок! Себе в славу и честь колос зреет здесь.
---	---

Da obvaruje Bog hudih ur ga, vetrov, da povsodi okrog zlije svoj blagoslov!	Да хранит его бог от ветров, непогод, пусть повсюду вокруг благодать разольет!
--	---

Напрашиваются сопоставления со стихотворениями Кольцова «Песня пахаря» и «Урожай». Текстуальных совпадений здесь нет, но смысловые параллели очевидны: «Выйдет поле травка, | Вырастет и колос, | Станет спеть, рядиться | В золотые ткани»... «С тихой молитвой | Я вспашу, посею. | Уроди мне, боже, | Хлеб — мое богатство» («Песня пахаря»); «Посмотрю пойду, полюбуюся, | Что послал господь | за труды людям. | Выше пояса | Рожь зернистая | Дремлет колосом | Почти до земли, | Словно божий гость, | На все стороны | Дню веселому | Улыбается» («Урожай»).

В образном строе «Песни о гречихе» есть фольклорный в своей основе образ, непосредственно совпадающий с образом в стихотворении Кольцова «Урожай»:

Grud prostrana je napojila je, z božjo pomočjo vase skrila je.	Грудь просторная напоила ее (гречиху), с божьей помощью в себя скрыла ее (подразумевается земля).
---	--

²³ Для сравнения приведем другую импрессионистическую зарисовку Мурна, где он также стремится передать блеск и игру солнечного света:

Tam zunaj že tulpe žarijo, prsteni nad poljem gre vzdub, vse bilke od sonca hleščijo in sveti od sonca se plug.	Там в поле тюльпаны пылают, нагретой землей пахнет луг, на солнце все травы сверкают, играет на солнце плуг.
--	---

²⁴ Ранее Мурна кольцовский «пятисложник» был использован О. Жупанчиком в стихотворении «Свидание» («Svidenje»), 1896.

У Кольцова: «На земную грудь на широкую» (пролилась туча).

В стихотворениях Кольцова «Песня пахаря» и «Урожай» — та же радость при виде зреющих нив — будущего крестьянского достатка и та же, что и у Мурна, надежда на бога — крестьянского бога, хранящего урожай «от ветров, непогод».

И. Сной считает строки Мурна «себе во славу и честь колос зреет здесь» — «самыми богохульными в словенской лирике того времени и еще долгих последующих лет»²⁵, поскольку в них явно проявился пантеизм, свойственный мировоззрению поэта в тот период, явное расхождение с традиционной христианской апологетикой, согласно которой все сущее славит бога; согласно же трактовке Мурна все в природе существует само по себе и ради себя. В то же время пантеизм и «безбожие», присущие мировоззрению поэта, сливаются здесь с крестьянским фатализмом, поскольку поэт хочет воспроизвести крестьянское сознание, крестьянское мировосприятие. Подобный крестьянский фатализм проявился и в названных стихотворениях Кольцова. Упование крестьянина на бога — это древняя надежда земледельца на добрые силы природы, ибо злые стихии могут принести крестьянину большое несчастье.

Если у Кольцова в подобных мотивах порой присутствует — в той или иной степени — религиозное чувство, то у Мурна частые упоминания бога и святых в крестьянской лирике — это, как правило, лишь дань традиционному консервативному крестьянскому быту католической Словении.

Очень сближает «Песню о колосе» и «Песню о гречихе» с поэзией Кольцова их ритмика; оба стихотворения написаны «пятисложником» и двустопным анастом. Но если Кольцов их редко смешивает в одном стихотворении, то у Мурна, противника устойчивых стихотворных метров²⁶, они органически сочетаются, создается впечатление ритмической свободы, напевности, широты, приволья.

Некоторые характерные для Кольцова лирические темы, отдельные образы, стихотворные размеры встречаются в целом ряде произведений Мурна в разные годы. Так, в стихотворении «Томление» («Нгерепенје») звучит заветная мечта Мурна о жизни на лоне природы, о крестьянском, земледельческом труде, хоть тяжелом, но радостном:

Tam pobratim se s planjavo,
ra izpodnebnimj zrakom,
ra postopim tam za plugom,
z veselim korakom.

«Dobro jutro, sveža zemlja,
sonce še za mano —
a prišel sem že jaz z plugom,
s kolci sèm in branol!»

Побратаюсь я с равниной,
с поднебесьем вольным.
Весело пойду за плугом
во широкое поле.

«Добрый день, земля сырая,
солнце над землей,
я пришел сюда пораньше
с плугом, бороною!»

Сходный с этим мотив радостного труда ранним утром на пашне мы встречаем у Кольцова: «Красавица зорька | В небе загорелась, | Из большого леса | Солнышко выходит. | Весело на пашне. | Ну, тащися, сивка! | Я сам — друг с тобою, | Слуга и хозяин. | Весело я лажу | Борону и соху, | Телегу готовлю | Зерна насышаю» («Песня пахаря»)²⁷.

²⁵ J. S n o j. Simbolizem Josipa Murna, s. 305.

²⁶ См. письмо Мурна О. Жупанчичу от 1 II 1900 (J. M u r n. Zbrano delo, II, s. 134).

²⁷ По своему ритмико-метрическому строю «Томление» Мурна напоминает украинскую поэзию, и в частности многие стихотворения Шевченко. Мурн был знаком с творчеством Шевченко и выражал желание его переводить (см. J. M u r n, Zbrano delo, II, s. 184). Вопрос о возможном воздействии украинской поэзии на Мурна требует самостоятельного исследования.

Порывы души, стремление к какой-то иной — лучшей, вольной жизни, нашедшие отражение в поэзии Кольцова, свойственны и лирике Мурна. Особенно близко к песням Кольцова стихотворение «Что ж мертвец мой взгляд», написанное, вероятно, осенью 1900 г.; близость эта — в настроении, лирических интонациях, народно-песенных чертах стихотворения, его ритмико-звуковом рисунке:

Kaj tak mrtev pogled, kaj mi spanje beži kaj tak daleč bi v svet v tihi polnoči	Что же мертвец мой взгляд, что же сон прочь бежит, мир широкий манит тихой полночью?
Ah, jaz šel bi, pošel kakor celi svet, vse nebo obletél svojo dušo ogret.	Ах, я шел бы, прошел весь бы белый свет, небо все облетел — лишь бы душу согреть.

У Кольцова: «Для чего на свет | Глядеть хочется, | Облететь его
Душа просится?» («Дума сокола»); «Так и рвется душа | Из груди молод-
дой, | Хочет воли она, | Просит жизни другой!» («Русская песня»).

Несомненно, Мурн запечатлел в этом стихотворении свои собственные чувства и настроения, но форма для их выражения явно подсказана поэзией Кольцова.

Уже отмечалось, что Мурн широко осваивает и утверждает в словенской поэзии стихотворную метрику Кольцова. В этом плане особенно показательны такие стихотворения словенского поэта, как «Куда ходишь», «Зимняя песня» («Злое время пришло»), «В равнодушие» (три первые строфы), «Предчувствие» и др. Творчески усваивая ритмику кольцовских песен, Мурн использует ее нередко в стихотворениях, по своему содержанию и стилю значительно отличающихся от поэзии Кольцова. Некоторые из них отражают стилистические поиски Мурна конца 1899 — начала 1900 г. — попытки использования парадокса вплоть до абсурда, сознательное затемнение смысла, нарушение синтаксических норм. Примером может служить начало стихотворения «Как бескрайний круг»:

Kot brezkončni krog naš je tesni krog, med nami vez in nad nami Bog!	Как бескрайний круг весь наш тесный круг, меж нами связь и над нами бог!
Kot od daljnih strani kot čez morje in plan od teh sinjih mej srce šlo bi v pristan.	Как из дальней дали чрез моря и поля от тех синих границ сердце в гавань бы шло.

Кольцовскую поэзию напоминает здесь только метрико-ритмический костяк (несколько усложненный Мурном), да во второй строфе песенные интонации, песенная широта.

Свободное использование своеобразной кольцовской метрики в творческом освоении Мурна обогащало словенское стихосложение неизвестными ему прежде ритмами, открывало перед ним новые возможности в развитии мелодики стиха — все это шло параллельно и во взаимодействии с усвоением свободного стиха и новых ритмов европейской поэзии того времени и соответствовало творческим исканиям поэтов «словенского модерна».

Л. ТИТОВА

ИЗ ИСТОРИИ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ В ЭПОХУ ПЕТРА I

«В годы царствования Петра I культурные связи России с Чехией значительно окрепли», — констатирует автор главы о чешской культуре XVII—XVIII вв. в «Истории Чехословакии»¹ и далее сообщает о появлении чешской тематики в русских «Ведомостях», о попытках использовать чешских писателей для переводов на русский язык западноевропейской научной литературы и о поручении Петра послу в Праге собирать материалы о славянских языках.

Нам бы хотелось дополнить этот список еще одной интересной страницей из истории русско-чешских культурных связей петровской эпохи, а именно — о попытках Петра I пригласить в Россию комедиантов, говорящих «по славянски», и о гастролях чешско-немецкой труппы Эккерманна в Петербурге в 1723—1724 гг.

Для Чехии, чешского народа и его культуры этот период был временем подспудной подготовки к возрождению, преодоления мертвящего народного сознание австрийского культурного и политического режима. Эти обстоятельства общественно-культурной жизни Чехии XVIII в., как собственно и обстановка в России в то время, не были благоприятны для установления значительных и отчетливых русско-чешских контактов.

Именно поэтому материал, позволяющий отнести зарождение чешско-русских контактов в области театрального искусства к началу XVIII в., не может не привлечь нашего внимания.

Что же представлял собой русский театр этого времени? При Петре по-прежнему развиваются два основных вида театра — школьный и светский. Наряду с развитием устной народной драмы появляются и пьесы городского демократического театра, насыщенные новым злободневным содержанием.

Петр I стремился организовать театр, доступный городским массам. Его деятельность в области театральной культуры была тесно связана со всей его внутренней политикой — ломкой патриархального быта, началом светского образования и пр. «Царь в театре видел полезную сторону для большого города»². — писал один из современников Петра.

¹ О. С. Остроу. Чешская и словацкая культура XVII и начала XVIII в. «История Чехословакии», т. 1. М., 1956, стр. 318.

² Г. Бассевич. Записки о России при Петре Великом. «Русский архив», изд. 2. СПб., 1865, стр. 238.

В 1702 г. указом Петра в Москве был создан первый публичный театр. Его репертуар составляли исключительно светские пьесы. При театре была организована школа актеров «из русских ребят, коих чинов сыщутся». Десять детей из подъячих и купеческих были отданы немецкому принципалу Иоганну Кунсту «для обучения комедий торжественных на русском и немецком языках»³. «Комедийную хоромину» предполагалось построить сначала на берегу Неглинной у Тверской улицы, наконец место для нее было выделено на Красной площади около Триумфальных изб. Строительство театра⁴ было закончено к 1702 г.

Как уже было сказано, Петр имел в виду театр общедоступный, народный, который служил бы и развлечением, и средством поучения для широких кругов населения. Об этом, в частности, свидетельствует и указ Петра от 1 января 1705 г.: «... комедии действовать и при тех комедиях музыкантам на разных инструментах играть в указанные дни в неделе, в понедельник и в четверг, и смотрящим всяких чинов людям российского народа и иноземцам ходить повольно и свободно без всякого опасения, а в те дни ворот городских по Кремлю, по Китаю городу и по Белому городу в ночное время до 9 часу ночи не запирать и с проезжих указной по верстам пошлины не имать для того, чтобы смотрящие того действия ездили в комедию охотно»⁵.

Представления начались 15 декабря 1702 г. и продолжались несколько лет. В 1707 г. из Посольского приказа⁶ перестали выдавать деньги. Театр начали разбирать. С переездом царевны Натальи Алексеевны в Петербург (1708) туда перевезли и все театральное имущество для первого в городе театрального здания, общедоступные спектакли которого «смотреть был волен всякий».

Таким образом, первый публичный театр в Москве вместе с учрежденной при нем школой драматического искусства под управлением немецкого принципала просуществовал около четырех лет. Его репертуар представлял собой «... грубые сценические переделки сюжетов, собранных с миру по нитке, из разных литератур — немецкой, французской, английской, испанской, итальянской — из старинных хроник, ученых драм и траге-

³ «Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом», т. II. М., 1872, стр. 318. Об обстановке, царившей в этой школе, и о «вражде» первых русских комедиантов свидетельствуют многочисленные жалобы Кунста генерал-фельдмаршалу Головину, которому Петр поручил наблюдение за театральными делами. «Ученики комедианты русские без указа ходят всегда со шпагами..., непрестанно по гостям в ночные времена ходя, пьют. И в рядах у торговых людей товары емлют в долги, а денег не платят. А комедий, которых по приказу боярина Федора Алексеевича (Головина. — Л. Т.) надлежит им списывать для лучшего обучения, писать не хотят... Урочный час не оберегают, временем двух и трех нет» (Цит. по кн.: С. К. Богоявленский. Московский театр при царе Алексее и Петре. М., 1914, стр. 92; П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1895, стр. 425).

⁴ «... А в нем и театрум, и хоры, и лавки, и двери, и окна, и внутри потолок подбит и кровля покрыта, а снаружи обита тесом». («Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом», т. II. М., 1872, стр. 311).

⁵ Цит. по: С. Игнатов. Начало русского театра и театр петровской эпохи. М., 1920, стр. 23.

⁶ На Посольский приказ, ведавший сношениями России с другими странами (через него, в частности, организовывались поиски актеров), в то же время была возложена обязанность выплаты иностранным и русским комедиантам жалованья, устройства «комедийной хоромины», организации перевода пьес и переплета рукописей, изготовления костюмов и декораций и т. д. Документы Посольского приказа позволяют получить представление о репертуаре, облике спектаклей, технике сцены. В материалах приказа обнаружены и некоторые пьесы начального периода профессионального театра, переводившиеся придворными толмачами. («Материалы к истории русского театра в государственных архивах СССР». Под ред. И. Ф. Петровской. М., 1966, стр. 13—14).

дий»⁷. Переводчикам этих пьес было нелегко справиться со своей работой, так как русский язык того времени был плохо приспособлен к передаче напыщенных словоизлияний немецких трагедий⁸.

Петр I не был доволен театром Кунста. Его не удовлетворяли ни махины, ни летания, бывшие в то время в большой моде. Петр требовал «в скорости составить комедию о победе и врученье великому государю крепости Орешка», т. е. главное в театральных зрелищах должно было составлять прославление подвигов царя, его счастливой победы, унижение врагов, торжество над непокорными и т. д. Поощрялись также сатирические разоблачения староверов, подъячьих, берущих взятки, родителей, которые не хотят отдавать детей «в учение» и т. д. Так, например, в «Действии о князе Петре Золотые ключи» было представлено, как родители-дворяне не отпускают сына учиться за границу. Сын в стихах доказывает необходимость учения:

И себе многу славу могу заслужити
Так что все царство будет меня чтити⁹.

Присматриваясь к печатной литературе начала XVIII в., мы убеждаемся, что театр и судьба драмы, а также значение этого рода искусства достаточно занимали тогдашнюю публику. Наряду с расширением репертуара росло и количество работ, посвященных историческим и теоретическим вопросам, связанным с новой литературной формой. Так, в 1720 г. появилась первая печатная статья на русском языке, из которой читатель мог узнать о происхождении театра, о видах театральных пьес и о способе их представления. Речь идет о довольно обширной энциклопедии, переведенной под заглавием: «Полидора Виргилия Урбинского осмь книг, о изобретательныхъ вещей. Переведены с латинского на славенороссийский язык в Москве и напечатаны повелением великого государя царя и великого князя Петра Первого всероссийского императора. В лето Господне 1720 мая в 5 день». В этой книге были сосредоточены все сведения, которыми располагал автор «о началах трагедии и комедии», «о началах сатирской и новой комедии», «о диалоге» и т. д.

Следующая работа появилась в 1733 г. в «Примечаниях на Ведомости» (1733, № 44—46). Это была статья «О позорищных играх или комедиях и трагедиях».

Таким образом русский зритель был подготовлен к восприятию театральных зрелищ и теоретически. Однако необходимо было оживить русское театральное искусство, призвав на помощь комедиантов, говорящих «по славянски», т. е. такую труппу актеров, которой потребовалось бы меньше времени для подготовки представлений на русском языке.

Петр I остановился на Чехии. Возможно, свою роль здесь сыграло то обстоятельство, что царь несколько раз бывал там: в 1698 г. — в составе свиты московского Посольства и дважды на лечении в Карлсбаде, в 1711 и 1712 гг. Особый интерес для нас представляют попытки Петра I найти в чешской среде сотрудников для работы в России. Ему

⁷ Цит. по: П. О. Морозов. Русский театр при Петре Великом. СПб., 1895, стр. 13.

⁸ Н. С. Тихомиров в своей книге «Русские драматические произведения 1672—1725 гг.» (т. II, стр. 198) приводит в качестве примера такого перевода следующий отрывок: «Удовольствования полное время, когда мы веселость весны без препятствия и овоц любви без зазрения употреблять могли. Приди, любовь моя. Поволь чрез смотрение наших цветов очеса и чрез изрядное вонение чувствования нашего наполнить».

⁹ Цит. по: Б. Б. Кафенгауз. Россия при Петре I. М., 1955, стр. 155.

нужны переводчики научной литературы¹⁰, служебный персонал¹¹, офицеры¹² и деятели театра.

Сохранились сведения, что во время пребывания Петра в Чехии он с большим интересом знакомился с театральной жизнью страны — часто посещал театры¹³ и даже приглашал комедиантов к себе домой¹⁴. Интересно отметить, что Петр старался всегда говорить в стране по-чешски. В 1698 г. он просил о назначении к нему какого-либо придворного кавалера, разумеющего по-славянски¹⁵. Ян Купецкий — чешский художник, с которым Петр встречался в Карлсбаде в 1712 г., также оставил сведения, что они беседовали по-чешски¹⁶.

В 1720 г. Петр I поручает находящемуся в Вене Ягужинскому «... нанять из Праги компании комедиантов таких, которые умеют говорить по-славянски или по-чешски». В ответ на это поручение 19 февраля 1721 г. Ягужинский сообщает кабинет-секретарю Макарову, что, хотя соглашение и было достигнуто и труппа «хотела к началу великого поста к пути готовиться», но, к сожалению, «восемь человек чехов им не возможно приискать, для того что из чешского народа в таком их главном деле (in Hauptactionen) искусных людей нет, разве можно четырех человек прибрать, которые однакож в интермедиях, а не в самой комедии употреблены быть имеют». Ягужинский сомневается, как Петр отнесется к такому составу труппы и «упорно» просит «о высокой его воле вскоре уведомить». В этом же сообщении он перечисляет требования, предъявляемые к Пособольскому приказу «комедиантами немецкой и богемской компании»: «1. Главнейший из них за композицию свою и учреждение в комедиях, без платья и другова, что на театре надобно будет, еженедельно с компаниею по 300 или по большей мере 350 гульденов (всякой по 2 цесарских грошей, считая на русские деньги по 2 гульдена в рубле, за 300 гульд. — 150 р.) получать имеет, и такую сумму надлежит по все месяцы наперед платить. 2. Сия компания обяжется в год времени в богемском языке так искуситься, что на оном в совершенстве действовать всякому в комедиях угодить возможет, а ежели она то не сделает, и она не угодна будет, то б им

¹⁰ По распоряжению Петра пражские иезуиты перевели для него 2—3 лексикона и «книгу юриспруденцию», причем чехи переводили с немецкого на чешский, а русский текст, «понеже некоторые речи их несходны с нашим языком», должны были обрабатывать «добрые латиники из чернцов или из светских» и «переписывать русскими литеррами».

¹¹ В 1715 г. царь писал русскому резиденту в Вене А. Веселовскому: «Старайся, дабы сыскать тебе в нашу службу из шрейберов, или из оных не гораздо высоких чинов из приказных людей, которые бывали в службе Цесарской, из бемчан, из шленцов или из моравцов, которые знают по Словенски, ото всех коллегий... по одному человеку». (П. П е к а р с к и й. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1. СПб., 1862, стр. 231).

¹² В инструкции генералу Розену в Вену от 13 декабря 1703 г. Петр пишет: «...таких офицеров принимать, которые б уже добро служили и тамо добрую славу имеют, також и Ческого, Полского, Славенского или иного какого, с Московским согласного языку хотя отчасти разумеют». («Письма и бумаги императора Петра Великого», т. II. М., 1948, стр. 697).

¹³ K. L u d w i g. Peter der Große in Karlsbad 1711 und 1712. Karlsbad, 1904, S. 15.

¹⁴ «Вечер уходит здесь (в Карлсбаде.— Л. Т.) на развлечения; а именно, любит он у себя в комнате устраивать кукольный театр, для чего позволяет приглашать всех, в первую очередь, посланников высоких держав, которые являлись в Карлсбад, чтобы приветствовать его, либо для политических переговоров» (K. L u d w i g, Ibid., S. 31). Об этом пишет и автор брошюры «Петр Великий в Карлсбаде в 1711 и 1712 гг.» Д. Н а г у е в с к и й (Рига, 1909, стр. 15).

¹⁵ См. А. В. Ф л о р о в с к и й. Чехи и восточные славяне, т. II. Прага, 1947, стр. 432.

¹⁶ Д. Н а г у е в с к и й. Петр Великий в Карлсбаде в 1711 и 1712 гг. Рига, 1909, стр. 25.

свободный отъезд по протечению того года, в Гамбурх сухим путем, или куда похотят, позволен был. 3. И чтоб они до того места добрым паспортом и провочатым на коште его царского величества и подводами снабдены были. 4. Учредить над ними кавалера, который во всем им помогать и их наставлять может, какими комедиями они его царскому величеству услужить имеют; старанием которого они также им определенное число благовременно получить могли. 5. Сие пункты будут формально сочинены для лучшего подтверждения за подписанием какого знатного господина изготовлены и отданы. Когда театр единожды в состояние приведен будет и платье все изготовится, и с приходящих до смотра столько собрано будет, что компания без жалования тем себя содержать возможет, при таком случае можно сей театр и с сбором сей компании отдать и пасупротив того договоренное жалованье удержать»¹⁷.

Как явствует из этого документа, найти в Богемии труппу, состоящую исключительно из актеров-чехов, не удалось. Да этого и трудно было ожидать, если вспомнить, в каком состоянии находился чешский театр в начале XVIII в. — в период немецкого засилия во всех областях культурной жизни страны. Все бродячие театральные труппы — за исключением кукольников — были либо немецкими, либо смешанными, чешско-немецкими. О профессиональном чешском театре в то время не могло быть и речи. Лишь в 80-е годы XVIII в. чехи празднуют открытие чешского патристического театра «Буды», который практически все еще является чешско-немецким театром. Поэтому нас не должно удивлять, что в 1720 г. в Чехии была найдена труппа, состоящая из двенадцати комедиантов, лишь восемь из которых были чехами. Итак, в дальнейшем, в переписке Посольского приказа речь уже идет о «комедиантах богемской и немецкой компании». Вся труппа обязывалась за год свободно овладеть чешским языком. Этот год считался, видимо, чем-то вроде испытательного срока, по истечении которого от услуг «компаний» могли отказаться.

Условия, выдвигаемые труппой, были признаны, однако, обременительными. Петр считал, что 300 гульденов в неделю — «зело много». Соглашения не последовало.

Это дало основание некоторым исследователям¹⁸, опирающимся лишь на переписку Петра I с Ягужинским, сделать поспешный вывод о том, что попытка пригласить чешских актеров «не привела ни к чему»¹⁹.

Однако этот пессимистический вывод не соответствует действительности. Имеются данные, указывающие на то, что труппа, состоящая из чешских и немецких комедиантов, все же прибыла в Петербург и в 1723—1724 гг. давала спектакли в театре царевны Натальи Алексеевны. До нас дошли имена лишь двух актеров этой труппы: одного из чешских комедиантов — Фердинанда и принципала труппы — Иоганна Эккерманна.

Несколько слов об Эккерманне. Он был известен в театральном мире того времени под разными именами: Эккерманна, Эккенберга, Эгенберга, Эренберга, Эденберга. Он отличался огромной физической силой и поэтому получил еще одно имя — Starker Mann. В Риге и Петербурге он фигурировал под именем Манна, утратив в псевдониме прилагательное. Об этом сообщает В. Всеволодский-Гернгросс в специальной статье, посвященной актеру²⁰, основываясь на данных истории рижского театра, где

¹⁷ Кабинетные дела II, № 57, л. 1142, 1145.

¹⁸ В том числе: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1. СПб., 1862, стр. 437; Б. В а р н е к е. История русского театра XVII—XIX веков. М.—Л., 1939, стр. 33—34; А. В. Ф л о р о в с к и й. Чехи и восточные славяне, т. II. Прага, 1947, стр. 431—432.

¹⁹ С. И г н а т о в. Начало русского театра и театр петровской эпохи. М., 1920, стр. 281.

²⁰ В. Всеволодский-Гернгросс. Комедиант Манн. «Ежегодник императорских театров». СПб., 1912, вып. VII, стр. 32—50.

Манн выступал со своей труппой в 1719 г. Всеволодский-Гернгросс ссылается также на автора ряда статей по истории русского театра, опубликованных в петербургском журнале «Russische Theatralien» в 1784 г., петербургского, а ранее рижского актера Зауервейда, который пишет: «Это навело меня на мысль подозревать под именем Манна Карла фон Эккенберга, который в то время был известен под именем Starker Mann или Meister in starken Mannskünsten и который во время своих долгих странствий бывал и в Петербурге»²¹.

Эта версия подтверждается и историей западноевропейского театра, который теряет Эккенберга из виду как раз в те годы, когда Манн появляется в Петербурге.

Петр I мог познакомиться с ним во второй половине 1717 г. у Фридриха Вильгельма в Берлине. В это время там пользовался большой популярностью комедиант Иоганн Карл фон Эккенберг, дававший в Шарлоттенбургском дворце «многие замечательные доказательства данной ему от Бога силы». В 1718 г. он отправляется со своей труппой в Россию, возможно, после приглашения, последовавшего со стороны Петра. Немецкие биографы Манна упоминают, что 16 апреля 1719 г. он получил от русского царя почетное свидетельство — аттестацию²², текст которой не сохранился. Аттестация была выдана тогда же, когда была разыграна первоапрельская шутка, соучастником которой был и Петр. Вот как описывается этот случай в дневнике Берхгольца:

«30 апреля 1723 г. Каждый год около этого времени император выдумывает что-нибудь забавное. Несколько лет тому назад здесь был один силач, и ему велели публиковать, что т. к. их величество со всем двором намерены осчастливить его представление своим присутствием, то он приложит все старания, чтобы отличиться и покажет такие опыты силы, каких в Петербурге еще не видывали. При дворе все показывали вид, что императорская фамилия действительно поедет смотреть его и потому проезд к нему знати был необычайный, хотя он в этот день удвоил цену. Какое же было ужас многочисленных зрителей, когда кто-то вышел и объявил, что т. к. сегодня «1-ое апреля», то представление по особому повелению его величества не будет и все могут отправляться по домам»²³.

Подтверждением того, что переговоры Петра в 1720 г. о приглашении в Петербург чешско-немецких комедиантов велись именно с труппой Манна, служит и письмо последнего императрице Екатерине от 11 июля 1721 г. «Понеже его царское величество мне пред одним годом всемилостивейше повелеть соизволил с компанией мастеров в свое государство въехать, — пишет Эккерманн Екатерине I, — того ради... я лучших, которых мог достать, собрал, так что я, без многой хвальбы, о моих людях донести могу, что они в число лучших и искуснейших комедиантов, которых во всей Европе можно найти, достойны почтены быть. И понеже я сих моих с величайшим прилежанием собранных комедиантов и компанию оперистов в Гданьске и других местах оставил, дабы они мне вдруг не в тягость были, и ныне намерен я вашему царскому величеству с моими при себе имеющимися людьми во всеподданнейшем благоволении, услугу нашу показать. Только не имею чем людей моих собрать и в такой дальний путь пуститься. Того ради я царское величество просил, дабы своему резиденту указ дать, чтобы мне здесь 2000 ефимков выдать»²⁴. Далее Эккерманн про-

²¹ Там же, стр. 33.

²² В. Всеволодский-Гернгросс. Комедиант Манн. «Ежегодник императорских театров». СПб., 1912, вып. VII, стр. 38.

²³ «Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 гг.», ч. 3. М., 1860, стр. 92.

²⁴ «Древняя и Новая Россия», 1877, № 1, стр. 55.

сит царицу перед Петром за него «слово замолвить». Неизвестно, были ли посланы деньги, но в 1722 г. Манн опять появляется в Риге, а в 1723 г. в Петербурге, где начинает давать спектакли в театре Натальи Алексеевны — сестры царя.

Первоначально театр размещался летом в ее дворце на Каменном острове, а зимой на углу нынешних улиц Чайковского и Чернышевского²⁵, т. е. довольно далеко от центра. Вскоре выяснилось, что из-за дальности расстояния, кроме придворных, театр никто не посещал. По приказу Петра было решено строить новый театр на углу Невского и Мойки, около Полицейского моста. Указ гласил: «Всепресветлейший державнейший Император и Самодержец Всероссийский указал по именному своему Их Величества указу при Санкт-Петербургской адмиралтейской канцелярии, а именно подле двора вице-Адмирала Господина Змаевича сделать деревянный комедиантский дом. А всяких принадлежащих к тому строению материалов требовать из канцелярии от строений, а делать каторжными невольниками. А колико таких материалов к тому строению потребно взять у архитектора Гербея ведомости за рукой и по присылке ведомостей об отпуске их писать в вышепоказанную канцелярию и Директору от строения господину Синдвину»²⁶.

В этом-то театре и играла труппа чешских и немецких комедиантов, прибывшая в Петербург в 1723 г. К сожалению, о ее деятельности нам известно немного. Как явствует из дневника Берхгольца, она состояла из восьми чешских и четырех немецких актеров и была известна под именем «богемской». Спектакли труппы пользовались большим успехом — «в зрителях комедианты не имели никакого недостатку». Двор постоянно посещал театр. Труппе делались подарки. По-видимому, Манну особенно покровительствовала императрица Екатерина. Из ее расходной книги видно, что труппа часто получала награды, например 24 декабря 1723 г. записано: «Дано комедиантам Манну с товарищами 50 червонцев»²⁷. По указу царя при театре «для пришествия Его Величества с высокою Его фамилией» была сделана «ис казенного кошту светлица», вероятно, аванложа.

Репертуар труппы, по скудным сведениям, дошедшим до нас, включал пьесы: «Адам и Эва», «Невозможная вещь, сделавшаяся возможною», «Доктор Фауст» и «Бедный Юрген».

Когда кончились спектакли труппы Манна, точно неизвестно. По-видимому, труппа играла в Петербурге один сезон, так как в 1724 г. она появляется уже в Вене. В 1731—1734 гг. Манн сделал блестящую карьеру придворного комедианта в Берлине, стал владельцем театра на Новом рынке, организатором ассамблей при дворе. Интересно отметить, что в течение долгого времени в его театре служили актеры, содержавшие позже немецкие театры в Москве, Петербурге и Риге: И. П. Гильфердинг, И. Х. Зикмунд, Сколари.

Несмотря на свою кратковременность, гастроли первой «богемской» труппы в Петербурге представляют собой интересную страницу чешско-русского культурного сотрудничества.

²⁵ И. Бондаренко. Театральные здания в С.-Петербурге в XVIII столетии. «Старые годы», 1910, т. III, стр. 11—30; В. Всеволодский-Гернгросс. Театральные здания в Санкт-Петербурге в XVIII веке. «Старые годы», 1910, т. II, стр. 3—23; И. Шляпкина. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898.

²⁶ Сенатский архив Высоч. повел. XXI-25. Цит. по: В. Всеволодский-Гернгросс. Театральные здания в Санкт-Петербурге в XVIII веке. «Старые годы», 1910, т. II, стр. 5.

²⁷ «Русский архив», 1874, № 1, стр. 524.

В. Ф. ВАСИЛЬЕВА

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ PLURALIA TANTUM И ХАРАКТЕР ИХ ЗНАЧЕНИЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Существительные pluralia tantum в чешском языке до сих пор не подвергались сколь-нибудь широкому исследованию. Достаточно сказать, что в богемистской лингвистической литературе нет ни одной специальной работы, посвященной данному вопросу. В нормативных же грамматиках обычно содержатся самые общие упоминания об этих существительных, ограничивающиеся, как правило, лишь кратким перечнем их семантических разрядов или парадигмой склонения¹. Между тем, существительные pluralia tantum отличаются большим грамматическим своеобразием. В первую очередь оно касается особенностей характера их грамматического значения, его проявления и выражения. В настоящей статье делаются некоторые попытки определить сущность грамматического значения существительных pluralia tantum — значения множественности — в плане содержания и выражения.

Важность исследования значений множественности, выражаемых существительными pluralia tantum, обусловлена тем, что оно помогает определить место этих существительных в грамматической категории числа. Последнее затрудняется тем, что рассматриваемые существительные лишены противопоставления с формами единственного числа. Именно это обстоятельство приводит некоторых исследователей к заключению, что существительные pluralia tantum стоят вне грамматической категории числа².

Исключение существительных pluralia tantum из грамматической категории числа представляется неправомерным по целому ряду причин. Во-первых, эти существительные имеют то же морфологическое оформление, что и существительные в форме множественного числа. Они имеют те же падежные флексии, в основном те же типы склонения, какие имеют существительные, употребляющиеся в обоих числах. В чешском языке, кроме того, существительные pluralia tantum сохраняют, как и существительные с числовым противопоставлением, родовые различия. Так, *tepláky* 'лыжный костюм', *šaty* 'платье', *činely* 'тарелки' (муз.), *okovy* 'оковы', *klevy* (устар.) 'капкан' — существительные мужского рода; *kalhoty* 'брюки', *brýle* 'очки', *dveře* 'дверь', *plíce* 'легкие', *hodiny* 'часы' — существительные женского рода; *povidla* 'повидло', *vrata*

¹ См., например: В. Н а в г р á н е к, А. J e d l i č k a. Česká mluvnice. Praha, 1963, s. 119; Fg. T g á v n í č e k. Mluvnice spisovné češtiny, d. 1. Praha, 1951, s. 499.

² См., например: А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Число и грамматика. «Вопросы грамматики», М.—Л., 1960, стр. 392.

‘ворота’, *kamna* ‘печь’, *játra* ‘печень’, *kolovadla* ‘гигантские шаги’ — существительные среднего рода.

Относя числовое различие существительных pluralia tantum к «пределам синтаксической реляционности (по согласованию атрибутов и предикатов)»³, нужно учитывать, что сама «синтаксическая реляционность» была бы невозможна, если бы эти существительные не обладали теми же самыми грамматическими свойствами, какие присущи и существительным, различающим числовую корреляцию морфологически. Весьма важным в этом смысле является то, что в некоторых случаях существительные pluralia tantum выражают идентичное с существительными во множественном числе лексико-грамматическое значение. Например, в ряде семантических групп у существительных pluralia tantum выступает так называемое интенсивно-количественное значение множественности, которое характерно также и для существительных, употребляющихся в формах обоих чисел. Такое значение обнаруживается, в частности, у существительных pluralia tantum, обозначающих отрезки времени, например *prázdniny* ‘каникулы’, *léta* ‘лета’, *vedřiny* (устар.) ‘выходные дни в школах во время жары’, *libánky* ‘медовый месяц’, *pradějiny* ‘доисторическое время’.

Значение так называемого интенсивно-количественного множества прослеживается и у ряда существительных терминологического характера, обозначающих геологические эпохи: *prahory*, *předprvohory*, *čtvrtohory*, *starohory* и др.

Это же значение выражают, на наш взгляд, и формы множественного числа некоторых существительных, сохраняющих противопоставление по формам единственного и множественного числа.

Имеются в виду такие существительные, как *lhůta* ‘срок’ (ед. ч. *lhůta* ‘срок’), *období* ‘периоды’ (ед. ч. *období* ‘период’), *termíny* ‘сроки’ (ед. ч. *termín* ‘срок’), *doby* ‘времена’ (ед. ч. *doba* ‘время’), *poločasy* ‘полупериоды’ (ед. ч. *poločas* ‘полупериод’).

Аналогичные сравнения можно привести и из русского языка. Значение интенсивно-количественного множества имеют такие существительные, как *времена*, *отпуска*, *сроки*, *периоды*, *столетия*, *эпохи* и др. в тех случаях, когда не подчеркивается значение раздельного множества (например: «О времена, о нравы!», «Эпохи бурь и потрясений», «Лето — время отпусков»).

Еще более наглядно параллелизм в выражении рассматриваемого значения множественности существительными pluralia tantum и формами множественного числа некоторых существительных прослеживается в группе существительных, обозначающих сложные действия. Сравним, например, следующие пары существительных (первыми указаны существительные pluralia tantum): *šušky* ‘сплетни’ и *potluvy* ‘сплетни’, *hrátky* ‘беседа’ и *besedy* ‘беседы’, *pohrabky* ‘подгребки’ и *hrabánky* ‘подгребки’, *dosvitky* ‘ночные свидания’ и *návštěvy* ‘визиты’, *cavky* ‘проволочка’ и *průtahy* ‘проволочки’, *šašky* (устар.) ‘шутка’ и *žerty* ‘шутки’, *radovánky* ‘развлечения’ и *zábava* ‘развлечения’, *hodovánky* (устар.) ‘пир’ и *hostiny* ‘пиры’, *vývědy* ‘разведка’ и *služby* ‘службы’ (сфера обслуживания).

Аналогичный параллелизм имеет место и в русском языке; сравните (первыми указаны существительные pluralia tantum): *дебаты* и *дискуссии*, *выборы* и *поиски*, *хлопоты* и *заботы*, *бега* и *кроссы*, *гонки* и *состязания*, *скачки* и *соревнования*, *козни* и *происки*, *посиделки* и *беседы* и др.

Значение количественного множества выражают также существительные pluralia tantum, обозначающие состояние, например: *útrapy* ‘муче-

³ А. А. Реформатский. Там же, стр. 392—393.

ние', *rozpáky* 'замешательство', *zamilovánky* 'любовные отношения' и др. и формы множественного числа отдельных существительных, например: *radosti* 'радости', *bolesti* 'боли', *mučení* 'мучения', *strachy* 'страхи'.

Подобный параллелизм в выражении рассматриваемого значения при-сущ и существительным, обозначающим состояния или явления природы, хотя существительные *pluralia tantum* в указанном значении представлены единичными случаями. Ср. существительные *pluralia tantum* *červánky* 'заря', *smrákoty* 'сумрак', *nevidky* (диал.) 'туман'; *požáry* (диал. устар.) 'туманная дымка' и формы множественного числа *mrazy* 'холода', *bouřky* 'грозы', *záře* 'зори', *blesky* 'молнии'.

Приведенные выше сравнения показывают, что существительные *pluralia tantum*, несмотря на отсутствие числовой корреляции, могут выражать те же частные значения множественности, что и существительные с числовым противопоставлением. Более того, хотя существительные *pluralia tantum* и лишены формального противопоставления двух числовых форм, они, тем не менее, могут выражать основное грамматическое значение категории множественного числа — значение раздельного множества. Однако выражение ими этого значения приобретает свой специфический характер.

Анализ семантических разрядов существительных *pluralia tantum* подтверждает весьма важное положение о том, что в основе категории числа лежит количественная противопоставленность одного предмета множеству. Такая противопоставленность находит свое выражение каждый раз, когда лексические значения слов допускают количественное различие. Морфологическая особенность отдельных разрядов существительных *pluralia tantum*, обозначающих один предмет или множество однородных предметов, заключается в том, что и значение единичности и значение множественности выражается ими одной формой. В связи с отсутствием формальных показателей выражения грамматических значений — значения единичности и значения множественности — закономерно встает вопрос о грамматической омонимии числа у существительных *pluralia tantum*⁴. Нужно отметить, что грамматическая омонимия отдельных форм единственного и множественного числа в чешском языке встречается довольно часто. Она характерна прежде всего для весьма продуктивного класса отглагольных существительных, образованных с помощью суффиксов *-ání*, *-ení*, *-ní* (*bádání*, *postavení*, *utrpení*), для отглагольных существительных с суффиксом *-tí*, (*mytí*, *šití*), а также для существительных неглагольного происхождения типа *období*, *známení* и некоторых других. Правда, омонимия в этих случаях обусловлена большей частью историческими фонетическими изменениями, но из этого не следует, что сам факт грамматической омонимии чисел в языковой практике является исключением.

Способность выражения числового противопоставления обнаруживается прежде всего у существительных *pluralia tantum*, имеющих конкретное значение, в том числе и у существительных, называющих парные или многосоставные предметы. Значение раздельного множества у существительных с конкретным значением находит свое выражение в возможности сочетания этих существительных с числительными и с неопределенно-количественными словами типа *každý* 'каждый', *kolik* 'сколько', *tolik* 'столько', *mnoho* 'много', *všichni* 'все' и др. Например: *jedny hrabky* 'одни грабли' — *desetery hrabky* 'десять грабель', *jedny varhany* 'один орган' — *desetery varhany* 'десять органов', *jedny housle* 'одна скрипка' —

⁴ А. А. З а л и з в я к. Русское именовое словоизменение. М., 1967, стр. 58.

všechny housle 'все скрипки', *tyto nůžky* 'эти ножницы' — *všechny nůžky* 'все ножницы', *jedny šaty* 'одно платье' — *všechny šaty* 'все платья', *jedny brýle* 'одни очки' — *mnoho brýlí* 'много очков', *jedny kalhoty* 'одни брюки' — *kolik kalhot* 'сколько брюк'.

Указанная способность свойственна и существительным pluralia tantum со значением времени, праздников, обрядов. Эти существительные также сочетаются с неопределенно-количественными словами, как, например: *tyto vánoce* 'это рождество' — *každé vánoce* 'каждое рождество', *tyto velikonoce* 'эта пасха' — *každé velikonoce* 'каждая пасха', *jedny námluvy* 'одно сватовство' — *mnohé námluvy* 'много случаев сватовства', *jedny vdavky* 'одно венчание' — *mnohé vdavky* 'много венчаний', *jedny křtiny* 'одни крестины' — *mnohé křtiny* 'много крестин', *tyto jmeniny* 'эти именины' — *každé jmeniny* 'каждые именины'. Числовая противопоставленность данных существительных pluralia tantum вызвана возможностью многократной повторяемости различных периодов называемого времени или события.

Формальная особенность существительных pluralia tantum, определяющая их грамматическую специфику, заключается, как известно, в том, что, выступая в форме множественного числа, они способны обозначать и один предмет. Эта особенность находит свое внутреннее обоснование, так как морфологический признак служит для выражения частных значений множественности, характерных для существительных pluralia tantum. Значение множественности существительных pluralia tantum, с одной стороны, является разновидностью общего грамматического значения множества. С другой стороны, оно обладает некоторыми признаками, отличающими его от значения раздельного множества, которое является основным значением форм множественного числа, а также от значения собирательного множества и некоторых других разновидностей множества, которыми характеризуются формы множественного числа существительных, употребляемых в обоих числах. Значение множественности, характеризующее существительные pluralia tantum, в целом можно было бы определить как структурное множество. Это значение раскрывает как бы внутреннюю сторону называемого предмета, указывая на сложность, многосоставность или членимость частей, составляющих в массе единое целое. Нужно заметить, что значение множественности, выражаемое существительными pluralia tantum, далеко не всегда в чешском языке, как и в других славянских языках, находит морфологическое выражение, что будет показано ниже.

Указанное значение выступает в нескольких разновидностях: 1) значение так называемого членимого структурного множества (*brýle* 'очки', *nůžky* 'ножницы'); 2) значение сплошного структурного множества, имеющего собирательный характер (*stanovy* 'устав', *dějiny* 'история'); 3) значение так называемого интенсивно-количественного множества (*hrátka* 'беседа', *výzvědy* 'разведывательная служба').

Значение членимого структурного множества наиболее ярко проявляется у конкретных существительных pluralia tantum. К этому семантическому разряду относятся существительные, которые обозначают предметы, обычно состоящие из двух или нескольких частей, парные предметы, различные устройства, аппараты, механические приспособления, приборы, орудия труда, средства передвижения, несложные виды сооружений и др. Например: *vidle* 'вилы', *vantroky* 'желоб водяной мельницы', *plombovačky* 'зубные щипцы', *nůžky* 'ножницы', *okovy* 'оковы', *hrabky* 'грабли', *stružky* 'шинковка', *brýle* 'очки', *sáňky* 'санки', *sáně* 'сани', *hodiny* 'часы', *vřetenky* 'часы с веретенообразным механизмом', *stopky* 'секундомер', *cyklovky* 'часы с цилиндрическим механизмом', *varhany*

‘орган’, *dudy* ‘волынка’, *činely* ‘тарелки’ (муз.), *kamna* ‘печь’ и др.

Среди существительных с конкретно-предметным значением выделяется довольно многочисленная группа существительных, обозначающих одежду и обувь. Значение множественности у них также обусловлено их семантикой: сложностью их структуры, симметричностью или парностью составных частей, например: *tepláky* ‘лыжный костюм’, ‘тренировочный костюм’, *kalhoty* ‘брюки’, *podvlékačky* ‘кальсоны’, *dupačky* ‘ползунки’, *plavky* ‘купальник’, *kozačky* ‘сапожки’, *dřeváky* ‘деревянные башмаки’, *topánky* ‘тапочки’, *šaty* ‘платье’, *shrnovačky* ‘сапоги со скрипом’, *kordováňky* ‘ботинки из козей кожи’, *modráky*, *montérky* ‘спецовка’, *koženky* ‘мужские кожаные брюки’, *praskačky* (диал.) ‘то же’, *tyrolačky* ‘брюки тирольского покроя’, *tyrolky* ‘то же’, *texasky* ‘брюки техасского покроя’, *šortky* ‘шорты’, *trenýrky*, ‘трусы (спортивные)’, *šponovky* ‘спортивные брюки’, *bačkory* ‘теплые домашние туфли’.

Значение членимого структурного множества обнаруживается также у существительных с конкретным значением, обозначающих органы или части человеческого тела (живого организма). В эту группу входят следующие существительные *pluralia tantum*: *dýchadla* ‘дыхательные пути’, *plíce* ‘легкие’, *prsa* ‘грудь’, *ústa* ‘рот’, ‘уста’, *licousy* ‘бакенбарды’, *ňadra* ‘грудь’, *záda* ‘спина’, *játra* ‘печень’.

Значение множественности у существительных *pluralia tantum* часто имеет оттенок собирательности, указывающий на совокупность признаков предметов или совокупность лиц (главным образом у метонимических местных названий). Это значение с большей или меньшей отчетливостью прослеживается по некоторым семантическим группам и наглядно представлено у небольшой семантической группы существительных, обозначающих названия различных болезней. Например, в *osypky* ‘корь’ значение множества мотивировано наличием совокупности признаков болезни — сыпи, чешск. *osypati* ‘покрыться сыпью’. Аналогично у существительных *zarděňky* ‘краснуха’ (признак болезни — появление красных пятен), *spalničky* ‘корь’ (болезнь сопровождается появлением пятен, напоминающих ожоги, ср. *spalít* ‘сжечь’), *potničky* ‘потница’ (появление потничков), *úbyť* ‘чахотка’ (дословно — ‘убывание, убыли’, ср. *ubýti* ‘убыть’), *úročky*, *ouročky* ‘детская экзема’ (дословно — ‘сглазы’), *suchoty* (устар.), *suchotiny* (устар.), *souchotiny* ‘туберкулез’ (дословно — признаки ‘сухости’, ср. *sucho* ‘сухо’).

Значение собирательного множества проявляется также у географических и местных названий. В основном это существительные метонимического происхождения, обозначающие обычно территорию по национальности людей, их профессий или роду занятий и исконно обозначающие совокупность лиц или предметов. Употребление географических и местных названий *pluralia tantum* весьма характерно для чешского языка, в котором они составляют один из наиболее обширных семантических разрядов *pluralia tantum*. В качестве иллюстрации приведем следующие существительные: *Angličany* (устар.) < *Angličan* ‘англичанин’ — Англия; *Vlacy* (устар.) < *Vlach* ‘итальянец’ — Италия; *Francouze* (устар.) < *Francouz* ‘француз’ — Франция; *Cechy* < *Cech* ‘чех’ — Чехия; *Bubny* < *buben* ‘барабан’ — район Праги, где делались барабаны; *Klobouky* < *klobouk* ‘шляпа’ — первоначально ‘шляпники’; *Mydlovary* < *mydlovar* ‘мыловар’ — первоначально ‘мыловары’; *Hradčany* < *hrad* ‘замок’ — первоначально ‘жители или защитники замка, сейчас — район Праги, прилегающий к Пражскому Кремлю’; *Rokycany* < *rokyta* (устар.) ‘ракита’ — первоначально ‘жители раkitных мест’; *Košice* < *koš* ‘корзина’ — первоначально ‘корзинщики’; *Borkovany* < *bor* ‘бор’ — первоначально

‘жители боров’; *Studnice* < *studna* ‘колодец’ — первоначально ‘колодцы’; *Židěnice* < *Žid* ‘еврей’ — первоначально ‘еврейское гетто’; *Dědice* < < *dědic* ‘наследник’ — первоначально ‘наследники’; *Hlubočany* < *hlubočina* ‘низина’ — первоначально ‘жители низин’; *Vitkovice* < *Vitek* — первоначально ‘те, кто принадлежал Витку’; *Bedřichovice* < *Bedřich* — первоначально ‘те, кто принадлежал Бедржиху’; *Ivanovice* < *Ivan* — первоначально ‘те, кто принадлежал Ивану’; *Košíře* < *košíř* ‘корзинщик’ — первоначально ‘корзинщики’; *Podmokly* < *podmokl* ‘подмоченный’ — первоначально ‘подмоченные’ и др.

Значение собирательного множества имеют и отдельные существительные ‘*pluralia tantum*’ с конкретным и отвлеченным значением, из других семантических разрядов, например: *dějiny* ‘история’, *cucky* ‘лохмотья’, ‘клячи’, *hudebniny* ‘нотная азбука’, *stanovy* ‘конституция’, ‘предписания’, *tkaniny* ‘ткацкие изделия’, *paky* (устар.) ‘вещи’, ‘имущество’, *počty* ‘арифметика’.

Близко к собирательному значению множества, свойственному перечисленным выше семантическим разрядам, стоит значение множества существительных *pluralia tantum* с вещественным значением. Эти существительные обозначают вещества, материалы, а также остатки или отбросы каких-нибудь веществ, материалов, например: *kvasnice* ‘дрожжи’, *povidla* ‘повидло’, *kapky* ‘капли’ (лекарство), *okapky* ‘водяные стоки’, *dotáčky* ‘пивные остатки’, *opišky* ‘обмолотки’, *stačky* ‘стекшее по каплям пиво’, *podčepky* ‘пивные отходы’, *omelky* ‘обмолотки’, *patoky* ‘выветрившееся пиво’, *spaliny* ‘топливные отходы’, *slivky* ‘отходы’, ‘подонки’, *splašky* ‘помои’, *bochnice* ‘жмыхи’, *romyže* ‘помои’, *pokrutiny* ‘жмыхи’, *matoliny* ‘выжимки винограда’, *drhlíny* ‘пакля’, *smetky* ‘мусор’, *lužiny* ‘щелочные остатки’, *stočky* ‘подонки’, *shrabky* ‘обмотки’. Значение множества у этих существительных содержит в себе указание на совокупность массы, составляющую качественную характеристику вещества или материала. Однако членимость вещества на составные части не выступает у них с той отчетливостью, как, например, у существительных, обозначающих болезни, или у рассматриваемых выше географических названий.

У небольшого числа существительных *pluralia tantum*, обозначающих место и пространство, значение множественности мотивировано наличием совокупности замкнутых пространств. Таковы *jesle* ‘ясли’, *jatky* ‘бойня’, *katakomy* ‘катакомбы’, *kasárny* ‘казарма’ (встречается, правда, и форма единственного числа *kasárna*), *kasematy* ‘каземат’ (встречается и форма единственного числа *kasemat*) и др.

Как показывает анализ семантических разрядов существительных *pluralia tantum*, использование формы множественного числа у рассматриваемых существительных во многих случаях обуславливается наличием совокупности тех или иных признаков, заключенных в понятии.

Мотивированность форм множественного числа у существительных отчетливо прослеживается и у так называемого значения интенсивно-количественного множества, содержащего указание на то, что качественная характеристика выражаемого понятия достигается путем интенсивности, усиления отдельных моментов, характеризующих понятие в целом. Данное значение свойственно в основном отвлеченным существительным *pluralia tantum*, обозначающим действие, состояние, процесс. Это же значение имеют и некоторые существительные, обозначающие отрезки времени, обряды, игры. Существительные перечисленных выше семантических разрядов обычно подчеркивают длительность, повторяемость, сложность, многократность действия, процесса, например: *cavyuky*

‘церемонии’, *hrátky* ‘беседа’, *pohrabky* ‘подгребки’, *útrapy* ‘муки’, *rozpáky* ‘замешательство’, *zásnuby* ‘сватовство’, *oddavky* ‘свадьба’, *vdavky* ‘венчание’, *potahovačky* ‘длительные неприятные хлопоты’, *hody* ‘пир’, *výzvědy* ‘разведывательная служба’, *šašky* ‘шутки’, *ranty* ‘церемонии’, *táčky* ‘беседа’, *libánky* ‘медовый месяц’, *dožínky* ‘празднование окончания жатвы’, *šedesátiny* ‘шестидесятилетие’, *domlatky* ‘празднование окончания молотбы’, *padesátiny* ‘пятидесятилетие’, *dotěrky* ‘празднование окончания трепки льна’, *ostatky* ‘заговенье’, *vánoce* ‘рождество’, *velikonocce* ‘пасха’, *narozeniny* ‘день рождения’, *prázdniny* ‘каникулы’.

Рассмотренный языковой материал позволяет утверждать, что, во-первых, значения множественности, свойственные существительным *pluralia tantum*, представляют собой частные значения общего грамматического значения множественности, и, во-вторых, существует тесная зависимость значений множественности, выражаемых существительными *pluralia tantum*, от семантики существительных. Значение множественности у существительных *pluralia tantum* имеет несколько разновидностей. Кроме того, множественность данных существительных избирательна и выражается в том, что потенциальная возможность образования существительных *pluralia tantum* не всегда находит свое морфологическое оформление. Те признаки предметов и явлений (парность, многосоставность, собирательность и др.), которые обуславливают значение структурного множества, в формальном выражении лишены регулярности, присущей выражению значения раздельного множества. В результате этого однотипные по своей семантике существительные не всегда оформляются как существительные *pluralia tantum*. Избирательность морфологического выражения множественности существительных *pluralia tantum* прослеживается как на материале отдельных языков, так и при сравнительно-сопоставительной характеристике материала нескольких языков.

Так, в чешском языке структурная множественность морфологически выражена у существительных *brýle* ‘очки’, *vrata* ‘врата’, *dveře* ‘дверь’, *vidle* ‘вилы’, *kamna* ‘печь’, *šaty* ‘платье’, *housle* ‘скрипка’, *šašky* (арх.) ‘шутка’, *táčky* ‘беседа’, *červánky* ‘заря’, *stopky* ‘секундомер’, *dudy* ‘вольтка’, *velikonocce* ‘пасха’, *vdavky* ‘бракосочетание’, ‘свадьба’, *oddavky* ‘бракосочетание’, *křtiny* ‘крестины’, *necky* ‘корыто (для белья)’, *dvojčata* ‘близнецы’, *hody* ‘пир’. В том же языке структурная множественность морфологически не выражена у существительных *kukátko* ‘бинокль’, *brána* ‘ворота’, *branka* ‘калитка’, *vidlička* ‘вилка’, *pec* ‘печь’, *oblek* ‘одежда’, ‘костюм’, *niněra* (диал.) ‘лира’, *žert* ‘шутка’, *beseda* ‘беседа’, *záře* ‘заря’, *tlakoměr* ‘барометр’, *píšťala* ‘дудка’, ‘свирель’, *masopust* ‘масленица’, *svatba* ‘свадьба’, ‘венчание’, *rozvod* ‘развод’, *pohřeb* ‘похороны’, *žlab* ‘корыто (для скота)’, *blíženec* ‘близнец’, *hostina* ‘пир’.

Нерегулярность морфологического выражения значения множественности, характеризующего существительные *pluralia tantum*, наблюдается, как известно, и в русском языке. Ср. существительные *pluralia tantum* *макароны*, *хлопоты*, *будни*, *смотрины*, *сливки*, *часы*, *чернила*, *вилы*, *ворота* и существительные, употребляющиеся в формах обоих чисел, а также существительные *singularia tantum*: *лапша*, *забота*, *праздник*, *сватовство*, *сметана*, *секундомер*, *краска*, *вилка*, *дверь* и др.

Непоследовательность морфологического выражения значения структурного множества наглядно прослеживается при сравнительно-сопоставительном анализе материала нескольких славянских языков. Ограничимся для примера некоторыми фактами из чешского, русского и словацкого языков.

Наиболее последовательно рассматриваемое значение выражено в этих языках у существительных конкретно-предметного значения, обозначающих одежду и обувь, например:

Чешский язык	Русский язык	Словацкий язык
<i>kalhoty</i>	брюки	<i>nohavice</i>
<i>podvlečka</i>	кальсоны	<i>podvlečka</i>
<i>boty</i>	ботинки (ср. боты)	<i>topánky</i>
<i>dipračka</i>	ползунки	<i>mačkové nohavičky</i>
<i>bačkory</i>	тапки	<i>bačkory</i>
<i>plavky</i>	плавки	<i>plavky</i>
<i>kalhotky</i>	трусы	<i>nohavičky</i>

У других семантических разрядов системность морфологической выраженности значения множественности нарушена, и языковой материал в этом отношении представляет пеструю и неоднородную картину. В морфологическом выражении множественности зачастую не наблюдается совпадения числовых форм. Так, если определенным чешским существительным *pluralia tantum* в русском языке соответствуют существительные, употребляющиеся в формах обоих чисел, то в словацком языке тем же самым чешским существительным могут соответствовать как существительные *pluralia tantum*, так и существительные, употребляющиеся в формах обоих чисел, например:

Чешский язык	Русский язык	Словацкий язык
<i>játra</i>	печень (sing. t.)	<i>péčeň</i> (sing. t.)
<i>povidla</i>	повидло (sing. t.)	<i>lekvár</i> (sing. t.)
<i>jatky</i>	бойня	<i>jatky</i> (pl. t.)
<i>útrapy</i>	мýка	<i>muky</i> (pl. t.)
<i>rozpaky</i>	замешательство (sing. t.)	<i>rozpaky</i> (pl. t.)
<i>výzvědy</i>	разведка (sing. t.)	<i>rozviedka</i> (sing. t.)
<i>vánoce</i>	рождество (sing. t.)	<i>vianoce</i> (sing. t.)
<i>velíkonoce</i>	пасха (sing. t.)	<i>vel'ká noc</i> (sing. t.)
<i>vdávky</i>	венчание	<i>svatba, sobáš</i>
<i>námluvy</i>	свадьба (sing. t.)	<i>pytačky</i> (pl. t.)
<i>necky</i>	корыто	<i>koryto</i>
<i>stopky</i>	секундомер	<i>stopky</i> (pl. t.)
<i>housle</i>	скрипка	<i>husle</i> (pl. t.)
<i>dudy</i>	волынка	<i>gajdy</i> (pl. t.)
<i>záda</i>	спина	<i>chrbát</i>
<i>zarděnky</i>	краснуха (sing. t.)	<i>ružienka</i> (sing. t.), <i>červienka</i> (sign. t.)
<i>souchotiny</i>	чахотка (sing. t.)	<i>suchoty</i> (pl. t.)
<i>stanovy</i>	устан	<i>stanovy</i> (pl. t.)
<i>brány</i>	борона	<i>brány</i> (pl. t.)
<i>vlaky</i> (диал.)	волокуша	<i>vlak</i>
<i>noviny</i>	газета	<i>noviny</i> (pl. t.)

С другой стороны, в ряде случаев существительным *pluralia tantum* в русском языке соответствуют существительные *singularia tantum* или существительные с двумя числовыми формами в чешском и словацком языках, например:

Русский язык	Чешский язык	Словацкий язык
Существительные <i>pluralia tantum</i>	Обе числовые формы	Обе числовые формы
куранты	<i>orloj</i>	<i>orloj</i>
похороны	<i>pohřeb</i>	<i>pohreb</i>
перила	<i>zábradlí</i>	<i>zábradlie</i>
поминки	<i>smuteční hostina</i>	<i>pietná spomienka</i>
духи	<i>voňavka</i>	<i>voňavka</i>
сени	<i>síň, předsíň</i>	<i>pitvor, predsieň</i>
качели	<i>houpačka</i>	<i>hojdačka</i>

Совпадение морфологической выраженности структурного множества в рассматриваемых языках встречается реже. Оно ограничивается в основном общеславянскими словами в различных фонетических вариантах. Например:

Чешский язык	Русский язык	Словацкий язык
<i>kleště</i>	клещи	<i>kliešte</i>
<i>hrábě</i>	грабли	<i>hrable</i>
<i>dveře</i>	дверь и двери (разг.)	<i>dvere</i>
<i>vidle</i>	вилы	<i>vidly</i>
<i>čáry</i>	чары	<i>čary</i>
<i>křtiny</i>	крестины	<i>krstiny</i>
<i>vrata</i>	ворота	<i>vráta</i>
<i>nůžky</i>	ножницы	<i>nožnice</i>
<i>sáňe</i>	сани	<i>sane.</i>

Данные одного языка и сопоставительный анализ материала нескольких языков показывают, что категория существительных *pluralia tantum* не вполне соответствует понятийной множественности и что последняя далеко не всегда находит в языке свое морфологическое выражение. Однако в тех случаях, когда эта множественность получает формальное выражение, ее показателями всегда становятся формы множественного числа. Указанное обстоятельство позволяет считать, что *pluralia tantum* являются одной из числовых форм категории числа. Явная зависимость существительных *pluralia tantum* от лексики ставит препятствия на пути полного и двустороннего выражения категории числа.

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. А. КУЧКИН

ДРЕВНЕЙШАЯ БОЛГАРСКАЯ РУКОПИСЬ ИЗ СОБРАНИЙ ГОРОДА ГОРЬКОГО

В Горьковском историко-архитектурном музее-заповеднике под шифром ГОМ № 17531 хранится рукопись, представляющая несомненный научный интерес как по времени и месту своего написания, так и по заключенным в ней литературным памятникам. До недавнего времени рукопись находилась в экспозиции музея. Табличка под экспонатом сообщала, что рукопись содержит текст Поучений аввы Дорофея и относится к XV в. И действительно, при беглом знакомстве с книгой, написанной полууставом, очень схожим с русским полууставом XV в., казалось, что зафиксированные в табличке определения сделаны верно. Однако внимательное рассмотрение рукописи обнаружило, что она представляет собой сборник, причем созданный не в XV столетии, а раньше. Поскольку научного описания рукописи не существует (в Кратком обзоре Н. И. Приваловой древнерусских рукописных и старопечатных книг собраний г. Горького она даже не упомянута¹), приводим основные сведения о памятнике.

Это рукопись в 4°, на 274 листах. Начало утрачено. Оторвана нижняя часть л. 176. Переплет — доски, обтянутые кожей, — в удовлетворительном состоянии. Датируется переплет XV или даже XVI в. Крышки переплета не выступают за обрезы листов рукописи, что характерно для времени до XVII в. В то же время, лучшая сохранность переплета по сравнению с самой рукописью указывает на их одновременность. Обе застежки целы, но они еще более поздние, чем переплет. Рукопись написана на бумаге 4-х сортов, с широкими и средними вержеками.

Водяные знаки следующие:

1. Рожок. Расстояние между понтизо — 27—28 мм. Такой водяной знак встретился на л. 1—41, 50—65, 84—87, 89—96 рукописи. Филигрань соответствует № 4852 и № 4853, зафиксированным в альбоме водяных знаков В. Мошина и С. Тралича². Бумага с такой филигранью датируется 90-ми годами XIV в.

2. Циркуль. Расстояние между понтизо — 27,5 мм. Знак встретился в единственной тетради рукописи — л. 42—49. Такая филигрань приведена в альбоме В. Мошина и С. Тралича под № 3121 и датируется 1373 г.

3. Лев. Расстояние между понтизо — 53 мм. Филигрань встретилась на л. 66—81, 97—146, 151, 152—160 рукописи. Водяной знак точно соответствует № 6092 альбома В. Мошина и С. Тралича. Бумага с таким знаком датируется 1378 г.

4. Колокол. Расстояние между понтизо — 51 мм. Такой водяной знак встретился на л. 82, 83—88, 147—150, 161—274 рукописи. Филигрань соответствует № 3003 альбома В. Мошина и С. Тралича и датируется 1375—1385 гг.

Таким образом, рукопись относится не к XV в., как считалось ранее, а к последней четверти XIV в. Приходится пожалеть, что старая ошибочная датировка не позво-

¹ Н. И. Привалова. Древнерусские рукописи и старопечатные книги Областной библиотеки, Областного краеведческого и Художественного музеев в г. Горьком — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 499—503.

² V. Mošin, S. Traljić. Vodeni znakovi XIII i XIV vijeka, t. I—II. Zagreb, 1957. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

лила внести рукопись в «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР», опубликованный в 1966 г.³

Рукопись написана беглым южнославянским полууставом последней четверти XIV в. Почерков несколько. Основных — три. Первым почерком написаны л. 1—139 рукописи, вторым — л. 139 об.—264 об., третьим — л. 265—274 об.

Помимо современной нумерации листов, в рукописи сохранился древний счет по тетрадам. На нижнем поле л. 2 нынешней пагинации хорошо виден старый номер тетради — 2. Следовательно, в начале рукописи отсутствует по меньшей мере 7 листов первой тетради. Начало 3-й тетради приходится на л. 10 современной пагинации, 4 — л. 18, 5 — л. 26, 6 — л. 34, 7 — л. 42, 8 — л. 50, 9 — л. 58, 10 — л. 66, 11 — л. 74, 12 — л. 82, 13 — л. 89, 14 — л. 97, 15 — л. 105, 16 — л. 113, 17 — л. 121, 18 — л. 129, 19 — л. 137, 20 — л. 145, 21 — л. 153, 22 — л. 161, 23 — л. 169, 24 — л. 177, 25 — л. 185, 26 — л. 193, 27 — л. 201, 28 — л. 209, 29 — л. 217, 30 — л. 225, 32 (номер 31 по ошибке пропущен) — л. 233, 33 — л. 241, 34 — л. 249, 35 — л. 257, 36 — л. 265, далее обозначения тетрадей нет. Все тетради 8-листные, только в 12-й тетради 7 листов. Здесь между л. 86 и 87 утрачен 1 лист.

Рукопись украшена простыми заставками, обычно — в виде тонких плетенки. Последние на л. 10—10 об., 27 об., 37, 41, 55, 63, 72 об., 81, 93, 101 об., 111 об., 121 об.—122, 130 и 142 разрисованы кинovarью, охрой, черной и синей красками, а на л. 147, 152 об., 158, 162 об.—163, 166, 169, 171—171 об.—кинovarью и охрой. В редких инициалах в основном используются тератологические мотивы.

Рукопись имеет много помет XVII в., сделанных на украинском (и русском?), а также польском языках. Такие пометы встречаются на боковых полях л. 23 об., 26, 29, 38, 39, 124 об., 125 об., 126 об., 128, 135 об., 137, 154 об., 160, 160 об., 162, 173 об., 175 об., 184 об., 208, 209, 209 об., 218, 224, 225, 228, 231 об., 249, 255 об., 271 об., 274. На верхнем поле л. 179 написано: *Weselow*. На внутренней стороне нижней крышки переплета надпись полууставом XVII в.: «Хто ласкавъ поменї Зѣновикъ. Гѣ помози мнѣ грѣшномѣ. Гѣ помози рабоу своему Зѣновію наоучитисѣ писати и читати.

Рокоу | I | 618 мѣа апріля 18 днѣ». По нижнему полю л. 10—21 скорописью XVII в. сделана запись о принадлежности рукописи Киевскому Николаевскому монастырю. Почерк записи крайне неразборчив, удалось прочитать лишь следующий текст: «В лѣто от Рождества Христова 1661 извѣстно творим духовнымъ и свѣдѣчимъ ихъ. Сія книга глаголемая есть власная монастыря святого Николы Пустынного Киевского славне и непорочне, абы от того святого мѣсца нѣгды не была охвална (?). А если бы хто мѣл потайно взявши и на свои пожиток обернути...».

Состав рукописи.

Л. 1—176 — Поучения аввы Дорофея. Поучения состоят из 24 «слов». На л. 27 об. читается начало 4-го «слова», на л. 37—5, л. 41—6, л. 55—7, л. 63—8, л. 72 об.—9, л. 81—10, л. 93—12 (начало 11 «слова» читалось, видимо, на утраченном ныне листе, который должен был следовать за л. 86 современной пагинации), л. 101 об.—13, л. 111 об.—14, л. 121 об.—122 —15, л. 130—16, л. 142—17, л. 147—18, л. 152 об.—19, л. 158—20, л. 162 об.—163—21, л. 166—22, л. 169—23, л. 171—171 об.—24. Начало каждого «слова» отделено от конца предшествующего заставкой. О заставках сказано было выше.

Л. 176—274 об.—Житие Василия Нового. Первые слова заголовка на л. 176 утрачены. Продолжение заголовка читается на л. 176 об.: «...и почасті чудеснє сказаніє прѣподобнаго мѣа нѣшего Василіа Новаго. списано Грѣгоріємъ мнѣхомъ оученикомъ его. мѣе ба ви». Начало текста: «Непостижнаго ба чачѣстѣмъ родѣ прѣблагаго и чакълювѣка и благостына. прѣмѣждѣно и неизречено страдна. . .» (л. 176 об.). По определению Ст. Новаковича и С. Г. Вилинского, это вторая южнославянская редакция Жития Василия Нового⁴.

³ «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для „Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно“). «Археографический ежегодник за 1965 г.». М., 1966, стр. 210—271.

⁴ С. Г. В и л и н с к и й. Житие св. Василия Нового в русской литературе, ч. II. Одесса, 1911, стр. 624—742.

Бросается в глаза ряд языковых особенностей рукописи ⁵. Отметим, прежде всего, мену *а* и *ж*: *начашъ вѣдати мира* (л. 18), *заступленнем же и молитвоа стого шца* (л. 183 об.), *насыщааше ашрвж моа паче мѣры* (л. 195 об.) *зри бываашнѣ* (л. 225) и т. д. Употребление *ѣ* вместо *я*: *ни оукарѣа его* (л. 48 об.), *беспечѣние* (л. 62), *всѣческы* (л. 81), *всѣко* (л. 86 об.), *самыа тѣа чѣшж* (л. 190 об.), *увѣнчѣса* (л. 191 об.), *не уставѣетъ* (л. 191 об.). *ѡ* употребляется вместо *ѡ*: *тѣча понецѣмсѣа* (л. 152), *погѣтнѣи всѣкого* (л. 190 об.), а также вместо *ж* (где *ж* заменялся *ѡ*): *пришедѣ къ сѣцинамъ тоу*, (л. 9 об.), *ино бо сѣтъ* (л. 13), *ѡ сѣцихъ въ мирѣ* (л. 191 об.) *дѡхъ ѡкавѣтъ* (л. 207 об.). Употребляется союз *нж*: *нж злвоа мѣдденствоуиште* (л. 22 об.). В возвратных глаголах на конце пишется *са*: *възврати са*: (л. 9), *не гнѣвает са* (л. 22 об.). Эти особенности позволяют считать, что рассматриваемая рукопись написана скорее всего в Болгарии, возможно, в Македонии (ср. написание до тенки вещи — л. 168, где мена *ѡ-ѡ-е*, что характерно для македонских рукописей). Во всяком случае, оригинал рукописи несомненно был болгарским.

Рукопись довольно рано попала на Русь. Об этом свидетельствует явно русская помета на л. 64, сделанная почерком XV в.: *ѡсужати*. В начале XVII в. рукопись находилась где-то на Украине, о чем можно судить по лексике и характеру записи 1618 г. некоего Зиновия на внутренней стороне нижней крышки переплета. А в 1661 г. рукопись хранилась в Киевском Пустынном Николаевском монастыре ⁶. Таким образом, рассматриваемая рукопись принадлежит к тем немногочисленным дошедшим до наших дней памятникам, которые свидетельствуют о тесном культурном общении восточнославянских земель с южнославянскими в средние века.

По времени своего создания рукопись ГОМ, № 17531 — самая древняя из всех рукописей, хранящихся в настоящее время в г. Горьком. Она старше даже знаменитого пергаменного евангелия 1408 г. из Дудина Амвросиева монастыря, находящегося в коллекции Горьковского Художественного музея ⁷.

Горьковский список Жития Василия Нового, крупного эсхатологического произведения средневековья, следует считать древнейшим из имеющихся в Советском Союзе. С ним могут быть сопоставлены лишь два списка той же второй южнославянской редакции: сербский список № 39 (1470) из собрания П. И. Севастьянова и русская копия с сербского оригинала из собрания К. М. Оболенского (№ 16 (9)) ⁸. Севастьяновский список по определению А. Е. Викторова относится к концу XIV — началу XV в. ⁹. Н. П. Лихачев же полагал, что этот список написан в последнем десятилетии XIV в. ¹⁰. Что касается второго списка, то, вопреки мнению С. Г. Вилинского, относившего рукопись К. М. Оболенского к концу XIV — началу XV в., она написана явно не ранее XV в. ¹¹. Таким образом, рукопись из Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника содержит наиболее старый из хранящихся в нашей стране список Жития Василия Нового второй южнославянской редакции ¹². Рукопись должна быть обязательно учтена при исследовании этого важного памятника.

⁵ За консультации по языковой характеристике памятников приношу искреннюю благодарность Н. Б. Тихомирову.

⁶ Об этом монастыре см. например, П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стл. 20—21.

⁷ Макарий. Памятники церковных древностей в Нижегородской губернии. «Записки имп. Археологического общества», т. X. СПб., 1857, стр. 45—46.

⁸ Об этих списках писал еще С. Г. Вилинский. Житие св. Василия Нового в русской литературе, ч. II. Одесса, 1911, стр. 624, прим.

⁹ А. Е. Викторов. Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881, № 39 (1470).

¹⁰ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I. СПб., 1899, стр. 236.

¹¹ С. Г. Вилинский. Там же, стр. 624, прим. В настоящее время шифр рукописи: ЦГАДА, ф. 201, № 16. Старый номер рукописи, отмеченный и С. Г. Вилинским, — 9.

¹² Е. Э. Гранстрем указывает еще один пергаменный список конца XIV — начала XV в. Жития Василия Нового из собрания ГПБ, Погод., № 61. Однако она не сообщает, какую редакцию Жития содержит этот список (см. Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей (ГПБ). Л., 1953, стр. 56—57).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕОРГИИ ДИМИТРОВЕ

(К 90-летию со дня рождения)

Жизнь, творчество и деятельность Георгия Димитрова принадлежат не только болгарскому народу, но и всему мировому коммунистическому и рабочему движению. В связи с празднованием 90-летия со дня рождения этого великого сына Болгарии значительно увеличилось количество изданий произведений Г. Димитрова, воспоминаний о нем, научных исследований, посвященных его многогранной деятельности.

Особенно большая и плодотворная работа по выявлению, сбору и публикации литературного наследия Г. Димитрова, по изданию книг о нем развернулась в Народной Республике Болгарии.

Только в последние годы там вышли тематические сборники его трудов о едином фронте¹, о народном фронте², об Отечественном фронте³, о литературе, искусстве, культуре⁴ и другие, в которых имеются и впервые публикуемые произведения, и ценные документальные приложения. Увидели свет монографические исследования, посвященные отдельным проблемам димитровского наследия⁵.

В 1972 г. были изданы: научная биография Георгия Димитрова, сборники «Георгий Димитров о строительстве социализма в Болгарии», «Георгий Димитров и профсоюзы». Лейпцигскому процессу посвящают свои книги М. Семков⁶

и А. Курела⁷. О Г. Димитрове написаны и художественные произведения⁸.

Особо следует выделить вышедшие в последнее время многочисленные воспоминания о Георгии Димитрове⁹. Наибольший интерес среди них представляет рецензируемый двухтомник¹⁰. Это — своеобразная энциклопедия биографических и исторических сведений. Составители этого сборника проделали колоссальную работу по сбору, обработке и систематизации мемуаров. Особая ценность этого издания в том, что преобладающая часть включенных в сборник воспоминаний написана специально для этого двухтомника, а часть — взята из газет и журналов, ставших библиографической редкостью. В числе 192 авторов сборника — видные деятели международного коммунистического движения и рядовые коммунисты, генералы и академики, писатели и артисты, ветераны болгарского революционного движения и представители молодежи.

Во многом помогают читателю научно составленные приложения к сборнику:

⁷ А. Курела. Димитров срещу Гьоринг. (Превод от немски.) София, 1972.

⁸ См. например, К. Калчев. Георги Димитров. Пловдив, 1972.

⁹ С. Даскалов. Разкази за Георги Димитров. София, 1969; П. Димитров-Рудар. Разкази за Георги Димитров. София, 1968; Г. Караславов. Срещи и разговори с Георги Димитров. София, 1971; П. Игнатов. Сърце за всички. София, 1971; Г. Стоев. Срещи с Димитров. София, 1972; Д. Кожеев. Нашите учители. София 1972; «Георги Димитров в спомени на журналисти». София, 1971.

¹⁰ «Спомени за Георги Димитров». Институт по история на БКП при ЦК на БКП. Съставители: Д. Андреев, Е. Кабакчиева, Д. Мичев, П. Раденкова. Отговорен редактор проф. Р. Аврамов. Т. I (1882—1934), т. II (1934—1949). Партиздат, София, 1971.

¹ Г. Димитров. За единия фронт. София, 1970.

² Г. Димитров. Народният фронт. София, 1970.

³ Г. Димитров. Отечественият фронт. София, 1971.

⁴ Георги Димитров. За литературата, изкуството и културата. София, 1971.

⁵ См., например, В. Куничев. Георги Димитров и въпросите на литературата и изкуството. София, 1970.

⁶ М. Семков. Райхстагът в пламъци. София, 1972.

краткие биографические сведения об авторах воспоминаний, указатель имен, встречающихся в тексте, и хронологический указатель.

Материалы двухтомника в основном расположены в хронологическом порядке. Это придало сборнику более четкую структуру и позволило выделить важнейшие периоды жизни и деятельности Г. Димитрова.

Первый том охватывает материал, связанный с деятельностью Г. Димитрова до Лейпцигского процесса и освобождения его из гестаповской тюрьмы (1882—1934 гг.). Здесь выделяются два раздела: первый заканчивается Сентябрьским антифашистским восстанием в Болгарии 1923 г., второй — приездом в Советский Союз в феврале 1934 г.

Воспоминания открываются статьей Первого секретаря ЦК БКП и председателя Государственного совета НРБ Т. Живкова, в которой дается глубокий марксистско-ленинский анализ революционной деятельности Г. Димитрова, его неограниченного вклада в строительство социалистической Болгарии.

В первом томе показана обстановка в Болгарии на рубеже XX в., положение трудящихся, их борьба, начало трудовой и профсоюзной деятельности Г. Димитрова, его ненасытная жажда знаний, его вступление в партию тесных социалистов, партию Д. Благоева.

Воспоминания ветеранов болгарского рабочего движения Д. Коджейкова, И. Милева, Н. Пенева, С. Бычварова, А. Николова, Г. Кирова и других раскрывают процесс превращения молодого наборщика (под непосредственным воздействием Д. Благоева) в зрелого и опытного профсоюзного и партийного руководителя в первые десятилетия века. Прекрасно показана жизнь Г. Димитрова тех времен, его кипучая, неутомимая деятельность при проведении крупных стачек рабочих в Пернике, Софии, Враце, Русе, Бургасе и др., его страстные выступления на митингах и собраниях. «Речь Г. Димитрова, — пишет известный болгарский коммунист, проф. П. Георгиев, — была страстной, насыщенной марксистской мыслью и революционным жаром. Она увлекала и воспламеняла. В ней кипело возмущение революционизировавшихся рабочих масс» (т. I, стр. 158).

В воспоминаниях соратников Г. Димитрова — В. Коларова, Ц. Драгойчевой, А. Хаджидимова, К. Кюлявкова и других рассказывается об огромной роли Г. Димитрова в организации массовой борьбы болгарских трудящихся в годы первой мировой войны и революционного подъема в Болгарии под влиянием Великого Октября. Многие авторы рассказывают о попытках болгарской охранки расправиться с Г. Димитровым, о его замечательном мастерстве конспиратора.

Интересны воспоминания об участии Г. Димитрова в подготовке и проведении Сентябрьского восстания 1923 г. в Болгарии. Оценивая его деятельность в указанные годы, секретарь ЦК КПСС М. Суслов пишет: «В первый период революционной деятельности Г. Димитрова мы видим его прежде всего как партийного деятеля, ведущего активную работу среди трудящихся масс, умело находящего пути и средства подвода масс к революции, их обучения на собственном опыте, на успехах и временных поражениях. Уже тогда Димитров выступает как отважный политический боец и как умелый подпольщик. У него не кружится голова во время революционного подъема, и он не впадает в панику или уныние в период наступления контрреволюции» (т. II, стр. 395—396).

Второй раздел первого тома включает воспоминания Ж. Натана, Я. Атанасова, И. Крекманова и др., показывающих, как Г. Димитров, проанализировав причины поражения Владайского восстания 1918 г., Июньского и Сентябрьского восстаний 1923 г. в Болгарии, возглавил борьбу за преодоление «левого» сектанства, за победу ленинского курса в Болгарской компартии, за создание рабоче-крестьянского союза и единого народного фронта.

Воспоминания характеризуют Г. Димитрова как выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения. Руководители австрийской компартии Й. Коппенит, Ф. Фюрнберг, Ф. Гексман, советский историк В. Турок рассказывают о деятельности Г. Димитрова в Вене на посту секретаря Президиума Балканской коммунистической федерации. Г. Димитров в этот период оказывал значительную помощь компартиям, выполняя указания Исполкома Коминтерна. «Г. Димитров, — писал Й. Коппенит, —... находил время помогать австрийским коммунистам советами и делами. Эта помощь была тем более ценной и эффективной, что Димитров лучше многих других руководителей товарищей знал проблемы австрийского рабочего движения...» (т. I, стр. 280).

Руководители французской компартии Ж. Дюкло и Б. Фрашон, один из основателей английской компартии Р. Арнот и руководитель германского коммунистического молодежного союза О. Гиптнер, работавшие с Г. Димитровым, в своих воспоминаниях освещают деятельность Г. Димитрова как члена Исполкома Коминтерна в 1925—1927 гг. и как руководителя его Западноевропейского бюро в 1929—1933 гг. В нелегальных условиях, находясь в Берлине, Г. Димитров поддерживал тесные связи с 25 европейскими компартиями, координировал их действия, оказывал непосредственную помощь им и многим международным массовым профсоюзным, молодежным организациям,

участвовал в подготовке международных антивоенных и антифашистских конгрессов.

Нельзя без волнения читать страницы воспоминаний, связанных с историческим битвой Г. Димитрова на Лейпцигском процессе. Об этом пишут П. Тольятти, М. Суслов, Д. Ибаррури, Ж. Дюкло, секретарь ЦК турецкой компартии С. Юстенгел, сестра Г. Димитрова М. Барымова, известный болгарский артист Б. Дановский, вьетнамский коммунист Ле Ван Луонг, немецкие коммунисты В. Кенен, В. Карф, советская журналистка Л. Кайт, болгарский коммунист С. Стоименов, видный английский борец за мир А. Монтегю и другие. Эти воспоминания во многом расширяют наши представления о процессе, о поведении на нем Г. Димитрова, о международном движении трудящихся в его защиту, о контрпроцессе в Англии и т. д.

На долю Г. Димитрова выпала задача вести первую победоносную битву с немецкими фашистами. Авторы воспоминаний убедительно показывают, что Г. Димитров всей своей революционной деятельностью был подготовлен к этой битве. В труднейших условиях лейпцигского судилища раскрылся во всей полноте его талант борца-революционера. «Непоколебимая уверенность в справедливой борьбе мирового пролетариата, преданность идеям коммунизма, глубокая любовь к Советскому Союзу — отечеству рабочих и крестьян, гордое бесстрашие перед лицом классового врага, продемонстрированные великим сыном болгарского трудового народа во время Лейпцигского процесса и раскрывшие исключительную силу его колоссальной фигуры, сделали его имя символом и знаменем борьбы против фашизма на всех континентах» (т. I, стр. 14). Эти слова Т. Живкова хорошо иллюстрированы воспоминаниями ряда других деятелей международного рабочего движения. «Его пример, — пишет Д. Ибаррури, — влил новые силы в школу героизма коммунистов..., каждый коммунист закалял свою твердость, укреплял веру, вспоминая о Димитрове, которого носил в совести и в сердце» (т. II, стр. 136). Турецкий коммунист С. Юстенгел рассказывает, что поведение Г. Димитрова на судебном процессе вдохновляло узников турецких тюрем на борьбу, давало им новые силы, отмечает, что даже простые люди Турции, ранее преубежденные против коммунистов, теперь стали рассуждать иначе: «Этот болгарин заставил весь свет ахнуть! Заставил всех признать, что коммунисты любят народ, родину...» (т. II, стр. 54, 60). П. Тольятти подчеркивает, что Г. Димитров выиграл битву, которую вел не столько за свою жизнь, сколько за свою коммунистическую честь, показал своим примером путь сопротивления и борьбы против фашистской тирании, путь, по которому целые народы должны пойти и

двинулись в последующие трудные годы (т. II, стр. 120—121).

Второй том рассматриваемого издания также состоит из двух разделов: первый содержит воспоминания о жизни Димитрова со времени его прибытия в СССР до победы народной революции в Болгарии 9 сентября 1944 г., второй — до последних дней его жизни.

В первом разделе собраны воспоминания, связанные, главным образом, с деятельностью Г. Димитрова на посту генерального секретаря Коминтерна. Видные деятели КПСС и международного коммунистического движения, соратники Г. Димитрова О. Куусинен, М. Суслов, Б. Пономарев, М. Торез, П. Тольятти, Д. Ибаррури, В. Ульбрихт, В. Кодовилья, Л. Престес и др. подчеркивают, что Г. Димитров был верным учеником В. И. Ленина, руководителем ленинского типа. Не случайно Г. Димитров в ответ на теплые поздравления сотрудников Исполкома Коминтерна в связи с его 60-летием и их заверения о том, что они будут у него учиться мужеству и служению рабочему классу, сказал: «А знаете ли, что заставляет меня самого ежедневно учиться? Иногда очень трудно. Возникает много серьезных вопросов. Как их решить лучше и правильнее? В таких случаях я снова и снова перечитываю Ленина, у него ищу ответы на трудные вопросы. Как бы поступил Ленин на моем месте? И я вам советую от души: учитесь у Владимира Ильича Ленина!» (т. II, стр. 183). Именно это способствовало успешной работе Г. Димитрова на посту руководителя Коминтерна в условиях нарастающей в мире угрозы войны и фашизма. В ряде воспоминаний указывается на выдающийся вклад Г. Димитрова в разработку стратегии и тактики мирового коммунистического движения в тот период. Во многих воспоминаниях прослеживается мысль, обобщенно выраженная Т. Живковым: «Выросший как пролетарский деятель в атмосфере рабочего движения, где проблемы единства пролетариата и союза рабочего класса с крестьянами и другими непролетарскими трудовыми слоями имели жизненно важное значение, накопивший огромный теоретический и практический опыт в борьбе против фашизма, как в национальном, так и в международном масштабе; хорошо знавший проблемы антифашистской борьбы во Франции и Германии, в Югославии и Австрии, в Прибалтике и Польше; непосредственно переживавший трагическое поражение разьединенного рабочего класса Германии и т. д. — Георгий Димитров сформировался как видный теоретик и строитель единого пролетарского и народного антифашистского фронта, как последовательный борец за новый, ленинский курс мирового коммунистического движения» (т. I, стр. 14). Интересно в этом отношении

интервью В. Ульбрихта: «Вспоминаю его советы о необходимости создания единого антифашистского фронта в период его деятельности на посту руководителя Западноевропейского бюро Коминтерна... В своем письме (после освобождения из фашистской тюрьмы.— *Авт.*) Генеральному секретарю Коммунистической партии Советского Союза Сталину Георгий Димитров дал не только реальную оценку положения, но и обосновал необходимость новой ориентации Коминтерна. Он предложил развернуть борьбу за единый и народный фронт, не требуя от социал-демократов и других союзников признания нашей конечной цели — Советской власти» (т. II, стр. 131, 132). В рецензируемом сборнике воспоминаний указывается, что эти мысли Г. Димитрова, обогащенные коллективным опытом мирового коммунистического движения, нашли свое наиболее яркое выражение в его докладе на VII конгрессе Коминтерна. «Конгресс показал, — подчеркивает Б. Пономарев, — что мировое коммунистическое движение правильно оценило международную обстановку и наметило реальную перспективу борьбы против фашизма вплоть до его разгрома. Коммунистический Интернационал — и в этом немалая заслуга Георгия Димитрова — не только предвидел ход событий, ведущих к развязыванию мировой войны, но и разработал практические меры мобилизации всех сил для борьбы против войны» (т. II, стр. 242).

Во многих воспоминаниях раскрываются широкие связи Г. Димитрова с компартиями ряда стран накануне войны, его помощь этим партиям в реализации решений VII конгресса Коминтерна. «Вдохновенные решениями Коммунистического Интернационала, — пишет заместитель генерального секретаря чилийской компартии Х. Гонсалес, — по инициативе нашей партии мы смогли создать народный фронт в Чили... в марте 1936 года... Указания Димитрова вдохновляли не только коммунистов и рабочих в Чили, но и проникали глубоко в среду интеллигенции, в широкие слои молодежи и женщин» (т. II, стр. 147).

В воспоминаниях имеется немало ценных сведений об организации помощи испанскому народу в его борьбе против франкизма, о положении в болгарской, австрийской, польской, турецкой, китайской, чилийской, аргентинской, бразильской и других компартиях. Г. Димитров очень ценит информацию непосредственно от очевидцев и участников событий. Например, в беседе с В. И. Чуйковым, прибывшим из Китая, Г. Димитров интересовался, насколько широко влияние китайской компартии в массах, среди военных, высказывая сомнения в том, не раздувают ли чрезмерно ряды компартии за счет непролетарских элементов, беспокоился, что некоторые руководители ки-

тайской компартии недостаточно владеют основами марксизма-ленинизма (т. II, стр. 277—278).

Многие авторы воспоминаний отмечают пламенный патриотизм и последовательный интернационализм Г. Димитрова, его тесные связи с советскими трудящимися. «Отношение к Советскому Союзу, — подчеркивал О. Куусинен, — Димитров считал основным водоразделом, основным критерием, определяющим, кто принадлежит к лагерю демократии и социализма, и кто — к лагерю империализма» (т. II, стр. 116).

Х. Гонсалес, как и многие другие авторы, отмечает плодотворную деятельность Г. Димитрова по воспитанию партийных кадров: «Ценные советы, которые Димитров давал международному коммунистическому и революционному движению, способствовали воспитанию этих кадров... Георгий Димитров оказал чрезвычайно большое влияние на целое поколение революционных кадров Коммунистической партии Чили» (т. II, стр. 144, 148).

О стиле и методах руководства Г. Димитрова рассказывают в своих воспоминаниях сотрудники аппарата Коминтерна В. Мауильская, Н. Слудкер, Е. Голубева, А. Разумова, Г. Сорокин, И. Плышевский и другие. Они раскрывают его черты, характерные для руководителя ленинского типа: умение направлять усилия на решение важнейших задач, коллективный метод работы, принципиальность, нетерпимость к администрированию, требовательность к себе и подчиненным, колоссальную работоспособность, заботу о человеке, необыкновенную отзывчивость, скромность, высокую культуру.

О деятельности Г. Димитрова в годы Великой Отечественной войны вспоминают Б. Пономарев, В. Чуйков, М. Бурцев, И. Антошин, болгарский генерал Д. Гилин, помощник Г. Димитрова И. Плышевский и другие. В это время Исполком Коминтерна под руководством Г. Димитрова в новых условиях проводил огромную работу по сплочению патриотических и демократических сил в различных странах в общий фронт борьбы против мирового фашизма, по организации освободительной борьбы народов против фашизма с учетом национально-специфических условий каждой пораженной страны. В воспоминаниях отмечается, что руководство Коминтерна, лично Г. Димитров оказывали огромную помощь Главному политическому управлению Советской Армии в развертывании идеологической борьбы с противником: в написании воззваний, листовок, текстов радиопередач, в организации работы среди взятых в плен немцев, итальянцев, румын, венгров, в создании школы слушателей для проведения политико-массовой работы среди военнопленных и др. (т. II, стр. 246—263, 275, 287—295).

В сборнике содержится богатый материал о деятельности Г. Димитрова после роспуска Коминтерна в 1943 г. Возглавив Международный отдел ЦК КПСС, Г. Димитров поддерживал тесные связи со многими компартиями, давал им ценные советы (т. II, стр. 344—345). М. Торез вспоминал об этом периоде жизни Г. Димитрова: «Хотя здоровье его уже было подорвано болезнью, он продолжал быть все таким же деятельным и энергичным. Тогда уже Интернационал не существовал, но наш друг стремился сохранить связи между борцами. Воспоминания о Георгии Димитрове, нашем вожде и друге, будут жить всегда в наших сердцах» (т. II, стр. 129—130).

За активное участие в борьбе с гитлеровским фашизмом Президиум Верховного Совета СССР наградил Г. Димитрова орденом Ленина.

Второй раздел второго тома содержит воспоминания о деятельности Г. Димитрова в первые годы социалистического переустройства новой Болгарии. «Счастьем для Болгарии, — пишет Т. Живков, — было то, что в те бурные годы во главе партии и государства встал такой испытанный и мудрый руководитель как Георгий Димитров» (т. I, стр. 12).

В своих воспоминаниях Т. Живков, М. Суслов, видные деятели БКП Ц. Драгойчева, И. Михайлов, П. Таков, Н. Стефанов, Т. Черноколев, К. Луканов, П. Куниш, руководитель Болгарского земледельческого народного союза Г. Трайков, болгарские генералы Н. Михайлов, А. Кабакчиев, В. Стойчев и другие раскрывают многие стороны неутомимой деятельности Г. Димитрова как руководителя компартии и правительства Отечественного фронта, направленной на укрепление народно-демократической власти, привлечение широких народных масс к управлению государством, их сплочение под руководством БКП, на создание идейно-политических, экономических, конституционных и культурных предпосылок социалистического строительства. Г. Димитров был душой и инициатором провозглашения Болгарии народной республикой, разработки и принятия новой конституции, национализации капиталистической промышленности, банков, торговли, проведения аграрной реформы, создания ТКЗХ, МТС, госхозов, строительства новой народной армии, внедрения и распространения социалистических методов труда. В сборнике раскрывается образ человека, всегда и особенно в трудные послевоенные годы заботившегося о нуждах трудящихся.

В воспоминаниях известных болгарских деятелей науки, литературы, культуры Т. Павлова, Ж. Натана, Елина-Пелина, В. Топенчарова, Д. Казасова, Д. Михалчева, Л. Пипкова, А. Будевской отмечается постоянная забота Г. Димитрова о расцвете болгарской социалисти-

ческой науки и культуры, о создании благоприятных условий для творческой интеллигенции.

О большом значении, которое придавал Г. Димитров раскрепощению болгарской женщины, привлечению ее к общественному труду, пишут в своих воспоминаниях Ц. Драгойчева, В. Начева, Р. Тодорова и др.

Центрами являются воспоминания М. Сулова, Т. Живкова о большом вкладе Г. Димитрова в марксистско-ленинскую теорию социалистической революции и социалистического строительства в европейских странах народной демократии. В этом отношении особый интерес представляет его доклад на V съезде БКП. М. Сулов пишет: «Г. Димитров долго и упорно готовил этот доклад. Эта работа продолжалась в Москве, куда он приехал... и вместе с болгарскими товарищами около трех месяцев работал над проектом этого документа... Тогда же Г. Димитров и другие болгарские товарищи имели беседы в Политбюро ЦК КПСС. Подготовленный ими документ сыграл огромную роль в понимании сущности строя народной демократии как формы диктатуры пролетариата, в утверждении и развитии социализма в Болгарии. Он имел и международное значение... Данная Г. Димитровым характеристика народно-демократического строя, внесшая необходимую ясность в вопрос о путях и методах строительства социализма в странах народной демократии, в частности в Болгарии, вооружила партию и болгарских трудящихся ясной перспективой развития и явилась значительным вкладом в разработку теоретических вопросов, связанных с борьбой за социализм» (т. II, стр. 398—400). «На пятом съезде партии, — говорит Т. Живков, — Георгий Димитров осветил теоретически и дал практическое решение важнейших проблем, поставленных общественным развитием страны в переходный период от капитализма к социализму» (т. I, стр. 12).

Рассматриваемый сборник воспоминаний интересен и тем, что в нем содержатся ценные сведения о многих выдающихся современниках Г. Димитрова — И. Сталине, М. Калинин, М. Кашене, М. Торезе, Э. Тельмане, В. Пике, В. Ульбрихте, П. Тольятти, Д. Благоеве, В. Коларове, Д. Ибаррури, Х. Диасе, К. Готвальде, М. Горьком, А. Барбюсе, Р. Ролане, В. Блюхере и др.

Издание «Воспоминаний», имеющее большое политико-воспитательное значение — существенное достижение Института истории Болгарской коммунистической партии при ЦК БКП, это замечательный подарок трудящимся к 90-летию со дня рождения Г. Димитрова.

Л. Б. Валев, Д. Г. Песчаный

КНИГА О ФАШИСТСКОМ ОККУПАЦИОННО-КВИСЛИНГОВСКОМ РЕЖИМЕ В ЮГОСЛАВИИ И ЕГО КРАХЕ

Среди многочисленных трудов скончавшегося недавно известного югославского историка и правоведа акад. Ф. Чулиновича важное место занимает одна из последних его работ — вышедшая в 1970 г. белградским военным издательством в серии «Военное прошлое наших народов» книга «Раздел Югославии оккупантами»¹. Эта фундаментальная монография, насчитывающая без малого 700 страниц, привлекла уже внимание специалистов. Однако первые рецензии, появившиеся в Югославии², носят скорее аннотирующий характер, нежели подвергают работу серьезному разбору, ограничиваясь лишь общей констатацией ее важности.

Оценивая монографию Чулиновича, следует прежде всего подчеркнуть, что исследование оккупационно-квислинговского режима, установленного фашистскими захватчиками и рухнувшего под ударами вооруженного сопротивления югославских народов и пришедшей им на помощь Советской Армии, является одним из весьма существенных аспектов в общем исследовании всего комплекса проблем истории Югославии в период освободительной борьбы и народной революции 1941—1945 гг. Хотя различные стороны этой темы затрагивались в той или иной степени в работах о народно-освободительной борьбе, вышедших в первые 10—15 лет после освобождения, к систематическому и специальному ее изучению югославские историки, как отмечалось уже, в частности, в советской историографии³, приступили преимущественно с конца 50-х и особенно с начала 60-х годов. В первых же специальных работах, которые были посвящены оккупационной системе в Сербии, некоторых районах Македонии, так называемому «Независимому государству Хорватии»⁴,

проявилась одна черта, ставшая на довольно длительное время специфической для югославских исследований в данной области: поскольку в Югославии, расчлененной и оккупированной нацистской Германией, фашистской Италией, хортистской Венгрией и монархо-фашистской Болгарией, в различных частях страны были установлены разные системы и типы оккупационного либо квислинговского управления, постольку само изучение также шло в локальных рамках — рассмотрению подвергался какой-то один вид фашистского режима, характерный для определенного района. Это в полной мере было присуще и изданному в 1963 г. объемистому тематическому сборнику «Системы оккупации в Югославии 1941—1945», который включал в себя югославские доклады для III международного конгресса по истории европейского Сопротивления⁵. Хотя помещенные в сборнике восемь докладов вместе взятые освещали важнейшие моменты оккупационно-квислинговского режима почти на всей территории Югославии, каждый из них анализировал лишь одну из систем этого режима, действовавшую в отдельной части страны⁶. Дальнейшие исследования югославских историков, шедшие в том же направлении⁷, позволили накопить

материала 1941—1944. «Гласник на Институтот за национална историја», 1961, бр. 2.

⁵ «Les systèmes d'occupation en Yougoslavie 1941—1945». Belgrade, 1963. Конгресс состоялся в Карловых Варах в сентябре 1963 г.

⁶ Ряд этих докладов был одновременно опубликован в различных югославских исторических журналах, причем доклад Й. Марьяновича «Немецкая оккупационная система в Сербии в 1941 г.» был в журнальном варианте значительно изменен и опубликован под названием «Экономическая политика немецких нацистских оккупантов в Югославии в 1941—1945 гг.». — J. M a r j a n o v i ć. Ekonomika politika nemačkih nacističkih okupatora u Jugoslaviji 1941—1945 (S posebim osvrtom na nemačku ekonomsku politiku u Srbiji i Banatu). «Jugoslovenski istorijski časopis», 1963, бр. 4.

⁷ См. Г. Т о д о р о в с к и. Прилог кон проучувањето на окупаторскиот систем во Западна Македонија од 1941—1944 година. «Гласник на Институтот за национална историја», 1963, бр. 2; А. Н а д р и. Okupacioni sistem na Kosovu i Metohiji 1941—1944. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1965, бр. 2; Р. Терзиоски. Некои идејни аспекти на бугарските програми во окупирана Македонија 1941—1944. «Гласник на Институтот за национална историја», 1968, бр. 1,

¹ F. Čulinović. Okupatorska podjela Jugoslavije. Beograd, 1970.

² В числе первых на книгу откликнулись «Jugoslovenski istorijski časopis», 1970, бр. 3—4 и выходящий в Скопле «Гласник на Институтот за национална историја», 1971, бр. 2.

³ См. В. К. В о л к о в, Л. Я. Г и б и а н с к и й. Проблемы новой и новейшей истории Югославии на страницах журнала «Jugoslovenski istorijski časopis». «Новая и новейшая история», 1966, № 1, стр. 151.

⁴ См., например, Р. Вишњић. Nemački okupacioni sistem u Srbiji 1941 godine. «Istorijski glasnik», 1956, бр. 3—4. С. С и м и й. Туфинске комбинације око НДХ. Титоград, 1958, Г. Т о д о р о в с к и. Некои институции во Западна Македонија воведени во времето на оку-

и осмыслить к концу 60-х — началу 70-х годов значительный локальный материал. Параллельно с его все более глубоким анализом со все более широким охватом не только административной либо военно-административной, как прежде всего было до сих пор, но и экономической, идеологической и других сфер, теперь все более настоятельной становится задача научного синтеза, сопоставительного анализа разных оккупационных и квислинговских систем и их обобщенного рассмотрения на территории Югославии в целом. Значение монографии Ф. Чулиновича состоит прежде всего как раз в том, что она является первой значительной попыткой в югославской историографии приблизиться к решению этой задачи.

Вместе с тем, предпринимая такую попытку, автор счел нужным подчеркнуть, что он должен был отказаться от рассмотрения общей истории оккупации в Югославии, ибо для этого, по его мнению, еще не созрели необходимые условия, не выявлен достаточный материал. Поэтому Чулинович оговаривается, что он намеренно сужает проблему, ставя в центр само расчленение Югославии фашистскими захватчиками (стр. 6—7). Действительно, важнейшее место в книге занимает именно раздел страны оккупантами. Однако содержание монографии гораздо шире — если она и не дает систематической истории оккупационно-квислинговского режима, то во всяком случае описывает и характеризует все его виды и формы на территории Югославии и стремится, хотя бы в самых общих чертах, проследить основные этапы его существования вплоть до его полного краха и освобождения страны от фашистских захватчиков.

Но делает это Чулинович в рамках того же метода, какой был и до сих пор характерен для исследования данной проблемы в югославской историографии: рассмотрев во введении помимо постановочных и историографических вопросов (стр. 13—34) сюжеты, относящиеся к плану фашистских агрессоров и общему осуществлению ими раздела Югославии (стр. 34—85), он дает далее описание и характеристику оккупационно-квислинговских систем по каждому соответствующему району страны в отдельности. Это определило и структуру работы. Каждая из глав книги посвящена оккупационному или квислинговскому режиму в определенной части разделенной Югославии: в Словении (стр. 89—160), на территории, включенной в состав «Независимого государства Хорватии»

(стр. 163—384), в Сербии (стр. 387—522), Косово (стр. 523—533), Банате (стр. 534—554), венгерской оккупационной зоне (стр. 555—584), Македонии (стр. 587—617), Черногории (стр. 621—650). При этом автор специально рассматривает и отдельные оккупационные зоны, существовавшие одновременно или в разное время внутри некоторых из перечисленных областей, например, немецкую оккупационную систему в северной части Словении и итальянскую — в южной, так называемой Люблянской провинции, итальянское управление в районах адриатического побережья Хорватии, режимы в болгарской и итальянской оккупационных зонах в Косово, в Македонии. Хотя в небольшой заключительной главе (стр. 653—668) затрагиваются некоторые вопросы общего плана, в целом монография оказывается как бы своеобразным сборником статей — глав, каждая из которых носит локальный характер. И в этом смысле книга не решает задачи обобщенного исследования.

В то же время работа Ф. Чулиновича представляет собой важный шаг к осуществлению этой задачи. Она рассматривает разные оккупационные системы и типы квислинговских режимов, установленные в Югославии, несравненно полнее, нежели это делалось до сих пор в югославской историографии, тем более в рамках единого труда. Весьма солидна и база, на которой автор строит исследование: он очень широко использует данные, содержащиеся в литературе, документальных публикациях, мемуарах, обнаруживая прекрасное знание большого круга как югославских, так и зарубежных изданий, в том числе изданий югославской эмиграции, опирается в разработке ряда сюжетов на прессу и издания оккупационно-квислинговского режима, на интересные архивные материалы. В результате автор смог осветить многие вопросы утверждения, структуры, функционирования разных видов оккупационно-квислинговской системы, вовсе или почти не разрабатывавшиеся в югославской литературе.

В первую очередь это касается «Независимого государства Хорватии», которому отведена почти треть монографии. Чулинович справедливо подчеркивает, что отличительной особенностью захватнической политики фашистских агрессоров было использование приобретенного в старой Югославии крайнюю остроту национального вопроса, использование националистических коллаборационистских элементов и создаваемых под эгидой «оси» квислинговских «национальных» администраций, среди которых «Независимому государству Хорватии» отводилось и принадлежало главное место (стр. 5, 8—9). В отличие от других авторов, исследовавших лишь отдельные стороны усталого режима либо опреде-

T. F e r e n c. Nacistična raznorodovalna politika v Sloveniji v letih 1941—1945. Maribor, 1968; В. Г л и ш и Ы. Терор и злочини нацистичке немачке у Србији 1941—1944. Београд, 1970 и др.

ленные хронологические периоды его существования, Чулинович дает наиболее полное в югославской историографии освещение этого квислинговского формирования в целом. В книге подробно рассматриваются история возникновения «Независимого государства Хорватии», основные особенности его международного положения, внутренней политической, административной, военной, судебной организации, законодательства, формы и методы усташского террора, роль католицизма в идеологии и практике режима. Такой многосторонний анализ, дающий весьма широкую картину, составляет, по нашему мнению, главное достоинство обширной, занимающей больше двухсот страниц главы о «Независимом государстве Хорватии». По сути дела это самостоятельная монография.

При этом нельзя не отметить, что в одних случаях автор по существу анализа и излагаемого материала почти или вовсе не выходит за рамки уже известных работ (например, своих собственных прежних трудов и работ Б. Кризмана, рассматривающих историю установления усташского режима⁸, В. Новака и С. Симича — о преследовании сербов и роли католицизма⁹, С. Одича, Б. Петрановича, Ф. Елч-Бутича — по вопросам кризиса усташского режима и его краха¹⁰, в других — выступает как оригинальный исследователь, прежде всего по сюжетам, касающимся внутренней структуры, административной системы «Независимого государства Хорватии». Однако Ф. Чулинович исследует эти вопросы в первую очередь как правовед, склонный рассматривать явления в известной статике, подчас ставить в центр внимания их собственно юридическую характеристику.

В то же время ряд идейно-политических аспектов, весьма существенных для характеристики режима, затронут мельком,

⁸ F. Čulinović. Slom stare Jugoslavije. Zagreb, 1958; B. Krizman. Pavelićev dolazak u Zagreb 1941 godine. «Zbornik Historijskog instituta Slavonije», br. 1. Slav. Brod, 1963; е г о ж е. Pitanje priznanja ustaške države 1941 godine. «Jugoslavenski istorijski časopis», 1970, br. 1—2; см. также опубликованную уже после выхода книги Чулиновича статью Кризмана «Razgraničenje ustaške države (Jugoslavenski istorijski časopis, 1971, br. 1—2).

⁹ V. Novak. Magnum Crimen. Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj. Zagreb, MCMXLVIII; С. С и м и ч. Прекращавање Срба за време другог светског рата. Титоград, 1958.

¹⁰ S. Odić. Neostvareni planovi. Zagreb, 1961; B. Petranović. Politicke i pravne prilike za vreme Privremene vlade DFJ. Beograd, 1964; F. Butić. O nekim političkim akcijama u NDH noći njezina sloma. «Putovi revolucije», br. 7—8. Zagreb, 1966.

либо совсем остался вне рамок монографии, особенно — некоторые вопросы идеологии усташского движения, его национально-политической доктрины, включая, например, такие ее элементы, как лишь вскользь упоминаемая Чулиновичем (стр. 325) теория готского происхождения хорватов. Беглое изложение, общие, недостаточно наполненные необходимым конкретным содержанием формулы в значительной мере свойственны и освещению некоторых других проблем, в частности, вопроса об отношении различных слоев, классовых и политических сил в Хорватии к усташскому «государству» (стр. 334—342). Отправляясь от дискуссии, которая велась по этому вопросу десять лет назад между известными югославскими историками П. Морачей и В. Богдановым, Ф. Чулинович скорее лишь констатирует отдельные из высказанных тогда оценок, нежели углубляется в их рассмотрение по существу. Совершенно справедливо подчеркивая, что зачислять в приверженцы усташского режима какой-либо из основных общественных классов в целом, в том числе крестьянство и даже буржуазию, совершенно неправомерно, что речь может идти только об определенных их частях, автор не дает, однако, сам удовлетворительного ответа, какая же часть каких классовых сил поддерживала существование «Независимого государства Хорватии», оперируя в своих выводах такими понятиями, как сепаратисты, пятая колонна и т. п. (стр. 342). При оценке позиций крестьянства и особенно буржуазии, в частности в 1941 г., в книге, на наш взгляд, уделяется далеко недостаточное внимание роли и реальным результатам деятельности весьма влиятельного в этих слоях правого руководства Хорватской крестьянской партии во главе с В. Мачеком, чья линия на практике означала фактическую поддержку провозглашенного усташами «государства».

В еще меньшей степени подобные проблемы попадают в поле зрения Ф. Чулиновича при рассмотрении фашистского режима в других частях расчлененной Югославии. К немногим исключениям относится даваемый в книге интересный анализ идейно-политической и национально-государственной квислинговской концепции М. Недича и его марионеточного предательского «правительства» в оккупированной гитлеровцами Сербии (стр. 444—453).

Характерной особенностью оккупационно-квислинговской системы, созданной фашистскими захватчиками в Югославии, было то, что она включила в себя не только сепаратистские «национальные» администрации, учрежденные под эгидой Германии и Италии, но и такое военно-политическое формирование, как четническое движение Д. Михайловича, представлявшее в стране эмигрантское королевское правительство. И. Чулино-

вич совершенно прав, специально рассматривая движение Михайловича как фактическое звено оккупационно-квислинговского режима, разоблачая роль четников как пособников врага (стр. 473—499). Вместе с тем в книге почти не отразилась отмечавшаяся в югославской историографии специфика сотрудничества четников с оккупантами, состоявшая в том, что, с одной стороны, по своим конечным целям четническое движение ориентировалось на Англию и США, было тесно связано с ними, заинтересовано в поражении «оси» и восстановлении югославского государства, но тесно сотрудничало с оккупационно-квислинговским режимом в борьбе против народно-освободительных сил и на этой основе по существу сомкнулось с оккупационно-квислинговской системой, стало одним из важных ее элементов и на деле перешло в прогитлеровский лагерь, а с другой стороны, фашистские захватчики, прежде всего гитлеровцы, рассматривали четников как потенциально вражеский, просоюзнический фактор, но стремились использовать их против народно-освободительного движения, для укрепления режима фашистского порабощения. Несомненно, однако, что эта специфика не меняла самого главного — коллаборационистского существа непосредственной военно-политической практики четников, которое совершенно справедливо подчеркнул Чулинович (стр. 498) в противовес фальсификаторской трактовке, имеющей хождение в западной и эмигрантской литературе.

Рецензируемая книга рассматривает раздел Югославии фашистскими аггрессорами и установление оккупационно-квислинговского режима вне соотнесения с общими чертами захватнической политики «оси», в первую очередь гитлеровской Германии, в отношении европейских стран, в частности стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В результате автор не пытался в своем анализе сопоставить такие во многом сходные явления, как допустим, «Независимое государство Хорватия» и людацкий режим в Словакии,

или недичевское «правительство» и марионеточная администрация протектората Богемии и Моравии, либо, наконец, нацистская оккупационная система в Польше и в немецкой зоне в Словении. Соответственно, оккупационные системы и квислинговские режимы описываются в монографии изолированно, в то время как они представляли собой определенные типы фашистской политики порабощения других стран и народов. Типологическое рассмотрение имело бы в данном случае особое значение, поскольку в оккупированной Югославии был представлен, пожалуй, почти полный набор форм и методов, к которым прибегали на захваченных территориях, особенно в Центральной и Юго-Восточной Европе, гитлеровцы и их сообщники по «оси». И нельзя не выразить сожаления, что большой локальный материал, мобилизованный автором, и проведенное им исследование каждой из оккупационно-квислинговских систем, установленных в Югославии, не стали в монографии базой для широких обобщений, для сопоставления этих систем как между собой, так и с режимами в других порабощенных странах Европы.

К важным положительным моментам работы Ф. Чулиновича относится то, что в ней отводится определенное место освободительной борьбе народов Югославии и созданию в ходе борьбы системы новой власти, которая стала основой революционной югославской государственности. Вооруженное сопротивление и возникновение органов власти восставшего народа, принявшее чрезвычайно широкий размах, означало внутреннее банкротство оккупационно-квислинговского режима. По мере развития освободительной борьбы и становления новой власти, по мере поражения «оси» на фронтах второй мировой войны это банкротство все более обнажалось и привело в итоге к полному краху всей системы раздела Югославии и подчинения ее народов, созданной фашистскими аггрессорами.

Л. Я. Губианский

А. Ф. КИЗЧЕНКО. *Напередодні трагедії. Зісторії зовнішньої політики Чехословаччини, травень 1935 р.— березень 1938 р.* Вид-во Київського ун-ту, 1971, 249 стор.

А. Ф. КИЗЧЕНКО. *Накануне трагедии. Из истории внешней политики Чехословакии, май 1935 — март 1938 г.*

Рецензируемая работа посвящена интересной и актуальной теме. Общеизвестно, что мюнхенское соглашение 1938 г. и последовавшее вскоре расчленение Чехословакии фашистской Германией укре-

пили позиции агрессора, приблизили начало второй мировой войны. Подобное развитие событий огнюдь не было фатальной неизбежностью. В 1935 г. после заключения чехословацко-советского до-

говора о взаимопомощи, несмотря на растущую угрозу со стороны Германии, внешнеполитические позиции Чехословакии значительно окрепли. Политика коллективной безопасности в Европе, инициатором и последовательным защитником которой уже тогда выступал Советский Союз, открывала надежные перспективы для сохранения целостности и независимости чехословацкого государства. Почему же не были использованы до конца существовавшие тогда возможности для спасения чехословацкого государства? Дать исчерпывающий ответ на этот вопрос невозможно без знания подлинного характера и «движущих пружин» внешней политики правящих кругов буржуазной Чехословацкой республики в предвоенный период.

В советской исторической литературе до появления книги А. Ф. Кизченко не было специальных исследований, посвященных внешней политике Чехословакии в 1935—1938 гг. Эта проблема в той или иной степени освещалась главным образом в работах, рассматривавших вопрос о советско-чехословацких отношениях предвоенных лет. Между тем, исследование ее тем более необходимо, что в буржуазной историографии вплоть до настоящего времени фальсифицируются международные отношения кануна второй мировой войны, получают распространение разного рода концепции и легенды, призванные снять ответственность за ее возникновение с империалистических держав, опорочить внешнюю политику Советского Союза.

Оценивая научную и политическую значимость изучения данной проблемы, следует иметь в виду и то, что в период острой идеологической борьбы в Чехословакии во второй половине 60-х годов в ряде работ историков ЧССР, отошедших от марксистских позиций, идеализировалась внешняя политика буржуазной Чехословацкой республики, ошибочно и даже тенденциозно трактовались отдельные аспекты чехословацко-советских отношений 1935—1938 гг. Ревизионизм в историографии использовался врагами социализма для борьбы против чехословацкого социалистического государства.

Хронологические рамки книги охватывают период от заключения договора о взаимопомощи между ЧСР и СССР в мае 1935 г. до аншлюса Австрии в марте 1938 г., явившегося прологом мюнхенской трагедии. При написании монографии автор использовал значительное количество архивных материалов, включая документы министерства иностранных дел буржуазной Чехословакии, а также документальные публикации, вышедшие в США, Англии, Венгрии, Польше, и обширную литературу. Солидная документальная база исследования делает его более глубоким и аргументированным.

Серьезное внимание в монографии уделено характеристике классовой сути политики буржуазной Чехословакии. В ней показана несостоятельность концепции о «надклассовом характере» чехословацкого государства и правительства ЧСР. Опытная в политическом отношении чешская буржуазия использовала парламентаризм, многопартийность, буржуазно-демократические свободы для обмана масс, изображая внешнюю и внутреннюю политику страны как отвечающую интересам всего народа. Созданию подобного рода иллюзий способствовали конкретные условия возникновения и развития чехословацкого государства, в котором после образования республики национальной буржуазии потребовалось некоторое время для завоевания ключевых позиций в экономике страны. А. Ф. Кизченко приводит интересные данные о росте мощи крупного чешского капитала в экономике страны, его связях с западными монополиями. Верен вывод автора о том, что, в конечном счете, чешский капитал играл «решающую роль при определении главных направлений внутренней и внешней политики» (стр. 18). Книга бы только выиграла, если бы в ней был раскрыт механизм, с помощью которого монополии были связаны многими, порой невидимыми узами с государственным аппаратом и непосредственно влияли на политику страны.

Рассматривая чехословацко-советские отношения, автор на конкретном материале показывает, что после заключения договора о взаимопомощи между ЧСР и СССР в 1935 г. сотрудничество обеих стран на международной арене не получило должного развития. Этому помешала классовая предубежденность правящих кругов чехословацкой буржуазии в отношении СССР, а также зависимость внешней политики буржуазной Чехословакии от западных держав, в первую очередь Франции. В этой связи в книге приводятся новые факты о позиции правящей группы Града в период итало-эфиопского конфликта, когда Чехословакия фактически поддержала политику «умиротворения» итальянского агрессора, проводившуюся правительствами Англии и Франции.

Наиболее отчетливо отход правительства Чехословакии от политики укрепления коллективной безопасности проявился после ремиляризации Рейнской зоны фашистской Германией в марте 1936 г., значительно ухудшившей обстановку во всей Центральной и Юго-Восточной Европе. Автор раскрывает попытки чехословацкой дипломатии достичь приемлемого соглашения с Германией в 1936—1937 гг. Речь идет о стремлении Града использовать намечавшиеся тогда переговоры западных держав о новом Локарно для укрепления позиций буржуазной Чехословакии в рамках общего соглашения крупных империалистических держав Ев-

рспы, которое неизбежно носило бы антисветскую направленность. Чехословацкая дипломатия не исключала возможности и двустороннего соглашения с Берлином. А. Ф. Кизченко подробно излагает происходившие в конце 1936 — начале 1937 гг. переговоры эмиссаров Гитлера, Гаусгофера и Траутсмандорфа с президентом Чехословакии Бенешем. Приведенный в книге анализ чехословацко-немецких отношений в предвоенский период убедительно свидетельствует о нежелании руководителей чехословацкой внешней политики тесно сотрудничать с Советским Союзом в то время, когда западные державы открыто переходили на позиции «умиротворения» агрессора, искали с ним соглашения. Это сотрудничество осуществлялось лишь в той мере, в какой оно соответствовало англо-французской политике и укрепляло позиции Чехословакии в ее взаимоотношениях с Германией. Такая политика привела руководителей буржуазной Чехословакии к капитуляции перед Гитлером в период Мюнхена. В целом, часть исследования, посвященная чехословацко-немецким отношениям, принадлежит к лучшим в работе, хотя, по наш взгляд, некоторые оценки автора требуют более убедительной аргументации.

Значительное место в монографии не без основания уделено развитию отношений Чехословакии с ее союзниками по Малой Антанте — Румынией и Югославией. Ведь руководители чехословацкой внешней политики считали Малую Антанту одним из гарантов сохранения европейского статус кво и безопасности Чехословакии. В книге показан процесс распада малоантантовского союза, лишеного общей экономической основы и единства политических интересов, подрываемого итапо-германской дипломатией, несмотря на все попытки внешней политики ЧСР предотвратить этот процесс. Слабейшим звеном союза оказалась Югославия, очутившаяся к началу 1937 г. полностью в сфере влияния оси Берлин—Рим. Используя материалы чехословацких архивов, А. Ф. Кизченко подробно освещает неудачную попытку сплотить этот союз путем заключения его членами совместного пакта о взаимопомощи с Францией, что могло способствовать укреплению антифашистского фронта в Европе. Автор правильно видит одну из главных причин гибели Малой Антанты в непосредственной политике Чехословакии, нежелании ее союзников по малоантантовскому альянсу пойти на сближение с Советским Союзом и искать гарантии своей безопасности на путях создания прочной системы коллективной безопасности в Европе.

Как видно из рецензируемой книги, иллюзорность внешнеполитических расчетов Града подтверждалась безуспешными попытками Праги улучшить отно-

шения с Будапештом и Варшавой. В обстановке ухудшавшегося международного положения Чехословакии буржуазные и реформистские политики во главе с Бенешем продолжали ориентироваться на политику Англии и Франции, несмотря на то, что англо-французская дипломатия добивалась от них таких уступок, которые были чреватой для Чехословакии трагическими последствиями. А. Ф. Кизченко убедительно показывает, что внешнеполитическая линия правительства ЧСР не отличалась ни твердостью, ни последовательностью. Политика Праги испытывала значительные колебания, и под давлением западных держав по мере приближения к Мюнхену все более отходила от защиты национальных интересов страны.

Сделанный автором анализ внешней политики буржуазной Чехословацкой республики в 1935—1938 гг. лишний раз подтверждает, что путь к обеспечению целостности и независимости чехословацкого государства заключался в первую очередь в развитии и укреплении сотрудничества Чехословакии с Советским Союзом, прочной основой которого мог стать чехословацко-советский договор о взаимопомощи 1935 г. Жизнь показала, что отказ от подлинного сотрудничества с Советским Союзом и ориентация на империалистические державы Запада не могли обеспечить жизненных интересов чехословацкого народа. Этот важный урок истории, который хорошо усвоили народы Чехословакии, сохраняет свою актуальность и ныне.

Исследование А. Ф. Кизченко помогает раскрыть несостоятельность взглядов буржуазных и некоторых современных чехословацких историков, оценивающих внешнюю политику буржуазной Чехословакии с апологетических позиций, и утверждающих, что развитие международных отношений в предвоенский период не оставляло Эд. Бенешу и другим руководителям чехословацкой внешней политики возможности для проведения иного внешнеполитического курса. В книге содержится обстоятельная критика ревизионистских концепций по вопросам внешней политики ЧСР, появившихся в чехословацкой историографии в середине 60-х годов.

Достоинства рецензируемого исследования очевидны. Вместе с тем, при написании многоплановой работы трудно избежать частных упущений. О некоторых из них уже говорилось. Хотелось бы обратить внимание еще на следующее. А. Ф. Кизченко, как нам представляется, несколько прямолинейно трактует чехословацко-французские отношения. Бесспорно, что ориентация на Францию оставалась основой внешней политики Чехословакии вплоть до Мюнхена, и правящие круги ЧСР не допускали возможности сотрудничества своей страны с СССР без Фран-

ции и некоторых других западных держав. Однако Град все время опасался, что в возможное при определенных условиях соглашение Франции с Германией, в том числе и в рамках нового Локарно, которого добивался Париж после прихода к руководству внешней политикой в конце 1935 г. Пьера Лавала, не будут включены гарантии чехословацких интересов. Именно это опасение и заставляло руководителей буржуазной Чехословакии проявлять в отдельных случаях, как это, например, имело место в переговорах с Германией в 1936—1937 гг., собственную инициативу. Без учета этого фактора нельзя верно оценить некоторые шаги чехословацкой дипломатии и дать им правильное объяснение.

В историографическом обзоре книги дается только общая оценка разработанности исследуемой проблемы в советской исторической литературе и ничего не говорится о конкретных работах, тогда как работы чехословацких авторов характеризуются как исчерпывающей полнотой. Едва ли можно согласиться с точкой

зрения, что ставший в 1935 г. премьер-министром Чехословакии и ее министром иностранных дел лидер аграриев Годжа «придерживался того же внешнеполитического курса, что и Бенеш...» (стр. 79). Сам же автор опровергает это утверждение в ходе последующего изложения (см. стр. 93, 94).

Несмотря на обширную источниковедческую базу исследования, в работе слабо использована пресса. Непосредственно отражая на своих страницах оценку тех или иных событий, она является весьма полезным источником при написании работ по международным отношениям.

В заключение хочется сказать, что советская историография пополнилась ценной работой по истории внешней политики буржуазной Чехословакии. Ее с интересом встретят не только историки, но и широкий круг читателей, интересующихся историей дипломатии и международными отношениями.

И. А. Петерс

FRANCISZKA RAMOTOWSKA. Rząd carski wobec manifestacji patriotycznych w Królestwie Polskim w latach 1860—1862. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1971, 440 s.

Ф. РАМОТОВСКАЯ. Царское правительство против патриотических манифестаций в Царстве Польском в 1860—1862 гг.

Книга посвящена недостаточно изученному аспекту истории польского национально-освободительного движения 60-х годов XIX в. Дореволюционная историография знала только верноподданнические писания, авторы которых если и позволяли себе критиковать отдельные действия представителей власти, то во всяком случае старались не вдаваться в вопрос об основных направлениях политики правительства. Советские историки главное внимание обращали на исследование развития революционного и национально-освободительного движения. В буржуазной Польше более интересовались карательным аспектом царской политики. Книга Рамотовской является первым исследованием, в котором всесторонне рассматривается этот вопрос.

Книга тесно связана с публикаторской деятельностью Ф. Рамотовской и является результатом ее многочисленных разработок. Она принимала непосредственное участие в подготовке к печати двух томов переписки наместников Царства Польского¹, кроме того готовила к публикации

материалы процесса Р. Траугутта². Автор привлекла многочисленные источники, которые были недоступны революционным исследователям. Использованные же ею материалы местных правительственных органов, частично сохранившиеся в архивах Польской Народной Республики, в рецензируемой книге введены в научный оборот впервые.

Национально-освободительное движение на этапе, который рассматривается в работе Рамотовской, имело весьма специфический характер, очень удачно определенный ею как «Война эмблем и одежд» (wojna emblematowa i ubraniowa). Эта война вылилась в бесконечные манифестации, имевшие под религиозной окраской глубоко политическое содержание. Внешним проявлением политических

Warszawa — Kraków, 1964; «Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego z lat 1861—1863». Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972.

² «Proces Romualda Traugutta i członków Rządu Narodowego». Akta Autorytariatu Polowego z lat 1863/1864. T. I—IV. Warszawa, 1960—1961.

¹ «Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego z 1861 roku». Wrocław —

настроений было также ношение различных эмблем, в символике которых проявлялись чаяния и устремления народа. После расстрела 27 февраля 1861 г. таким внешним проявлением стала всеобщая траурная одежда, носимая не только, а точнее даже не столько в память погибших жертв, сколько как символ того, что отечество находится под гнетом чуждой власти. Эта специфика во многом определяла некоторые стороны политики царских властей и, в частности, их нерешительность в первый момент. «Мы встретились с новыми формами сопротивления, и эта новизна нас особенно смутила», — писал П. А. Валуев в своем дневнике³.

Впервые царизму пришлось столкнуться с таким размахом национально-освободительного движения. «Власти, привыкшие в паскевичевские времена к преследованию мелких интеллигентских заговоров, — отмечает Рамотовская, — теперь перед столь массовыми выступлениями чувствовали себя беспомощными» (стр. 41).

Этот размах национально-освободительного движения, его массовость и участие в нем всех слоев населения привели к тому, что царские власти в течение всего манифестационного периода не могли найти единственно возможную для них линию поведения. «Когда возникают смуты, можно или подавлять их силой или рассуждать с недовольными», — писал тот же Валуев⁴. Но для того, чтобы «рассуждать» (или, называя вещи своими именами, торговаться об уступках), надо было решить, на какую часть населения правительство может опереться. Неопределенность политики царизма в этом вопросе очень хорошо подметила Рамотовская. Все наместники, сменявшие друг друга в это время, искали какую-то опору в населении. В основном их попытки были направлены на «завоевание доверия» помещичье-буржуазных слоев. Только при Ламберте в октябре 1861 г. стало окончательно ясно, что расчеты правительства потерпели фиаско (стр. 227). И тогда начались репрессии, которые должны были устранили зажиточные слои населения и вернуть их на путь верноподданничества.

Мысль о том, чтобы опереться на крестьянство, как пишет Рамотовская, была не чужда еще и Горчакову, но правительство не собиралось платить за такую поддержку столь высокую цену, как наделение крестьян землей (стр. 82). В то же время царские власти отдавали себе отчет, что крестьянство может оказаться большой силой, будучи вовлеченным в национально-освободительное движение. «В правительственных кругах господст-

вовало мнение, что все усилия помещиков направлены к тому, чтобы привязать крестьян к себе и привлечь их на сторону национального движения» (стр. 311). Однако царизм не мог пойти на усиление классовых противоречий в польской деревне (хотя это и действовало бы «отрезвляюще» на помещиков), опасаясь нежелательного резонанса в империи (стр. 289, 344—345).

Неустойчивость позиции царизма в отношении национально-освободительного движения, привела к тому, что в варшавских (как и петербургских) правящих кругах не было единства мнений, и наместники царства кидались из одной крайности в другую. Горчаков, начав с расстрелов манифестаций, затем пытался уступками привлечь на сторону правительства зажиточные слои населения (стр. 105). «Либеральный Ламберт, который вначале сопротивлялся натиску генералитета, домогающегося введения военного положения, создал такую юридическую обстановку, что это положение могло быть введено каждую минуту и в каждом месте» (стр. 211).

В результате всех этих колебаний правительство не смогло использовать даже тех ситуаций, которые складывались в его пользу. Наиболее характерным примером явилось закрытие костелов в Варшаве после вторжения туда солдат и полиции. Вместо того, чтобы воспользоваться тем, что население оказалось лишенным единственных мест, где оно могло в условиях военного положения собираться и более или менее свободно выражать свои чаяния, правительство приложило все усилия, чтобы костелы были открыты вновь (стр. 294—295). Даже те меры, к которым прибегали царские власти, зачастую приносили отнюдь не ожидавшиеся плоды. Так, прекращение занятий в школах (этой мерой правительство хотело отвлечь учащихся от национально-освободительного движения) на практике привело к тому, что разбегавшиеся по домам, они разнесли идеи вольности по всей Польше, а получив свободное время, приняли активнейшее участие в манифестациях (стр. 125—126, 207). Наиболее анекдотической является мера, предпринятая для борьбы с трауром, когда полицейские власти выдали денежное вспоможествование варшавским проституткам, обязав их носить цветные платья. В результате, это «вынудило российских дам одеваться с ног до головы во все черное», чтобы их не принимали за публичных женщин (стр. 306)⁵. Вообще эмблематическая война зачастую ставила

³ П. А. Валуев. Дневник министра внутренних дел, т. 1. М., 1961, стр. 87.

⁴ Там же.

⁵ Рамотовская приводит немалое количество нелепых по своей сути распоряжений царских властей, как например, запрет генерала Ченгери принимать участие в тушении пожаров кому бы то ни было, кроме пожарников (стр. 270).

местные власти в смешное положение и привела только к усилению сопротивления населения и ослаблению авторитета власти (стр. 291, 325).

Даже введение военного положения, несмотря на всю его суровость, когда каждое действие могло быть квалифицировано как нарушение порядка и политическое преступление, не привело к желаемым результатам. «Население, уstraшенное массовыми арестами⁶, действительно притихло, но патристическое настроение не ослабло, напротив — террор еще более подкреплял национальное чувство и усиливал в революционном лагере желание борьбы за свободу» (стр. 340—341). Даже в правящих кругах, по мнению Рамотовской, было ясно, что репрессии не дали «успокоения края» (стр. 337). Более того, она считает, что именно эти репрессии и привели к консолидации сил национально-освободительного движения (стр. 341).

Книга Рамотовской представляет значительный интерес для исследователей, и несколько замечаний, приведенных ниже, ни в коей мере не снижают ее значения.

Говоря о причинах колебаний политики царизма, автор не учитывает в полной мере еще одного фактора. Царское правительство, предпринимая какие-либо действия в Польше, все время оглядывалось на возможный резонанс в Европе⁷. И очень жаль, что Рамотовская, столь широко пользуясь донесениями европейских консулов в Варшаве (в частности, донесениями Сегюра), не проследила, какое влияние они оказывали на европейскую дипломатию в Петербурге и тем самым на политику Петербурга в Варшаве.

Следует отметить, что содержание книги несколько не соответствует ее заглавию. В работе Рамотовской в меньшей степени говорится о политике петербург-

ского правительства и гораздо больше о политике представителей правительства на местах. Освещение деятельности средних звеньев административной иерархии, на наш взгляд, как это ни парадоксально звучит, является одним из достоинств книги, так как именно этот аспект наименее до сих пор изучен.

В книге (хотя это формально и не входило в задачу автора) очень поверхностно рассмотрено также развитие революционного движения в России вообще и в российской армии в Царстве Польском, в частности, а, в то же время, этот момент сыграл очень большую роль в определении политики царизма в Польше. Даже такой факт, как покушение на Лидерса, рассмотрен без всякой связи с казнями членов революционной организации в русской армии Арнольда и Сливацкого, тогда как широко известно, что это был акт ответного террора⁸.

Есть в работе Рамотовской и ошибки фактического характера. Она считает, что возмущение Валуева «безграничным своеволием» виленского генерал-губернатора Назимова, было вызвано актами террора и насилия в Вильно (стр. 182—183). На самом деле все было проще: Валуев был возмущен только тем, что Назимов, вводя военное положение, не счит нужным известить его, министра внутренних дел империи, об этом своем действии⁹. Другая ошибка менее существенна — к парадным мундирам чиновников и кучества полагались не «сабли» (стр. 342), а шпаги, которые ни в коей мере не могли служить оружием.

Вызывает некоторое недоумение отсутствие единой системы цитирования документов. Как правило, они приводятся в польском переводе, но иногда, совершенно неоправданно, даны на языке подлинника — по-русски или по-французски (стр. 42, 76 и др.). Искажены некоторые фамилии, есть опечатки в датах (стр. 36, 229, 343, 352).

Ю. И. Штакельберг

⁶ В книге дана сводка арестов в Варшаве, где за период с 13 ноября 1861 г. по 19 февраля 1862 г. было арестовано 2245 человек, что составляло около 1,5% всего населения города (стр. 303).

⁷ См. например: В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957.

⁸ В. Р. Лейкина-Свирская. Андрей Потемня. В сб. «Герои 1863 года». М., 1964, стр. 135.

⁹ П. А. Валуев. Там же, стр. 109.

ОСВЕЩЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И ПОЛЬШИ
СЕРЕДИНЫ XVII В. В НОВОЙ КНИГЕ Б. Ф. ПОРШНЕВА

Имя Б. Ф. Поршнева — видного советского медиевиста хорошо известно у нас в стране и за рубежом. Его труды, посвященные теме «Россия и Тридцатилетняя война», являются важным вкладом в изучение международных отношений Восточной Европы в первой половине XVII в.

Недавно вышла в свет его новая книга¹, где делается попытка обрисовать основные черты развития системы международных отношений в Европе на последнем этапе Тридцатилетней войны (конец 30-х—40-е годы XVII в.).

Четвертая глава книги «Политические и социальные бури в Восточной Европе» целиком посвящена процессу развития международных отношений в Восточной Европе середины XVII в., который автор пытается рассматривать на фоне и в тесной связи с происходящими в этот период в восточно-европейских странах социально-политическими сдвигами. Хотя это лишь исследование в рамках монографии Б. Ф. Поршнева, эта глава явно представляет самостоятельное целое, а данные им оригинальные характеристики процессов международного развития Восточной Европы представляют интерес для историков русско-польских отношений и заслуживают специального разбора.

Новый труд Б. Ф. Поршнева хорошо выписывается в исследовательскую манеру автора: в нем мы находим крупные обобщения, новые гипотезы и предположения, яркое и эмоциональное изложение. Выводы его звучат тем весомей и убедительней, чем основательней стоит автор на почве фактов.

Так, содержательны характеристики социальной жизни Франции 30-х—40-х годов XVII в. и дипломатических баталий Вестфальского мира, основанные на тщательном анализе широкого круга документальных источников.

В четвертой главе монографии Поршнева также можно найти интересные и обоснованные характеристики отдельных эпизодов политической истории: таков, например, анализ русско-английских отношений середины XVII в., связанных, в частности, с поддержкой московским правительством свергнутой династии Стюартов. В целом, однако, эта глава невыгодно отличается от других частей исследования Б. Ф. Поршнева. Хотя в ней идет речь о событиях, тесно связанных с историей России, для правильного ос-

вещения которых именно русский документальный материал может дать очень много нового, Б. Ф. Поршнев в данном разделе очень мало обращается к русским архивным источникам, основывая свое изложение преимущественно на данных литературы. Равным образом и пространная характеристика внешней политики Владислава IV представляет собой по существу пересказ результатов исследований таких польских историков, как Чермак, Чаплинский и др.

Хотя, таким образом, при исследовании международных отношений в Восточной Европе середины XVII в., автор не опирается на самостоятельное изучение архивных фондов, это, однако, не помешало ему дать как свою схему развития русской внешней политики середины — второй половины XVII в., так и свои оценки ведущим русским политикам этого периода.

Основные выводы автора таковы: с одной стороны, борьба против Польши за русские, украинские и белорусские земли — «генеральная и прогрессивная задача Московского государства» и всякие разговоры о возможном сближении России с Речью Посполитой в XVII в. это либо «объективная помощь габсбургско-католической реакции», либо даже «выполнение негласных», т. е. шпионских заданий польских магнатов (стр. 239, 240, 241); с другой стороны, сближение со Швецией, укрепление и «развитие русско-шведского доброжелательства» составляет, по мысли Б. Ф. Поршнева, основу прогрессивной внешней политики России (стр. 248).

Нетрудно видеть, что подобная схема игнорирует всю сложность и изменчивость условий международного развития Восточной Европы и в сущности абсолютизирует те условия, которые действительно существовали в 20-х годах XVII в.

Одним из результатов последовательного применения этой жесткой схемы является явная идеализация восточной политики Швеции и фактическое игнорирование серьезных противоречий между ней и Россией. Хотя Б. Ф. Поршнев совершенно определенно утверждает, что «тот или иной дипломат не делает международную политику... ее делает только совокупная система международных отношений» (стр. 242), однако, на практике он и не пытается найти объективную причину ориентации русских политиков на союз с Польшей в 40-х, а затем 50-х—60-х годах, а тенденции к сближению с Польшей в русской внешней политике каждый раз объясняются либо действиями «своих людей» Польши у кормила русской внешней политики (стр. 240), либо кознями

¹ Б. Ф. Поршнев. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. «Наука», 1970, 385 стр.

«имперской и иезуитской дипломатии» (стр. 248).

Убедив себя в том, что накануне Смоленской войны Швеция была искренним другом России, а военный союз между ними «реальным делом», Б. Ф. Поршнев, не пожелал сделать никаких выводов из того факта, что война, начатая в 1632 г. патриархом Филаретом в расчете на действительную помощь Густава-Адольфа, была вскоре проиграна, а Швеция не оказала своему союзнику никакой реальной помощи.

В результате Б. Ф. Поршнев не видит никакой объективной причины для тенденций к антишведскому союзу с Польшей в 40-х годах XVII в., и все дело сводится к действиям связанных с Польшей людей, в том числе прямого польского агента А. Л. Ордина-Нащокина. При таком подходе к делу было бы очень важно (с точки зрения позиций автора) основательно аргументировать свой тезис о связях А. Л. Ордина-Нащокина с польским правительством. И такую попытку мы у Б. Ф. Поршнева действительно находим. Обращаясь к публикации переписки дипломата с русским правительством², Б. Ф. Поршнев устанавливает, что сообщения А. Л. Ордина-Нащокина в Москву о том, что польское правительство желает мира с Россией, соответствовали действительности. Из этого следует вывод, что А. Л. Ордин-Нащокин — польский шпион. Вывод настолько для автора бесспорный, что он не находит нужным привести дополнительную аргументацию (стр. 240—241).

Не вдаваясь далее в разбор этой «гипотезы» Б. Ф. Поршнева, хотелось бы лишь добавить, что именно информация Ордина-Нащокина о тяжелом положении Дании в войне со Швецией способствовала отказу русского правительства от планов антишведского союза, что в тот момент никак не соответствовало планам польского короля Владислава IV.

Приходится, таким образом, констатировать, что причины изменений русского внешнеполитического курса в 40-х годах XVII в. остались по существу Б. Ф. Поршневым необъясненными.

Поскольку Б. Ф. Поршнев на страницах своего труда не ограничивается трактовкой событий 40-х годов XVII в., а подробно излагает и свои взгляды на развитие международных отношений Восточной Европы в 50-х—60-х годах XVII в., то имеет смысл посмотреть, в какой мере помогает Б. Ф. Поршневу его схема при характеристике международных процессов последующего периода.

В 50-х и 60-х годах XVII в. также выделяются две проблемы, представляющие определенную трудность при интерпре-

тации и которые и сейчас остаются до известной степени дискуссионными. Это вопрос о причинах резкого изменения русского внешнеполитического курса в середине 50-х годов XVII в. от войны с Польшей к союзу с ней против Швеции и вопрос о причинах заключения Андрусовского мира, надолго положившего конец русско-польскому конфликту.

Что касается первой проблемы, то автор констатирует в одном месте, что «линия русско-шведского доброжелательства проводилась последовательно и строго вплоть до того времени, когда в 1656 г. она была круто сломана, хотя военные действия против Польско-Литовского государства могли бы быть совместными и согласованными». Далее, Б. Ф. Поршнев присоединяется к мнению, что русско-шведский разрыв был «спровоцирован имперской и иезуитской дипломатией». С другой стороны, автор замечает, что Швеция вступила в борьбу с Речью Посполитой «формально как бы в качестве союзника России, фактически же — чтобы остановить ее успехи, не дать ей выйти к Балтийскому морю, вообще не дать ей усилиться» (стр. 338). Эти суждения никак между собой не согласованы, и одно из них исключает другое. Если Швеция вступала в войну с враждебными России целями, то действия шведов и русских никак не могли «быть совместными и согласованными».

Обстоятельство это явно говорит или о непродуманности взглядов автора, или о том, что не соответствование его схемы фактам на этом этапе уже так велико, что он вынужден впадать в противоречия. Схема толкает к тому, чтобы игнорировать русско-шведские конфликты, а факты заставляют с ними считаться.

Думается, если бы Б. Ф. Поршнев внимательно отнесся к проблеме русско-шведских противоречий, проанализировал бы экспансионистские цели Швеции, то он не мог бы не обратить внимания на соглашения шведского короля с польско-литовскими магнатами в период «Потопа», которые предусматривали прямое вмешательство Швеции в русско-польскую войну на стороне польско-литовских магнатов, чтобы отвоевать и вернуть им Смоленск и Белоруссию³. Тогда ему самому стала бы ясной несостоятельность версии о том, что разрыв между двумя державами спровоцировала австрийская дипломатия⁴.

³ «Polska w okresie drugiej wojny północnej. 1655—1660». Т. I. Warszawa, 1957, с. 169, 334—336.

⁴ Заметим, кстати, что не русские войска «вытеснили шведские из Польши», а восставший польский народ и королевская армия. Наступление русской армии на Ригу лишь облегчило им решение этой задачи. (Б. Ф. Поршнев. Там же, стр. 338).

² И. В. Галактионов. Ранняя переписка А. Л. Ордина-Нащокина. 1642—1645. Саратов, 1968.

Столь же противоречивыми и путаными оказываются оценки Б. Ф. Поршневым причин, которые привели к заключению Андрусовского мира. С одной стороны, это (вслед за А. Савичем) сделка царизма с панской Польшей ценой предательства интересов Украины, результат действия «злой воли» Ордина-Нащокина, который «сделал все что мог, чтобы остановить или сдержать войну России с Польско-Литовским государством» (стр. 240—241). С другой стороны, автор утверждает, что русско-польский конфликт был оборван «перед лицом турецкой угрозы» (стр. 338).

И здесь налицо противоречие и очевиден его источник. Б. Ф. Поршнев не может отрицать турецкое вторжение на Украину и колоссальное влияние этого факта на всю систему международных отношений в Восточной Европе. Однако он убежден в том, что «коренной ход политического развития России в то время подразумевал длительную русско-турецкую уравниловность» и борьбу с Польшей за воссоединение украинских земель (стр. 242—243), поэтому инициатор анти-турецкого союза А. Л. Ордин-Нащокин — предатель национальных интересов России. Б. Ф. Поршнев, призывающий учитывать «всю систему международных отношений», никак не желает понять, что именно длительный конфликт между двумя восточноевропейскими державами и их взаимное ослабление в длительной борьбе и создавал благоприятные условия для турецкой экспансии на Украину, нарушал «русско-турецкую уравниловность».

Чтобы закончить характеристику этой части исследования Б. Ф. Поршнева, следует заметить, что предлагаемые им решения автор как бы постулирует, не находя нужным снабжать их конкретной аргументацией.

Так, в его книге тщетно искать каких-либо доказательств для утверждения, буд-

то Андрусовский договор был единоличным делом Ордина-Нащокина, или доводов за то, что в 60-х годах XVII в. Россия имела реальные возможности для успешного завершения своей борьбы за Украину.

Впрочем, не все благополучно и тогда, когда автор прибегает к конкретным аргументам. Так, на стр. 242 находим утверждение, что «в роли составители проектов государственно-экономических реформ А. Л. Ордин-Нащокин выступает... не столько, как ум, руководящийся государственными интересами, сколько как перекупщик — экспортер русских товаров на Балтике». Оно подкреплено ссылкой на то, что торговый оборот Ордина-Нащокина на Балтике составлял в 1655—1656 гг. 3 168 руб. (стр. 242).

Эта ссылка, однако, ошибочна, поскольку в документе, где указана отмеченная Б. Ф. Поршневым цифра, говорится о продаже Ординым-Нащокиным не своего, а государственного имущества⁵. Таким образом, целой серии исследований об экономических проектах Ордина-Нащокина, которые Б. Ф. Поршнев не находит нужным даже упомянуть, противостоит свидетельство одного, ошибочно прочтенного архивного документа.

Все вышеизложенное дает основание утверждать, что убедительного и обоснованного объяснения причин, вызвавших существенные изменения в русской политике середины и второй половины XVII в. Б. Ф. Поршнев не дал, и в этой части его монографию следует оценить как творческую неудачу исследователя.

И. В. Галактионов

⁵ В документе так и читается: из «его царского величества казны в Друге у воеводы... взял я, Индрик Флигер, 68 пластов пещлу» (ЦГАДА, стр. 141. Приказные дела старых лет. 1656. д. 34, л. 1, 2).

ЧЕШСКИЕ СТУДЕНТЫ В ШКОЛАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В научный обиход введены документы о пребывании чешских студентов в протестантских школах Западной Европы конца XVI — начала XVII в. Автор публикации¹ — известный чешский историк, специалист по истории Чехии и Моравии

¹ F. H r u b ý. *Étudiants tchèques aux écoles protestantes de l'Europe occidentale à la fin du 16-e au début du 17-e siècle. Documents préparés pour l'édition par Libuše Urbánková-Hrubá. Préface par Bedřich Sindelář. Universita J. E. Purkyně v Brně, 1970.*

периода Белой Горы, покойный профессор университета в Брно Франтишек Грубы, который во время своих поездок по Западной Европе в 30-х годах обнаружил 290 документов: в основном это письма студентов, обучавшихся в школах Западной Европы, равно как их наставников, профессоров, опекунов, членов семей, а также студенческие «орации», которые произносились на латинском языке в средневековых школах, описания путешествий по Европе. Издание подготовила к печати Либуше Урбанкова-Груба, дочь покойного профессора, консерватор

государственных архивов в Брно. Книге предпослан обзор научного наследия ее автора, написанный проф. Шинделяржем. Вступительная статья Л. Урбанковой-Грубой информирует об архивных источниках публикуемых документов.

Книга состоит из четырех частей. Первая содержит письма Карла из Жеротина Старшего и его друзей-протестантов (1578—1616). Моравский вельможа и член общины Моравских братьев, Карл из Жеротина Старший получил прекрасное по тому времени образование в высших школах Страсбурга, Базеля и Женевы. Возвратившись на родину, он становится «гейтманом», верховным правителем Моравии и вместе с тем протектором общины Моравских Братьев, ревностным пропагандистом обучения юношей за границей. Во второй части помещается переписка юношей, посланных для дальнейшей учебы в заграничные протестантские школы. Большинство из них — сыновья моравской знати, хотя встречаются и представители мещанства. Достаточно назвать хотя бы Павла Странского, впоследствии писателя и профессора Пражского университета; профессора Пражского университета Яна Есенуса, казненного в 1621 г.; Вячеслава Кавина, изучавшего медицину в Базеле; известного врача Матвея Борбония или силезца Амандуса Полянуса. Последний, получив образование сначала в лютеранских школах, а потом в кальвинистских центрах Базеля и Женевы, поступил на службу к Карлу из Жеротина Старшему в качестве настоятеля юношей этого знатного рода. Со временем он сам становится профессором университета в Базеле. Третья часть содержит переписку членов знатного рода Застржили с Теодором Беза, профессором и ректором университета в Женеве, и с другими швейцарскими друзьями периода 1556—1605 гг. В четвертой части собраны письма, отображающие отношения членов общины Моравских Братьев с протестантскими центрами Швейцарии.

Опубликованные документы представляют значительный интерес прежде всего для историков соответствующего профиля. Однако не только для них. Слависты найдут в опубликованных источниках документальные картины жизни тогдашней Моравии и истории ее культуры. Документы свидетельствуют прежде всего о религиозной борьбе между католиками и протестантами, которая расколола один народ на два враждебных лагеря. Атакующей стороной является воинствующий католицизм иезуитов, поддерживавший Габсбургов. Моравские знатные роды, Жеротины, Застржили стоят непоколебимо на стороне протестантизма в Моравии, защищают вероисповедание общины Моравских Братьев.

Интересно вырисовывается в опубли-

кованной переписке дело просвещения в Моравии. Поражает ярко выраженное стремление к просвещению среди моравской знати, которая отдает себе отчет в том, что без надлежащего образования ни знатный род, ни богатство не могут обеспечить им авторитет и положение в обществе; стремление стать наравне с тогдашним европейским просвещением. Община Моравских Братьев, которая сначала ставила перед собой только цель нравственного совершенствования, основывает в Моравии ряд школ начальной и средней ступени, посылает своих членов в швейцарские кальвинистские университеты для получения высшего образования. Одним из первых студентов базельского университета был Ян Благослав, выдающаяся личность в истории чешской культуры, автор грамматики чешского языка и один из переводчиков с древнееврейского на чешский Кралицкой библии — замечательного памятника чешского языка, впоследствии епископ общины Моравских Братьев. Интересные сведения читатель найдет и о многих других видных деятелях культуры той эпохи, об их трудах на шве просвещения.

Опубликованные письма отражают тяжелое экономическое и политическое положение Моравии. Налагаемые на население контрибуции, грабительские нашествия цесарских солдат привели страну к нищете. Среди населения множилось случаи самоубийства. Моравское дворянство, в своей массе участники и сторонники восстания, истреблялось. Уничтожение просвещенного слоя народа Моравии равнялось истреблению тогдашней интеллигенции страны. Моравские Братья, изгнанные из Моравии, нашли убежище в соседних Силезии и Польше. Испытывая недостатки, члены общины пишут письма в кальвинистские центры Швейцарии с просьбой о материальной помощи. Среди подписей старшин общины находим подпись Яна Амоса Коменского.

За некоторыми исключениями письма публикуются впервые, причем на языке оригинала, т. е. на латинском, древнегреческом, немецком, французском, итальянском, чешском языках. После очередного номера документа дается число и место написания письма, краткая аннотация его содержания, современное место хранения оригинала, его шифр, справка о том, какой род документа принят в качестве основы для данной публикации (автограф, черновик автографа, древняя копия, современная копия и пр.), выходные данные, если документ был опубликован. Аппарат примечаний кратко, но исчерпывающе информирует о лицах и событиях, упоминаемых в тексте.

КНИГА О СТИЛЕ КРАСИЦКОГО

Это исследование¹, по признанию автора, является плодом его занятий стилистикой прозы XX в. Поиски истоков отдельных тенденций, их генезиса и судеб привели исследователя к эпохе Просвещения. Такой аналитический экскурс в прошлое XVIII в. для выяснения тенденций современности естествен и закономерен. Философско-эстетическая связь Просвещения с последующими периодами — вплоть до наших дней — проявлялась по-разному, в разных своих аспектах и качествах, но постоянно и плодотворно. Особый интерес XVIII в. представляет для ученых, занимающихся историей и теорией романа: именно просветители сделали этот жанр ведущим. В ряде национальных литератур (в том числе и в польской) роман — в современном понятии этого жанра — появляется именно в эпоху Просвещения. Отсюда вытекает предположение: анализ отдельных элементов стилистики первого польского романа «может пролить определенный свет на проблему стилистической традиции и новаторства в последующей линии развития романа». Тем более важно выяснить, «было ли известно, какую имели морфологию и функцию в польском романе восемнадцатого века определенные комплексы стилистических приемов, применяемых в современном романе» (стр. 5).

Первый раздел («Книги и литература в „Приключениях Миколая Досвядчиньского“». Стилистические функции „чужих текстов“) посвящен анализу цитат, трактующих в широком смысле — как «чужой текст», сознательно, в целях достижения определенного эффекта (идейного, дидактического, пародийного и т. п.) вводимый автором. Сюда относятся фрагменты, названия «чужих» произведений или имена авторов, вводимые в форме цитаты, пересказа, намека или упоминания; тексты паралитературные (рекомендательные письма, судебные документы, записки и т. д.); формы, свойственные другим жанрам (диалоги, песни, разговоры и т. п.). Такого рода примеров собрано 152.

Второй раздел — «Стилистические функции предложений в „Приключениях Миколая Досвядчиньского“». Автор собрал свыше 130 примеров употребления предложений. Высказываемые рассказчиком и персонажами, они выступают как основной элемент их характеристики и определенной индивидуализации — положительной или отрицательной — в зависимости от отношения автора к содержанию самой предложения. Такой тип ха-

рактеристики (и автохарактеристики) не получил распространения в дальнейшем литературном развитии, выступая лишь как вспомогательное, второстепенное средство индивидуализации. Особое место занимает анализ принципов ввода Красицким предложения в повествовательную ткань, их положения в тексте, функциональной ситуации.

Третий раздел посвящен анализу фразеологии «Досвядчиньского». «Фразеологическая выразительность» — одна из основных черт специфики художественного языка писателя. Автор не без основания считает, что «комплекс фразеологизмов, употребленных в литературном произведении, является важным определителем своеобразия произведения» (стр. 64). Материал описания фразеологии «Досвядчиньского» довольно внушителен: 2200 единиц. По своему характеру они подразделяются автором на два вида — «языковую фразеологию» («те, которые могли бы быть во фразеологическом словаре») и «авторскую фразеологию» («те, которые ввиду своего однокорневого, индивидуального, авторского, случайного характера в таком словаре не могли бы быть зарегистрированы»). Автор стремится лучше и полнее понять стилистическую функцию того или иного фразеологизма, его экспрессивные качества, принципы вкомпоновки его в предложение, характер его фигурирования, звучания и значения в общем контексте. В поле зрения исследователя оказываются проблемы критерия порядка компонентов как «критерия фразеологичности», соотношения «метафоричности» и «фразеологичности», влияния связей фразеологизмов, относящихся к разным стилям, на степень их экспрессивности.

А. Ченьский считает, что языковая реализация философских принципов писателя приобретает форму, вид фразеологизмов. Это достигается насыщением определенных фрагментов текста фразеологизмами (языковыми и авторскими), которые, в зависимости от персонажа, их высказывающего, отношения автора к персонажу или к высказываемому им, приобретают позитивный, либо негативный оттенок. Другой принцип авторской оценки — эффект иронии, столь характерный для просветительского метода полемики и критики, достигаемый путем чисто фразеологических построений (например, контекст и развитие действия придают определяющему, характеризующему фразеологизму прямо противоположное значение или ставят это значение под вопрос; создание авторских фразеологизмов по принципу оксиморона, амплификации, экспрессивно нейтральных лексических единиц в контаминационных структурах и т. д.). Фразеологизмы, обретающие позитивный или негативный

¹ A. Cieński. Problematyka stylistyczna «Mikołaja Doświadczyńskiego przypadków» Ignacego Krasickiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969.

оттенки (в зависимости от отношения автора к их содержанию, их положения в тексте, соотношения с описываемым), выступают и как средство характеристики (и автохарактеристики) персонажей, определенных явлений, ситуаций, идей. Отсутствие фразеологизмов и насыщение ими определенных фрагментов соответствуют противоположности: описание — диалог. С одной стороны, это отражение проявления разных стилей, с другой — свидетельство степени насыщенности смыслового подтекста. Особый интерес представляет положение о фразеологизмах, имеющих положительную эмоциональную окраску, и их идейных (содержательных) функциях: утверждение или дискредитация определенных философских, идеологических, морально-бытовых концепций, схем, стереотипов, этикетов. Причем степень насыщенности текста такого рода фразеологизмами соответствует интеллектуальной эволюции героя-рассказчика.

Фразеологическое описание художественного материала, его анализ производится на двух уровнях — с точки зрения фразеологии, современной писателю, и в аспекте временной перспективы, где исследуются те изменения, которые претерпевает данный фразеологический материал и его художественные функции вплоть до нашего времени. В этом отношении особый интерес представляет заключительный раздел, где рассматривается роль фразеологии и характер отношения к ней представителей некоторых новых литературных тенденций XX в.

В ходе эволюции жанра романа различные элементы его структуры имеют разные судьбы. С одной стороны, наблюдается развитие определенных форм, совершенствование определенных приемов, усиление их роли или степени насыщенности ими повествовательной ткани. Это — тенденция гармонического развития элементов, присущих жанру с самого его появления. Другая тенденция — перелом, сдвиги в самой трактовке художником определенных форм и приемов, что ведет к коренным изменениям в их роли и функциях. Эта тенденция характерна для фразеологии как составной части стиля романа.

Интересны следующие замечания автора: в средневековье проблема фразеологии как художественного средства не существует — «фразеологические единицы существуют в сознании общества не в отдельности, а на фоне других структур» (стр. 131), хотя заметим попутно, и появляются у некоторых средневековых анонимов. Этот вопрос ограниченно появляется в эпоху Возрождения, приобретая два аспекта: отношение литературных норм к фразеологизмам разговорной речи и — в лексикографии — проблема идиом (эпоха функционирования в

литературе и обществе двух языков — польского и латинского). В эпоху барокко данный вопрос сводится к проблеме *concertus*, выступающего в основном в форме тропа, «реализуемого фразеологически». Шире фразеологическая проблематика выступает лишь в поэтике классицизма, но и здесь, как верно отмечает автор, «спор будет тоже спором о словах или компонентах связи, а не о самой связи», трактуемой как структура (стр. 132). Аналогичная ситуация в эпоху романтизма и неоромантизма. Перелом наступает в начале XX в., когда в результате распространения теории «слов на свободе» (футуризм) и *écriture automatique* (сюрреализм) молодые литераторы начинают проявлять глубокий теоретический интерес к проблематике фразеологизма. Речь идет как о представителях традиционных, так и новаторских тенденций, что автор показывает на примере Скамандра и Краковского авангарда.

Анализ поэзии Лехоня и Тувима, теоретического выступления Э. Сквиского дает достаточный материал для верного вывода: интерес скамандритов к фразеологии ограничивался рамками борьбы с избитыми фразами, банальностью, прописными истинами (что является отражением в сфере языка борьбы этой группировки с мечанством — в широком смысле этого слова). Если эти поэты стремились освежить поэтический язык в границах традиции, ликвидировав лишь фразеологические штампы (рассматриваемые как отражение интеллектуального шаблона, свидетельствующего о мыслительной пассивности художника), то краковский авангард в своем отношении к фразеологии не ограничивался отрицанием, выступив с позитивной теоретической программой. Ее практическая реализация в художественном творчестве явилась созданием принципиально нового по своей структуре поэтического языка. Речь идет не о замене «стершихся» слов, а об изменении самой структуры их связи. Такая реформа отражает сдвиги в восприятии как художника, так и читателя, отражая новое мироощущение эпохи. Причем автор верно подмечает социальные факторы этой языковой реформы (проанализированные на примере Пшибося, Пейпера, Курэка): расширение сферы функционирования национального языка; усиление контактов разных вариантов этого языка, освобождение литературы от подчиненности общественным авторитетам. Извечный спор разных направлений об эстетической и семантической ценности отдельных слов превратился в спор об их сочетаниях, сопровождающийся у Пейпера и Пшибося борьбой за возвращение словам их исторически первоначального этимологического значения. В художественной прозе наличие аналогичных тенденций отмечается автором у Виткация, Гомбровича и Шульца. Таким образом,

функционирование фразеологии (как и отношение к ней художников) не являет собой некой единой эволюционной линии. Перелом, происшедший в начале XX в., создав новое качество, требует

и новых методов анализа. Конкретные, практические результаты, полученные А. Ченьским, полностью это подтверждают.

А. Лунатов

ПЕРВЫЙ ТОМ «ИСТОРИИ ЧЕШСКОГО ТЕАТРА»

Характерная черта развития гуманитарных наук в последнее двадцатилетие состоит в появлении фундаментальных, «академических» историй философии, литературы, театра, искусства и других сфер духовной культуры того или иного народа. Такие исследования появились в Советском Союзе, и в других социалистических странах. В Чехословакии это, прежде всего, «История чешской литературы», являющаяся итогом всеобщего анализа литературного процесса, проведенного коллективом литературоведов с определенным учетом основных тенденций чешской культуры вообще.

Теперь к этому капитальному труду присоединяется «История чешского театра», первые два тома которой уже вышли в свет. Появление вслед за «Историей литературы» именно «Истории театра» как бы соответствует той реальной роли, какую театр неизменно играл в многовековом развитии чешской культуры и чешского общества, почти всегда занимая место за литературой, а иногда и первенствующее (например, конец XVIII в. — 30-е годы XIX в.).

Две объемистые книги — результат многолетней работы не только их непосредственных авторов, но и большого актива специалистов различного профиля: театроведов, литературоведов, музыковедов, музейных работников, театральных практиков, принимавших участие в редактировании, обсуждении, сборе материалов, о чем и говорится во вступительном обращении к читателю, которым открывает первый том главный редактор издания Франтишек Черны. Начало работы над многотомной «Историей театра» относится к середине 50-х годов, когда специально для решения этой задачи в 1956 г. в Праге был образован Кабинет по изучению чешского театра ЧСАН. В активе чешского театроведения немало трудов по истории отечественного театра, посвященных как общим, так и частным вопросам. Естественно, авторы рецензируемого исследования опирались определенным образом на достижения и результаты своих предшественников, среди которых главными фигурами были Я. Арбес, К. Энгельмюллер, Я. Вондрачек и Э. Неудлы, заложивший, вместе с Й. Говзлом, основы марксистского театроведения в стране.

Но по широте охваченного материала, а также с методологической точки зрения настоящая «История», безусловно, выделяется среди всех других работ в области изучения чешского театра.

Первый том¹ посвящен истории театрального искусства в Чехии с древнейших времен до конца XVIII в. Он открывается главой, рассматривающей «вступительный этап» развития театра, точнее, тех театральных элементов, которые можно обнаружить — чаще всего реконструировать — в обычаях родового общества и раннего феодализма (автор — В. Шейфлер). Скудость сохранившихся письменных источников, отсутствие материальных памятников, свидетельствующих о театральных элементах этой эпохи, осложнили работу автора, в частности при определении хронологических рамок данного периода. Однако временные границы его обоснованы весьма убедительно. Начало периода отнесено к IV—V столетиям, т. е. к моменту появления славянских племен на исторической арене. А поскольку славяне вступали в историю как весьма зрелая этническая группа, находившаяся на стадии развитого родового общества, то естественно предположить, что и театральные элементы в жизни тогдашних славян, в том числе чехов, соответствовали этой ступени развития, проявляясь прежде всего в обычаях и обрядах религиозно-магического характера. Завершается же «вступительный этап» в XII в., когда, с одной стороны, окончательно складываются феодальные отношения, а с другой — идеологическим источником театра становится уже не язычество, а христианство (при сохранении, конечно, элементов языческих явлений на многие столетия), приносящее с собой более развитые театральные формы.

В главе охарактеризованы основные письменные источники, содержащие данные о тех обрядах и обычаях, в которых использовались игры, танцы, песни, переодевание, изготовление масок и фигурок, т. е. зародышевые формы театрального действия. Это, прежде всего, так называемые penitenciály — перечни покаяний, налагавшихся за участие в языче-

¹ «Dějiny českého divadla», d. I. Od počátků do sklonku XVIII st. Praha, «Academia», 1968.

ских обрядах, и сборники проповедей. Театральные элементы присутствовали в обрядах и обычаях, связанных с погребением, февральскими праздниками, торжествами, проводившимися в освященных церковью местах, шествиями в полях с изображением демонов.

Вторая глава тома — «Театр раннего феодализма и кризис театра в эпоху гусизма» посвящена анализу развития чешского театра эпохи средневековья. Более чем четырехсотлетний период, отмеченный несколькими резкими поворотами в социальной и политической жизни общества, делится автором на три этапа. На первом происходит зарождение и формирование средневекового театра: синкретические театральные элементы конституируются в театр как самостоятельный вид искусства (с XII в. до второй половины XIII в.), который приблизительно с конца XIII в. и до начала XV в. переживает первый в своей истории расцвет. Второй этап проходит под знаком кризиса, вызванного гуситским движением. Третий длится с конца XV в. до середины XVI в., когда средневековые традиции постепенно вытесняются гуманистическим театром, оплодотворенным идеологией и эстетикой Ренессанса.

В главе прослежены источники и специфика процесса зарождения самостоятельного театрального искусства как в светской, так и в духовной среде. Последняя оставила нам больше исторических свидетельств, и поэтому картина развития церковного театра выглядит несравненно полнее, чем светского. Постепенное нарастание вставок в первоначальных текстах литургических обрядов, замена старой прозы новыми стихотворными пассажами, введение новых действующих лиц и даже элементов инсценировки вели к усилению эстетического момента, литургический обряд превращался в театральное представление в церковных стенах. Все эти явления особенно четко видны в литургических драмах с пасхальной тематикой, в распространения которых ведущую роль, как подчеркивает автор, играл монастырь Святого Иржи в Праге на Градчанах. Изучение светского театра этой поры затруднено отсутствием текстов, но несомненно справедливо утверждение, что важнейшим фактором его развития оставалась традиция старых народных обрядов и обычаев.

Начиная с XIV в. чешский театр переживает подъем, который автор правомерно объясняет нарастанием светских тенденций во всей средневековой культуре в условиях кульминирующего феодализма. Возникает новый тип литургической драмы — *ludus*, являющейся не подменой или развитием литургического праздника, а самостоятельной театральной формой. В это же время идет стреми-

тельный процесс нарастания «чешскости», т. е. все более последовательного введения в латинский текст чешского перевода. Особое внимание уделено анализу двух произведений — драмы о Марии Магдалене (являющейся вершиной литургической драматургии XIV в., где мы находим уже и зародыш конфликта, и строгую последовательность сцен, и светские песни любовного содержания) и народной мистерии «*Mastičkář*» (в русском переводе «Продавец целебных мазей», «Знахарь»), «наиболее светской во всей чешской средневековой драматургии».

Говоря о кризисе театра в период гуситского движения, автор усматривает его причину, во-первых, в том, что гуситская идеология предъявляла иные требования к искусству вообще, отрицая светские развлечения, во-вторых, в неспособности театра в силу его зависимости от традиционной тематики быстро реагировать на обостряющую полемику по морально-религиозным проблемам, столь характерную для этой поры и вызвавшую расцвет более подходящего для этих целей жанра — песни, которая вытесняет театр и даже перерабатывает для своих нужд драматические тексты. По мнению автора, в эпоху гусизма чешский театр отходит от пути развития общеевропейского театрального искусства, с которым он до сих пор был более или менее тесно связан. Поэтому в театральной культуре Чехии отсутствуют, например, жанры, зародившиеся в западноевропейском театре на следующем его этапе и получившие большое распространение: многодневные циклы в церковной драме и фразка в светской. В самом деле эпоха гусизма — это как бы вызов Чехии остальной Европе, и не только в этом аспекте. И все-таки, на наш взгляд, развитие театра в период гуситского движения не следует определять столь однозначно как кризис. Гуситское движение, будучи самым демократическим антифеодалным движением в средневековой Европе (не случайно европейская реакция прибегла к крестовым походам против гуситов), оказало сильнейшее прогрессивное воздействие на чешскую культуру, на ее народность. Это влияние невозможно недооценить, оно превосходит те потери, которые были вызваны ригоризмом гуситов по отношению к театру. Впрочем, это признает и сам автор: «Идеологическое влияние гусизма имело первостепенное значение для дальнейшего развития чешского театра, без него были бы немислимы ни принципиальная ориентация театра в последующее столетие, ни народный театр XVII—XVIII вв.» (стр. 84).

Третья глава — «Театр гуманизма и реформации в эпоху стабилизации феодализма» (автор — М. Цеснакова-Михалцова) — открывается общекультурной характеристикой эпохи. Интерес

вызывает определение специфики чешского гуманизма, основным носителем которого было городское население. Чешский гуманизм представлял собой, как пишет автор, «по большей части весьма неоднородный довесок к отдельным религиозным течениям реформации (чашички, лютеране, чешские братья)», среди которых лишь лютеранство имело положительное значение с точки зрения театрального развития, ибо Лютер высоко ценил театр как средство воспитания и образования. Проникновение лютеранства в среду чешского городского населения способствовало развитию школьного театра, анализу которого посвящен специальный раздел главы. Доминирующую роль в распространении школьной латинской драмы играл Пражский университет, именно с ним связано самое раннее упоминание о школьном театре в чешских слоях: в 1535 г. студенты университета осуществили в Новоместской ратуше постановку комедии Плавта «Хвастливый воин».

Анализируя зрелый период гуманистического театра в Чехии (с середины XVI в. до белогорской трагедии 1620 г.), автор указывает на такие принципиально важные явления, как проникновение театра в более широкие слои городского населения (к театру обращаются уже цехи, «песенные братства»), формирование различных жанровых направлений в драме (драмы библейские, исторические, светские с современной тематикой, краткие диалогические формы), увеличение числа постановок на чешском языке, что было связано, в частности, с творчеством таких деятелей чешского гуманизма, как Павел Кирмезер (ум. 1589) и Шимон Ломницкий из Будча (1552—1622). Достоинством главы следует считать стремление автора к воссозданию основных компонентов вещественного оформления спектакля той эпохи (устройство и тип сцены, размещение зрителей, роль и удельный вес музыкальных вставок и др.)

В главе рассмотрены также первые иезуитские постановки в Чешских землях, куда этот орден проникает в 1556 г., и придворный театр.

Четвертая глава, занимающая более половины тома, посвящена театру эпохи вторичного закрепощения крестьян. Сложность процесса развития театра в побелогорскую эпоху, многообразие театральных форм, обилие исторического материала обусловили деление главы на несколько относительно самостоятельных разделов и подразделов, написанных восьмью авторами. Известное расхождение их взглядов, ощущаемое в тексте главы, корректируется преамбулой, где дана общая оценка периода и его главных тенденций. Основным хранителем чешской культуры после битвы на Белой Горе становится класс крепостных крестьян, вопреки своему бесправному поло-

жению создающий новые художественные ценности, в том числе и в области театра. Главную линию театрального развития — подчеркивается в преамбуле — составляет народный, крестьянский и городской театр барокко. При этом, однако, никоим образом нельзя проходить мимо искусства официального барокко, представлявшего вместе с религиозной пропагандой мощное оружие в руках габсбургского абсолютизма, ибо «эволюционным парадоксом, характерным для ритма чешского театрального развития, является то обстоятельство, что на последующем этапе — этапе Возрождения чешский театр опирался в большей степени на иносказательный профессиональный театр, особенно немецкий, нежели на собственную чешскую театральную продукцию любительских сельских и городских актеров» (стр. 154). Сложность периода заставила авторов отказаться от «механического» определения его конечной границы. Исторически переломным моментом является, разумеется, год отмены крепостного права (1781), однако просветительские тенденции, ставшие определяющими на следующем этапе, проявляют себя в театре уже в 1770-е годы, хотя, с другой стороны, консервативное дворянство сохраняет в Праге италийскую оперу как явный пережиток предыдущего развития вплоть до 1807 г.

Раздел «Судьбы гуманистической театральной традиции в эмиграции и в стране» (авторы — М. Цеснакова-Михалцова и другие), который слушает связующим звеном между третьей и четвертой главами, содержит развернутую характеристику драматического творчества Яна Амоса Коменского — вершины драматургии чешского гуманизма. В отличие от Эразма Роттердамского и Лютера, предпочитавших школьные драмы на библейские сюжеты, Коменский выявил педагогическую функцию театра значительно полнее, ибо драматизировал весь учебный материал. Школьные драмы Коменского стали составной частью его метода обучения. Следует, впрочем, иметь в виду, что Коменский творил в изгнании и не оказал влияния на современный ему чешский театр в отличие от Вацлава Франтишека Коцманка (1607—1679), анализу произведений которого тоже уделено значительное место.

К основным в главе относится раздел «Профессиональный драматический театр XVII—XVIII вв.» (автор — М. Обст, подразделы о музыке, опере и балете написаны А. Шерлем, о кукольном театре — Я. Бартошом). Подчеркнув огромную роль странствующих профессиональных актерских трупп в театральной культуре всех средневропейских народов в XVII—XVIII вв., автор внимательно рассмотрел процесс воздействия английских профессиональных трупп на создание немецкого профессионального

театра (на немецком языке и с немецкими актерами), осуществлявшееся в форме чрезвычайно любопытного перерастания английского театра ренессанса в немецкий театр барокко. Акцент на этом процессе вполне обоснован, ибо как раз с эпохи барокко чешская театральная культура тесно связана вплоть до середины XIX в. с немецким театром.

В этом разделе читателя заинтересуют также характеристика стиля театра барокко, основанная на разборе типичного для этого художественного стиля жанра, называемого Haupt—und—Staats—Aktion, где появляется знаменитый комический образ арлекина, или гансвурста, и описание типичной для эпохи барокко сцены театра в замке Чески Крумлов — этого уникального памятника мирового значения, где с середины XVIII в. сохранилось не только архитектурное оформление, но и декорационное и техническое оборудование и даже реквизит.

В разделе, озаглавленном «Чешский народный театр барокко» (подраздел о первых чешских операх написан Т. Волеком), этот театр определяется как явление совершенно новое в истории театральной культуры страны, ставшее возможным благодаря «культурному союзнчеству мелких чешских городов и чешской деревни», у которых в условиях второго закрепощения крестьян возникает определенное единство интересов. Важнейшей отличительной чертой народного театра была его особая, оригинальная художественная система, строившаяся на широком использовании фольклорных традиций и пронизанная метафоричностью. В народном театре играли только на чешском языке. Наконец, народный театр развивался в тесной связи с другими формами народного творчества. Специальному анализу подвергнуты такие виды народной театральной культуры, как обрядовый театр, рождественские и пасхальные драмы, пьесы с героической и светской тематикой.

Говоря о значении народного театра барокко для дальнейшего развития чешской театральной культуры, автор пишет, что «наследие народного театра ожило лишь в XX в., в момент, когда в нашей стране формировалась социалистическая оппозиция к буржуазному театру» (стр. 346). Это положение представляется далеко не беспорным, если вспом-

нить творчество такого деятеля «будительства», как Й. К. Тыл.

В четвертую главу входят также разделы: «Театр орденских школ и религиозных общин» (автор — Я. Порт) и «Оперный театр в магнатских резиденциях и на городских сценах» (автор — Я. Гах).

Следует отметить неуклонное стремление авторов рассматривать развитие отечественного театра в контексте театра европейского и, где позволяет материал, славянского (например, в первой главе интересно сопоставление исторических судеб русских скоморохов и аналогичных носителей театрального искусства в Чехии). Превосходен научный аппарат, сопровождающий том. Важное значение имеет богатый иллюстративный материал (редактор — Э. Турновский).

Разумеется, при чтении столь большого исследования естественно появляются некоторые критические замечания и пожелания. Так, например, малоубедительной показалась полемика в первой главе, вынесенная, впрочем, в примечания к тексту, с положением советского ученого В. Н. Всеволодского-Гернгросса² о том, что в основе театрального проявления в первобытном обществе лежит конкретное трудовое действие, к которому в дальнейшем присоединяются различные магическо-религиозные представления. В. Шейфлер без достаточных оснований полагает, будто бы Всеволодский распространяет этот тезис и на период развитого родового общества. Постулируемым остался тезис в преамбуле второй главы об «особенно сильном» воздействии театра на музыку.

В заключение остается сказать, что рецензируемый том, дающий монументальную картину ранних этапов чешской театральной истории, является исследованием глубоким и плодотворным, серьезным вкладом в изучение богатой культуры чешского народа. Одновременно этот научный труд вносит свою лепту — как того и желали авторы — в успешное развитие «современного театра Чехословацкой Социалистической Республики по пути к великим художественным достижениям нашей эпохи».

Ю. И. Ритчик

² В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Русская устная народная драма. М., 1959.

КИНОВЕДЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛЬСКОГО УЧЕНОГО

В числе работ польского искусствоведа Александра Яцкевича имеются труды по теории кино, постоянно публикуемые в журналах «Культура и сполэченьство», «Гвурчощч» и других периодических изданиях, а также рецензии и статьи о текущих фильмах — в газетах «Жиче литерацке», «Культура» — и многочисленные статьи, эссе и размышления в постоянной рубрике «Критические заметки» журнала «Фильм» и др.

Обращает на себя внимание большой диапазон его исследований — от вопросов семиологии и структуры кинофильма до оценочных высказываний по поводу определенной книги, фильма или телевизионной программы, причем теоретические работы Яцкевича носят научный характер, рецензии — публицистический, заметки — литературный.

Отметим, что научные исследования А. Яцкевича, например, «Теория метафорического и метонимического кино в свете семиологии», опубликованная в журнале «Культура и сполэченьство» (1968, № 2), по общему признанию польской критики, относятся к крупнейшим достижениям современной польской критической мысли. Не меньшее значение имеют и такие крупные работы, как «Романтическая традиция в польской кинематографии» (в книге «Фильм как роман XX века»), «Мунк и польская традиция» и «Мифология Вайды» в его новой книге «Опасные связи литературы и кино»¹.

При чтении книг А. Яцкевича постепенно приходишь к выводу, что отдельные его статьи, которые появляются в текущей печати и, на первый взгляд, носят случайный характер, приобретают совсем другое звучание в совокупности, где выявляется глубокий методологический замысел автора.

В этом плане последняя книга Яцкевича «Опасные связи литературы и кино» представляет особый интерес.

Более или менее крупные статьи, посвященные писателям, например Флоберу, Стендалю, Прусту, Томасу Манну, соседствуют в ней с эссе о фильмах, театральных и телевизионных постановках. Такова же структура раздела книги, посвященного польскому литературному и кинематографическому. Сквозь отдельные фрагменты, включающие суждения автора по сравнительно частным вопросам, ясно просвечивает четкий композиционный план целого.

Если сравнивать «Опасные связи литературы и кино» с предыдущей книгой А. Яцкевича «Фильм как роман XX века», легко заметить, что автор нередко изменяет свои мнения, зачастую дискутирует

сам с собой. Даже более того — полемизирует. Полемизирует сам с собой, со зрителем, с польскими и иностранными критиками. Это свидетельствует об исключительной чуткости автора ко всем направлениям современного искусства, о быстроте его реакции на все злободневные проблемы, связанные с теми видами искусства, о которых он пишет. Яцкевич тонко чувствует пульс фильма и немедленно реагирует, одобряет или отрицает, защищает или атакует.

Такая творческая манера, хотя и приводит к некоторой мозаичности описания, уживается с внутренней цельностью авторской концепции. Книга «Опасные связи литературы и кино» является убедительным доказательством того, что за ширмой разнородных суждений о совсем, казалось бы, непохожих явлениях кроется достаточно четкий комплекс задач и эстетических норм, определенный целостный взгляд на искусство.

Книгу открывают, если так можно сказать, эскизы, посвященные литературе. Яцкевич рассматривает отдельные литературные произведения, как бы склоняя их в сторону фильма, подчиняя их фильму, стараясь найти в них нечто, что связывает их с кино (хотя открыто об этом и не говорится).

Слово автора как кинокамера фиксирует дома, улицы, окна, лица людей. Это мир, увиденный глазами не столько литератора, сколько кинематографиста.

В результате сопоставления писателей, привлекающих внимание литературного критика, Яцкевич приходит к выводу, что, за исключением Стендаля и Бабеля, всем им присущ определенный стиль повествования, определенный способ рассказа, который в сравнении с прозой XIX в. характеризуется явным преобладанием одной авторизованной темы, а также иными соотношениями категорий пространства и времени. В какой-то степени такую эволюцию прошло и киноповествование со времен второй мировой войны до 70-х годов.

Вопросы этой эволюции, ее, отличающиеся от эволюции в прозе, этапы, которые характеризуются иногда вообще незаметным, а иногда внезапным переходом от одного к другому, интересуют в настоящий момент многих исследователей в различных странах и представляют в определенной степени лицо современной мировой кинематографии.

Эти проблемы давно уже интересовали Яцкевича. Еще в 1952 г. в работах «Повесть и фильм о Чапаеве» и «Классики на экране» польский критик пришел к совершенно неожиданному в то время выводу о том, что экранизация литературных произведений, слишком близки и верны оригиналу или, наоборот, слишком свободные и далекие от него, не всег-

¹ A. J a c k i e w i c z. Niebezpieczne związki literatury a filmu. Warszawa, 1971.

да бывают удачными. Удаются же они (как говорится в «Повести и фильме о Чапаяеве»), когда кинематограф находит собственные художественные способы передачи хорошо прочитанного и глубоко осмысленного текста.

Статьи о фильмах занимают вторую часть рецензируемой книги; отметим одну любопытную особенность: если в первой части книги статьи о литературе написаны скорее как сценарии и кажутся отдельными фрагментами готовых фильмов, то во второй части, где преобладают статьи, написанные именно о фильмах, они как будто до краев «наполнены» литературой.

В работе Яцкевича читатель найдет теоретическое исследование «Современная повесть и фильм», являющееся ключом к раскрытию замысла книги. Здесь излагается система взглядов автора на взаимоотношения литературы и кино.

Яцкевич вовсе не является сторонником «окололитературной» природы фильма, его тесной зависимости от литературы. Автор четко высказывает суждение полностью противоположное (хотя в последующих главах, можно сказать, полемизирует с высказанной здесь точкой зрения): «Фильм не является „окололитературным“ искусством. Фильм — это искусство полностью автономное. Только в эстетической плоскости, а отнюдь не в художественной, литературное произведение и фильм обнаруживают определенные связи. Благодаря эстетическим связям литературы и кино, фильм наследует роль прежней повести, романа, особенно его познавательную функцию. Однако, в силу недостаточной ориентации кинематографистов в отношении основных художественных различий между обоими видами искусств, фильм становится на этом пути «литературным».

В связи с тем, что верным «потребителем» романа XIX века является массовый зритель, кинематограф дает адаптированную модель этого романа, основанную на семантике произведения (т. е. на видении мира сквозь призму слов и понятий). Модель же современного фильма, согласно Яцкевичу, асемантична: фильм тяготеет к открытым формам, менее сложным с точки зрения понятий, передаваемым путем зарегистрированной на киноплёнке действительности (более близкой литературе нового типа).

Яцкевич считает, что современный фильм и роман совместными силами освобождаются сегодня от схем традиционного романа XIX века. И он старается отметить все свидетельствующие в пользу этого тезиса детали, скрупулезно регистрируя различия литературы и кино в плане семантики. Он пишет: «Слово выполняет в литературе ту же роль, что и кадр в фильме. В речи, из которой писатель заимствует свой индивидуальный язык, содержится реальный внешний и внутренний мир человека.

Речь является смысловой структурой, смыслом речи является действительность. Фильм же действительность непосредственно регистрирует, причем только внешнюю (слово, напомним, играет вторичную роль). Мир в речи назван, в литературном произведении он вновь строится из языковых значений и знаков. В фильме он конкретно отражен и физически повторен. Внешняя действительность в фильме свободна, внутренняя недоформулирована; в литературе они — и внешняя и внутренняя — всегда не свободны, поскольку уже сформулированы».

Яцкевич изучает структуру фильма с помощью методов и моделей, проверенных на литературном материале, а следовательно — именно через литературу польский исследователь приходит к истокам специфики кино, хотя при этом подчиняет свои суждения мысли не столько об опасности, сколько об иллюзорности связей между литературой и кино.

Этой мысли в определенной степени противоречит и разбор польских экранизаций в главе «Польская литература и кино». Критик уделяет в ней большое внимание не только фильмам-экранизациям отдельных литературных произведений, но и театральным инсценировкам и особенно телевизионным экранизациям польской классической литературы. Анализ этих форм зрелища приводит Яцкевича к подробному рассмотрению специфики отдельных видов перевода литературного произведения на язык кино и телевидения. Однако и эта специфика выявляется в книге через взаимодействие отдельных видов искусства, через их взаимосвязь. И хочет этого автор или нет, его суждения основываются на взаимосвязи и взаимодействии отдельных видов искусств (в том числе — литературы и кино!). Кстати, еще в своей книге «Волшебный фонарь» (1962 г.) Яцкевич приволил некоторые данные о наличии в других искусствах элементов кино еще до его появления, подчеркивая, что рождение кинематографа было логическим следствием всей истории развития искусства: «20 000 лет назад первобытный художник нарисовал в „Гроте Альтамира“ кабана с восемью ногами. Он хотел этим способом передать движение, показать животное до и после прыжка. Движение передает скульптура летящей Ники Самофракийской с распростертыми крыльями и развевающейся одеждой, находящаяся в Луврском музее, в Париже. Человек постоянно переходил к более высоким стадиям изображения: он стал запечатлевать не только короткие моменты движения своих героев, но иногда и всю их историю, их жизнь от рождения до смерти. Он отражал ее в скульптурных барельефах, тканях, витражах. Это и были первые фильмы».

В этой же книге польский критик упоминает, что история искусств знает много

примеров, когда к литературным темам обращались мастера других искусств и находили в них образцы и сюжеты, вдохновляющие их на создание новых произведений. Великие художники запечатлевали в живописи сюжеты античных мифов, средневековые легенды, библейские предания. Композиторы различных стран и эпох старались выразить в своих операх и симфониях идеи и темы трагедий Шекспира. При этом мастерство и талант композиторов, глубина их проникновения в оригинал и классический сюжет определяли успех новых произведений, которые приобретали мировую известность и входили в сокровищницу истории искусств. Одни и те же темы, сюжеты, вдохновляющие мастеров различных искусств, раскрывались в сходных формах, обогащенные гением того, кто пересоздал их поэтическую сущность новыми специфическими средствами.

Анализируя в «Опасных связях» наиболее значительные польские телевизионные постановки последних лет, Яцкевич (может быть, сам не замечая этого) постоянно исходит из литературы. Именно в этом плане им рассмотрены телевизионные экранизации «Кордиан» Юлиуша Словацкого (режиссер Ежи Антчак), «Свадьба» Станислава Высяньского (режиссер Адам Ханушкевич), «Пан Володыевский» Генрика Сенкевича (режиссер Ежи Гоффман).

Указывая на «кинематографичность» представлений Адама Ханушкевича, Яцкевич подчеркивает их верность литературным оригиналам; говоря об экранизациях Сенкевича, критик обращает особое внимание на сложность передачи его произведений в смысле опасности «комиксовых» сокращений текста, его примитивизации и упрощенной иллюстративности, ставит под вопрос предлагаемое некоторыми литературоведами изменение трактовки оригинала Г. Сенкевича, т. е. постоянно заботится о верности воплощения, о верности перевода произведения литературы на язык другого искусства.

Исследуя специфику телевизионных моделей зрелища, Яцкевич приходит к выводу, что они, как правило, связаны с экранизацией.

Что же такое экранизация на телевидении? Отличается ли она от кино? Является ли она производением искусства, независимым от оригинала художественным переводом на язык кино или телевидения, или живет лишь отраженным блеском первоисточника, не представляя без него особой ценности?

Согласно Яцкевичу, как в кино, так и на телевидении, возможны все эти варианты. Только функции телевизионных форм более разнообразны, даже независимо

от их ценности с точки зрения приспособления к потребностям малого экрана.

Эти функции могут переплетаться между собой, но обычно какая-нибудь из них является в конкретном случае, в конкретной программе преобладающей, иногда и независимо от намерения экранизатора. Например, киноверсия «Пана Володыевского» существует в равной степени как произведение, независимое от романа Сенкевича, и как экранный эквивалент литературного шедевра. Телевизионная экранизация «Мазелы» в режиссуре Густава Холубека — сторонника служебной, по сравнению с «живым театром», «трансмиссионной» роли телевидения, оказалась самостоятельным художественным произведением, не требующим ссылки на сценический оригинал.

Подчеркивает Яцкевич и возможность достижения такого результата, когда телевизионная экранизация становится как бы вторым рождением литературного произведения, театрального спектакля, даже стихотворного сочинения. Он приводит в качестве примера «Свадьбу» в режиссуре Адама Ханушкевича и «Кордиан» в режиссуре Ежи Анчкака.

Вместо театра, который можно было бы ожидать в телевизионной версии «Свадьбы», зрители увидели телевизионный визуальный эквивалент драмы Высяньского, которого нельзя добиться ни на подмостках сцены, ни в кино, где нет ни такой интимности, ни такой литературности. То, что в «Кордиане» является диалогом, в телеверсии играет роль монолога, даже если имеет форму диалога. И это монолог одного лица, даже если на экране находится и другие, которые являются только контекстом, фоном. Этого не было в литературе, не было и в театре, где слово всегда иллюстрируется инсценизацией, обычно несколько отдаленной. Не было и в кино, где внешний видимый образ всегда доминирует. Это оказалось возможным и достижимым лишь на телевидении.

Подводя итоги размышлениям, Яцкевич возвращается к своей идее автономности фильма, однако подтверждает ее исключительно современным материалом. Прошлое же этой автономности «сопротивляется». И характерно, что в последней главе книги «Муик», Кавалерович и Вайда польский критик пишет об этих выдающихся режиссерах по преимуществу в аспекте значения их творчества для современности, в аспекте преломления традиций национальной классики в современной польской художественной культуре.

Г. Белякова

B. DUNAJ. Iteratywa typu *bierać*, *pisywać* w języku polskim. Kraków, 1971, 156 s.

Б. ДУНАЙ. Итеративы типа *bierać*, *pisywać* в польском языке

Монография польского лингвиста Б. Дуная «Итеративы типа *bierać*, *pisywać* в польском языке» задумана и осуществлена как исследование одного из фрагментов глагольной системы польского языка, специфической ее части, очень существенной в плане изучения проблем глагольного вида.

Формы типа *bierać*, *pisywać* образуются путем суффиксации от производящих бесприставочных глаголов несовершенного вида (*brać*, *pisać*) и составляют с ними определенного рода корреляцию. Производность этих форм от бесприставочных глаголов несовершенного вида послужила критерием, на основании которого автор определяет круг исследуемых глаголов и, тем самым, предмет анализа.

Значение этих форм в видовой системе определяется прежде всего тем, что они могут обозначать действие многократное («повторяющееся периодически, нерегулярно, время от времени, обычно» — по определению автора) независимо от контекста, в силу имеющегося в языке противопоставления исходным формам несовершенного вида с тождественным лексическим значением. Автор справедливо отмечает, что «среди глаголов несовершенного вида только указанные выше итеративы обозначают многократное действие независимо от контекста». Хотелось бы добавить, что итеративы типа *bierać*, *pisywać* вообще являются единственными в польском языке маркированными глагольными формами с многократным значением, поскольку вряд ли можно отождествлять многократное значение с дистрибутивным (как это иногда делается в некоторых полонистических работах). Дистрибутивные глаголы совершенного вида типа *porozr zusać*, *rozabijać* обозначают действие, которое направлено на множество предметов и осуществляется по частям (ср. цитируемое выше определение многократного значения Б. Дуная).

Автор монографии ставит своей задачей проследить историю итеративов указанного типа. Эту задачу он решает на материале памятников польского языка, начиная с древнейших, а также на материале диалектов. Сравнительно меньшую роль в его исследовании играют данные современного литературного языка. Нам кажется, что они могли бы быть привлечены и использованы более полно¹.

¹ Некоторые итеративы, приводимые Б. Дунаем, встречаются не только в памятниках польского языка, но и у современных авторов. Например глагол *klekiwać*, зафиксированный в памятни-

Однако автор несомненно был в праве сосредоточить свое внимание на историческом материале, чтобы проанализировать интересные его глаголы в дахроническом плане.

Каждому рассматриваему итеративу посвящен отдельный этюд, включающий морфологическую характеристику формы и наблюдения над изменениями в его употреблении на протяжении истории польского языка. Последовательно отмечаются те расхождения лексических значений (частичные или полные), которые возникали между производным и производящим глаголом и, видимо, разрушали корреляцию, о которой идет речь. Материал памятников приводится или, по крайней мере, учитывается очень полно, что делает работу особенно ценной. Несколько меньше внимания Б. Дунай уделяет анализу семантической стороны исследуемых глаголов, не всегда комментирует в этом плане приводимые примеры, даже там, где значение многократности представляется сомнительным. Правда, автор высказывает отдельные замечания, касающиеся значения многократности той или иной формы, порой выражает сомнения в наличии этого значения, иногда утверждает, что оно есть, но лишь предположительно.

Между тем детальный анализ семантической стороны итеративов позволил бы более точно выделить из общей массы бесприставочных суффиксальных глаголов маркированные итеративные формы. Это помогло бы также установить круг таких лексически тождественных глаголов, которые различаются только суффиксами и представляют собой морфологические варианты слова. Такими вариантами являются, например, рассмотренные автором глаголы *patrzyć* и *patrzeć*, *mierzyć* и *mierzać*, *blogosławić* и *blo-*

как XVII и XVIII вв. (три случая), но не отмеченный автором в современном литературном языке, есть в «Словаре польского языка» под ред. В. Доршевского («Słownik języka polskiego», t. III. Warszawa, 1961, s. 725) и в произведении М. Ваньковича (см. сб. «Zupa na gwoździu, Warszawa, 1967, s. 52). М. Ванькович очень широко пользуется потенциальными словообразовательными возможностями языка. Употребление им данной формы нельзя, конечно, считать, нормой, однако оно свидетельствует о том, что категория маркированной многократности в современном литературном языке продолжает оставаться живой.

gostawiać, не противопоставленные по признаку многократности. Приведенные в работе примеры не всегда дают основание утверждать, что рассматриваемая форма выражает или может выражать многократное значение.

В монографии Б. Дуная помимо глав, посвященных конкретному анализу материала, о котором шла речь выше, содержатся и обобщающие главы, посвященные отдельным проблемам, например, словообразовательному анализу глаголов, словообразовательным средствам и их дистрибуции, отношению бесприставочных итеративов к префиксальным однокоренным глаголам, лексикализации итеративов. Автор подробно рассмотрел вопрос об употребительности бесприставочных итеративов в памятниках польского языка разного периода, убедительно показал многочисленность этих форм в языке XVII—XVIII вв. и сокращение их числа в более поздний период в польском литературном языке. Материал, рассмотренный Б. Дунаем, было бы интересно подробно сравнить с фактами русского и чешского языков, где представлены

аналогичные формы. Эволюция бесприставочных итеративов в этих языках шла, как известно, разными путями, в результате чего они занимают различное место в видовой системе глагола. Некоторые параллели из русского, словацкого и чешского языков — правда, в силу необходимости очень кратко — освещаются в рецензируемой книге.

Наблюдения и выводы, содержащиеся в монографии Б. Дуная, заслуживают внимания и достаточно убедительны. Постановка актуальной аспектологической задачи и решение ее на большом, тщательно изученном материале польского языка обеспечило успех исследования.

Замечания относительно семантического анализа итеративов, который представляется нам не вполне достаточным, высказываются главным образом в связи с тем, что работа по изучению маркированных итеративов в польском языке представляется интересной и могла бы, по нашему мнению, быть продолжена.

З. Стрекалова

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ. ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1972 г.

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

Б. В. Современный социализм, актуальные проблемы. Рабочий класс и современ. мир. 1972, № 2. (Обзор проблем, рассматриваемых на симпозиуме, организованном ИЭМС АН СССР в декабре 1971 г.)

Джамалов К., Мухабба-тов А. Закономерности строительства социализма и многообразие форм их проявления (на тадж. яз.). «Коммунист Таджикистана», Душанбе, 1971, № 12.

Катушев К. Мировая система социализма: главные тенденции развития. «Коммунист», 1972, № 5.

Кодев В. Построение развитого социалистического общества — непосредственная историческая задача КП. «Коммунист», 1972, № 6.

Кучера Я. Завершить разгром правых оппортунистов в области идеологии. «Коммунист», 1972, № 4. (О реализации решений XIV съезда КПЧ).

Момджян Х. Единая сущность и многообразие форм становления социализма. «Коммунист», 1972, № 6.

1. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Консульская конвенция между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1972, № 11.

Мищенко С. О. Братерська дружба і взаємозв'язки робітників Радянського Закарпаття з робітниками Східно-Словацького краю ЧССР. В кн. Питання історії міжнародного комуністичного і робітничого руху. Ужгород, 1971.

Русин О. І. Розвиток чехословацько-угорського співробітництва в період будівництва розвинутого соціалізму (1960—1970 рр.). В кн. Питання історії міжнародного комуністичного і робітничого руху. Ужгород, 1971.

Санакоєв Ш. Соціалістическіе страны в борьбе за безопасность в Европе. Междунар. жизнь, 1972, № 3.

2. Экономика.

Экономическое сотрудничество

Авдеичев Л., Стародубровская В. Формирование аграрно-промышленных комплексов в европейских странах СЭВ. *Вопр. экономики*, 1972, № 4.

Андреев Е. В интересах сотрудничества стран — членов СЭВ. (О подписании в Будапеште 3 декабря 1971 г. Соглашения о сотрудничестве стран — членов СЭВ в морском портовом судостроении). «Вымпел», 1972, № 5.

Бабин Э. П. Внешнеторговая политика «Большой коалиции» в отношении социалистических стран. В кн. Актуальные вопросы международных экономических отношений. М., 1971.

Бауман Л. Сотрудничество стран СЭВ в производстве и поставках товаров народного потребления. *Международ. жизнь*, 1972, № 3.

Большаков А. Е. Изучение советскими исследователями социалистических преобразований сельского хозяйства в странах социализма. Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1971, т. 302.

Быков А. Н., Семенова Л. С. В. И. Ленин и некоторые экономические проблемы научно-технического прогресса и сотрудничества стран социализма. В кн. В. И. Ленин об экономических проблемах научно-технического прогресса в СССР. М., 1972 г.

Важнейшие нормативные акты социалистических стран по вопросам международных отношений, опубликованные в 1968—1969 гг. В кн. Советский ежегодник международного права, 1970. М., 1972.

Воробьев В. А. Международный инвестиционный банк в действии. (Интервью с председателем правления Банка). «Новое время», 1972, № 9.

Герцович Г., Михайлов Б. Планирование и экономическое стимулирование производства в промышленности стран — членов СЭВ. *Вопр. экономики*, 1972, № 3.

Грингольц И. А., О задачах совершенствования правового механизма социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. *Иzv. высш. уч. заведений. Правоведение*, 1972, № 1.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи. Бюл. экон. информации СЭВ. М., 1972, № 1.

Дурнев В. А. Проблема формирования регионального общественно-необходимого рабочего времени на рынке стран — членов СЭВ. В кн. Вопросы экономической теории и политики хозяйствования. М., 1971.

Живков Ж. Социалистическая интеграция — краеугольный камень экономической политики БКП. «Коммунист», 1972, № 5.

Иванов Н. Сотрудничество стран

СЭВ и сближение уровней их экономического развития. *Внешн. торговля*, 1972, № 4.

Калтаччин Н. М. Координация народнохозяйственных планов стран — членов СЭВ в условиях хозяйственных реформ. «Актуальные проблемы политической экономики», 1970, ч. 2, кн. 2.

Калчев В. Д. Ценообразование в топливно-энергетической промышленности Народной Республики Болгарии. «Цены и воспроизводство», 1972, вып. 1.

Келчевска-Залесска М. Главные направления в исследованиях географии расселения в Польше. (Текст доклада на 1-м Польско-советском географическом семинаре по урбанизации. Варшава — Краков, 22 мая — 1 июня 1971 г.). *Иzv. АН СССР. Сер. геогр.*, 1972, № 1.

Корнеев В. М. Некоторые вопросы научно-технического прогресса в машиностроении стран — членов СЭВ. В кн. Экономика и организация производства отраслей тяжелой промышленности, т. 3. М., 1972.

Кравцова И. Г. Пути совершенствования планирования в странах СЭВ в условиях экономических реформ. *Науч. тр. Моск. ин-та инженеров землеустройства*, 1972, вып. 62.

Маланчев Н., Шевяков Ф. Производственные объединения в промышленности Народной Республики Болгарии. *План. хоз-во*, 1972, № 4.

Масленников И. Экономическая мощь стран — членов СЭВ и укрепление их обороны. *Коммунист Вооруж. Сил*, 1972, № 7.

Носко П., Ближков Н. МИБ и социалистическая экономическая интеграция. «Деньги и кредит», 1972, № 4. Об отношениях СЭВ с другими международными организациями в 1971 г. Бюл. экон. информации СЭВ, 1972, № 1.

Осьмова М. Н., Михайлов Б. И. Проблемы управления производством в социалистических странах. *Иzv. АН СССР. Сер. экон.* 1972, № 2.

Пеовски Р. Экономическая характеристика развитого социализма в программе БКП. *Полит. самообразование*, 1972, № 3.

По пути экономической интеграции (Соглашение о морском сотрудничестве стран СЭВ). *Мор. Флот*, 1972, № 4.

Пономарева Л. Д. Использование экономических стимулов в управлении промышленностью Венгрии. В кн. *Общественные вопросы экономики и организации промышленности*, т. 2. М., 1972.

Раковский С. Н. Маятниковые трудовые поездки населения зарубежных социалистических стран Европы. *Вопр. географии*, 1971, № 87.

Ротлейдер А. Переводной рубль — международная, социалистическая ва-

люта стран СЭВ. «Деньги и кредит», 1972, № 3.

Смолянскій В. Социалистическая интеграция и западные оракулы. «Знамя», 1972, № 4.

Спиридонова Г. Совершенствование опытных цен и перспективы их развития в Народной Республике Болгарии. *Вопр. ценообразования*, 1972, вып. 2.

Талалеев А. Н. Международноправовые аспекты социалистической экономической интеграции. *Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение*, 1972, № 1.

Тодоров С. Развитие производительных сил и совершенствование производственных отношений в Болгарии на современном этапе. «Коммунист», 1972, № 4.

Хакимов В. Сотрудничество стран СЭВ в металлургической промышленности. *Международ. жизнь*, 1972, № 4.

Шинтяпин Ю. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области сельскохозяйственной информации. *Экономика сельск. хоз-ва*, 1972, № 3.

Шкаликова В. В. Совершенствование системы планирования и управления народным хозяйством Болгарии (по Директивам X съезда БКП по VI пяти-

летнему плану). В кн. *Общепромышленные вопросы экономики и организации промышленности*, т. 2. М., 1972.

Шурыгина А. И. Госплан СССР и координация народно-хозяйственных планов стран — членов СЭВ. *Тр. Всесоюз. заоч. фин.-экон. ин-та*, 1971, вып. 7.

3. Государственное строительство. Право

Велчев В. Новая конституция и развитие демократии в Болгарии. «Проблемы мира и социализма», М., 1972.

Желев Г. Контрольная деятельность Народного Собрания НРБ. *Сов. государство и право*, 1972, № 4.

Магдзяк Х. Роль профсоюзов в общественной жизни (Из опыта ПНР). *Рабочий класс и соврем. мир*, 1972, № 2.

Турецкий М. В. Право на жалобу и предложение в Польской Народной Республике. *Вестн. Моск. ун-та. Право*, 1972, № 2.

Яценко С. С. Відповідальність неповнолітніх за законодавством Польської Народної Республіки. «Проблеми правознавства», Київ, 1972, вып. 22.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Атанасов П. Типография болгарской национально-освободительной революции. «Полиграфия», 1972, № 2.

Балабушевич Т. А. Зв'язки господарств польских магнатів Галичини з ринком (XVIII ст.). «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1972, вып. 14.

Басева Н. А. Идеологічна й організаційна діяльність Комуністичної партії Західної України в період світової економічної кризи (1929—1933 рр.). *Укр. іст. журн.* Київ, 1972, № 2.

Белюсова З. С. «Пакт четырех» 1933 года. «Новая и новейшая история», 1972, № 2.

Белякевич І. І. До питання про чисельність поляків у складі російської армії під час першої світової війни. *Вісн. Львівського ун-ту*, 1971. Сер. іст., вып. 7.

Белякевич І. І. Революціонування Белгородського польського запасного полку. (Лютий — травень 1917 р.) «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1972, вып. 14.

Беренд И. Т., Ранки Д. Революционные преобразования и реконструкция экономической жизни в народно-демократических странах в период между 1945—1949 годами. В кн. *Очерки по новейшей истории Венгрии*. Киев, 1972.

Болтин Е. Крепнут связи между советскими и польскими историками второй мировой войны. *Воен. ист. журнал*, 1972, № 4.

Борис В. О., «Загальна конфедерація польского народу» в Західній Галичині та її програма (1837 р.). *Вісн. Львівського ун-ту*, 1971. Сер. іст., вып. 7.

Брашинський Й. Б. Шляхи проникнення грецьких виробів на територію сучасної Західної України та сусідніх областей у скіфський час. *Укр. іст. журн.* Київ, 1972, № 2.

Брофут М. Решающая роль Советского Союза и его Вооруженных Сил в освобождении Чехословакии. В кн. *Всемирно-историческая победа советского народа 1941—1945 гг.* М., 1971.

Говорит Георгий Димитров. «Проблемы мира и социализма», М., 1972, № 3.

Горненски Н. Борьба болгарского народа за срыв планов гитлеровской Германии в годы второй мировой войны. В кн. *Всемирно-историческая победа советского народа 1941—1945 гг.* М., 1971.

Ейне А., Владыкин В. Е. Лужичане. *Вопр. истории*, 1972, № 2.

Ендрущак Т. Роль Советского Союза в освобождении Польши и вклад польского народа в борьбу против гитлеровской Германии. В кн. *Всемирно-историческая победа советского народа 1941—1945 гг.* М., 1971.

Живков Т. Революционер, трибун, теоретик. К 90-летию Георгия Димитрова. «Проблемы мира и социализма», 1972, № 3.

Зуев Ф. Г. Значение великих битв Советской Армии для развития освободительной борьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. В кн. Всемирно-историческая победа советского народа. 1941—1945 гг. М., 1971.

Калениченко П. М. Радянська та польська історична, документальна і мемуарна література про участь польських інтернаціоналістів у боротьбі за владу Рад на Україні. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1972, вип. 14.

Касаткин Н. И. К вопросу о социалистической революции в Югославии. Уч. зап. Перм. ун-та 1971, т. 253. Вопр. истории междунар. рабочего движения, вып. 9.

Королько Л. Борьба Советского Союза на Крымской конференции за демократическую миролюбивую Польшу и ее справедливые границы. Уч. зап. Моск. гос. ин-та междунар. отношений. Всеобщая история, 1969, вып. 1.

Кравець М. М. Відгуки на Паризьку Комуну в східній Галичині. Вісн. Львівського ун-ту, 1971. Сер. іст., вип. 7.

Кропалак М. Работы словацких историков к 50-летию Коммунистической партии Чехословакии. «История Великой Октябрьской соц. революции. Информ. бюл.», 1971, № 2.

Кропалак М. Юбилейная сессия словацких ученых, посвященная 50-летию Коммунистической партии Чехословакии. История Великой Октябрьской соц. революции. Информ. бюл., 1971, № 2.

Мадайтчик Ч. Польская рабочая партия в борьбе за социальное и национальное освобождение Польши. В кн. Всемирно-историческая победа советского народа 1941—1945 гг. М., 1971.

Малыхин А. А. Политическая борьба в Польше накануне и в период референдума 1946 г. Вестн. Моск. ун-та. История, 1972, № 2.

Манусевич А. Я. Об общем и специфическом в Октябрьской революции, народно-демократических и социалистических революциях 1944—1948 гг. История Великой Октябрьской соц. революции. Информ. бюл., 1971, № 2.

Маргос А. Армянско-турецкие надписи XVIII—XIX вв. в Болгарии. в кн. Эпиграфика Востока, 21. Л., 1972.

Марьяна В. К вопросу о среднем крестьянстве в Октябрьской и народно-демократических революциях. История Великой Октябрьской соц. революции. Информ. бюл., 1971, № 2.

Мельникова И. М. Стратегія і тактика КПЧ у боротьбі за перемогу соціалістичної революції (1945—1948 рр.) В кн. Питання історії міжнародного

комуністичного робітничого руху. Ужгород, 1971.

Мельцер Д. Б. Болгаро-советские экономические отношения (1934—1939 гг.) Вестн. Беларус. ун-та. Гісторыя. Філасофія. Навук. камунізм. Эканоміка. Права. Мінск, 1972, № 1.

Нюркаева А. З. Влияние ленинских идей на размежевание сил в сербской социал-демократии. Уч. зап. Перм. ун-та 1971, т. 253. Вопр. истории междунар. рабочего движения, вып. 9.

Нюркаева А. З. Из истории сербско-болгарских и сербско-русских революционных связей в начале XX века. Уч. зап. Перм. ун-та, 1971, т. 253. Вопр. истории междунар. рабочего движения, вып. 9.

Очак И. Д. Памяти югославского историка Фердо Чулиновича. Вестн. Моск. ун-та. История, 1972, № 2.

Пашук К. К. Боевое содружество братских армий в годы войны. В кн. Всемирно-историческая победа советского народа 1941—1945 гг. М., 1971.

Петранович Б. Вклад Югославии в победу антигитлеровской коалиции. В кн. Всемирно-историческая победа советского народа 1941—1945 гг. М., 1971.

Позіна О. С. До питання російсько-сербських торгових відносин (1908—1912 рр.). «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1972, вип. 14.

Пономарев Б. Н. Георгий Димитров в борьбе против фашизма в период Второй мировой войны. Рабочий класс и соврем. мир, 1972, № 2.

Поспелов П. Н. Недорезов А. И. Революционный путь К. Готвальда. «Новая и новейшая история», 1972, № 2.

Ратич М. О. Відгуки в Західній Галичині на «Криваку неділю». Вісн. Львівського ун-ту, 1971. Сер. іст., вип. 7.

Соболев А. И. Г. М. Димитров — выдающийся деятель и теоретик коммунистического движения. «Новая и новейшая история», 1972, № 2.

Стецкевич С. М. Позипия СДКП и Л. ППС-Левицы и ППС в вопросе о национальной независимости накануне восстановления польского государства (октябрь — начало ноября 1918 г.). В кн. Исследования по новой и новейшей истории. Л., 1972.

Страницы героической жизни (Очерк жизни Г. Димитрова). «Проблемы мира и социализма», 1972, № 3.

Суслов М. А. Выдающийся деятель мирового коммунистического движения. Рабочий класс и соврем. мир., 1972, № 2.

Теодорович И. М. До питання про національно-об'єднавчі і визвольні прагнення слов'янських народів монархії Габсбургів (1900—1914 рр.). «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1972, вип. 14.

Т р г о Ф. Вклад Югославии в победу над фашистской Германией на заключительном этапе второй мировой войны. В кн. Всемирно-историческая победа советского народа 1941—1945 гг. М., 1971.

Т р ы а р с к и Э. О двух надписях польских армян из города Замостье. Ист.-филол. журн., Ереван, 1971, № 4.

Ч а к ы р о в С., М а т е е в Б. Роль Советского Союза в развитии антифашистской борьбы в Болгарии. В кн. Всемирно-историческая победа советского народа 1941—1945 гг. М., 1971.

Ч е р н я в с ь к и й Г. И. Проблемы единого фронта в рабѣтничому русї Болгарїї (1925—1929 рр.). «Питання нової та новїтньої історїї», Київ, 1972, вип. 14.

Ш а б у л ь д о Ф. М. Симпозіум радянських і польських істориків, Москва, 22—27 ноября 1971 г. Укр. іст. журн. Київ, 1972, № 2.

Щ е р б а к о в Ю. Н. Памяти выдающегося сына народов Чехословакии. «Новая и новейшая история», 1972, № 2.

Ю р г и н и с Ю. Землевание горожан в феодальной Литве. В кн. Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Докл. ист. конференции. Тарту, 1972.

Я ж б о р о в с к а я И. С. Проблемы истории Польши в трудах В. И. Ленина. В кн. История и историки. 1970. М., 1972.

2. Культура и наука

А б р а м о в а Р. Сельское жилище в социалистических странах. «Архитектура СССР», 1972, № 2.

Б а ш и н д ж а г я н Н. Польский революционный рабочий театр, эстетика и драматургия. (Театральные искания В. Вандурского и Б. Ясенского). В кн. Искусство, революцией призванное. Октябрь и развитие искусства стран Вост. Европы 1920-х — 1930-х гг. М., 1972.

Б е н е в Б., Й о ц о в а М., З а г о р с к и Н. Организация разработки научно-технических прогнозов в Болгарии. В кн. Теория и практика прогнозирования развития науки и техники в странах — членах СЭВ. М., 1971.

Б у т о р и н а Е. Плакаты Юзефа Мроцака. «Творчество», 1972, № 2.

В а г а п о в а Н. Словенский пролетарский театр (1920—1935 гг.). В кн. Искусство, революцией призванное. Октябрь и развитие искусства стран Вост. Европы 1920-х — 1930-х гг. М., 1972.

Г а н е в К. Болгарская музыка и проблема современности. В кн. Болгария — СССР. Диалог о музыке. М., 1972.

Г у ц ь М. Шевченко в Югославїї «Жовтень», Львів, 1972, № 3.

З е м ц о в с к и й И. О значении болгарского фольклора в исследовании русской народной музыки. В кн. Болгария — СССР. Диалог о музыке. М., 1972.

З е н г и н о в Д. Советская музыка и музыковедение и болгарская музыкальная культура. В кн. Болгария — СССР. Диалог о музыке. М., 1972.

К а б е л и т е С. Первые переводы произведений Л. Кондратовича на литовский язык «Literatura», Вильнюс, 1972, № 3.

К о к о ш В. Христо Ботев — народный учитель. Нар. образование, 1972, № 3.

К о н ф о р т и И. В борьбе за социалистическое искусство в Болгарии (1917—1923). В кн. Искусство, революцией призванное. Октябрь и развитие искусства стран Вост. Европы 1920-х — 1930-х гг. М., 1972.

К о р о л е в С. Просторы реализма. (Изображение человека у Иво Андрича и Эмиляна Станева). Иностран. литература, 1972, № 3.

К р у г л о в Ю. Петр Григорьевич Богатырев. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1972, № 2.

К у з ь м и н а М. Т. Искусство стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В кн. История зарубежного искусства. М., 1971.

Л а г и н Л. Секрет обаяния. Неделя болгарских мультфильмов в Москве. «Искусство кино», 1972, № 3.

Л и с с а З. Традиции и новаторство в музыке. Сов. музыка, 1972, № 1.

М а р т ы н о в И. Размышления о болгарской музыке... В кн. Болгария — СССР. Диалог о музыке. М., 1972.

М і р а ч ы ц ь к і Л. П. Беларуска-чэхаславацкае супрацоўніцтва у Галіне літаратуры і мастацтва (1956—1966 гг.). Вестні АН БССР. Сер. грамад. навук, 1972, № 1.

М и р о н ю к С. Г. М. Рыльский и А. Мицкевич. (К проблеме творческого «содружества» переводчика и автора). В кн. Актуальные вопросы современной науки, ч. 2. Днепропетровск, 1972.

Н е б е с н и к И. М. Борьба Компартии Чехословакии за развитие народной освіти на Словаччині (1945—1970 рр.). В кн. Питання історїї міжнародного комуністичного робітничого руху. Ужгород, 1971.

О работе проблемной комиссии многостороннего сотрудничества Академий наук социалистических стран. История Великой Октябрьской соц. революции. Информ. бюл., 1971, № 2.

П а р х о м о в с к а я С. Тревога и оптимизм (Обзор выступлений поэтов и критиков в газете «Литературен фронт» об основных направлениях развития современной болгарской поэзии). Иностран. лит., 1972, № 4.

П р а н д а А. Влияние билингвизма на некоторые явления народной культуры. Сов. этнография, 1972, № 2.

С м и р н о в Ю. И. Сходные описания в славянских эпических песнях. и их

значение. В кн. Славянский и балканский фольклор. М., 1971.

Стецяк И. Развитие школы в Социалистической Югославии. Нар. образование, 1972, № 3.

Стоянов С. Национальные традиции болгарской музыки. В кн. Болгария — СССР. Диалог о музыке. М., 1972.

Тараканов М. Впечатления от болгарской музыки (О творчестве современных болгарских композиторов Пинкове, Райчеве, Илиеве, Цветанове). В кн. Болгария — СССР. Диалог о музыке. М., 1972.

Теплиц К. Т. Зіграти себе самого... «Усвіт», Київ, 1972, № 2.

Усикова Р. П., Цыбенко Е. З. Межвузовский научно-исторический семинар славистов в Ленинграде. Вестн. Моск. ун-та. Филология. 1972. № 2.

3. Языковедение

Штибер Э. О древних словенско-западнославянских языковых связях. В кн. Русское и славянское языковедение. М., 1972.

Бартошевич А. К определению системы словообразования. Вopr. языковедения, 1972, № 2.

Белодед И. К. «Славянская грамматика» Ивана Ужевича 1643 г. Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1972, т. 31, вып. 1.

Бернштейн С. Б. К истории славянского суффикса *tel'v*. В кн. Русское и славянское языковедение. М., 1972.

Бирнбаум Г. О степени доказательности диалектизмов-«архаизмов» (На материале славянских языков). В кн. Русское и славянское языковедение. М., 1972.

Вукович Й. *Trizna-trzna-trza?* на славянской языковой территории. В кн. Русское и славянское языковедение. М., 1972.

Гольцекер Ю. П. О некоторых особенностях передачи женских фамилий в переводах с польского на русский язык. Тр. Самарк. ун-та, 1971, вып. 214. Вопросы ономастики 1.

Зволинский П. С. Памятник XVI века как источник взглядов А. Х. Востокова на произношение старославянских юсов. Русское и славянское языковедение. М., 1972.

Кипарский В. О судьбе —Б— в суффиксах БСК и —БСТВО. Вopr. языковедения, 1972, № 2.

Кравчук Р. В. К принципам диакронического изучения словообразования (На материале чешского языка). Тр. Самарк. ун-та, 1971, вып. 205. Исслед. по рус. и слав. яз. № 3.

Кравчук Р. В. К происхождению типа рошертас в старочешском языке. Тр. Самарк. ун-та, 1971, вып. 205. Исслед. по рус. и слав. яз., № 3.

Кржижкова Е. Замечания о системе указательных местоимений в современных славянских литературных языках. В кн. Русское и славянское языковедение. М., 1972.

Курашкевич В. Старопольские уменьшительные имена типа *Wyszak* (*Wyszako*), *Jaszek* (*Jaszko*). В кн. Русское и славянское языковедение. М., 1972.

Л-и К. Ономастика в Польской Народной Республике (На эст. яз.). «Кэзль я кирьяндус» (Яз. и лит), Таллин, 1971, № 12.

Лекков И. Лексическая доказательность фонологических оппозиций. В кн. Русское и славянское языковедение. М., 1972.

Леч Р. К вопросу о соотношении категорий «язык» и «диалект» В кн. Русское и славянское языковедение. М., 1972.

Львов А. С. Старославянское ли слово МЕЧЬНИКЪ. В кн. Русское и славянское языковедение. М. 1972.

Мартынов В. В. Славянские этимологические версии. В кн. Русское и славянское языковедение. М., 1972.

Могилевский Р. И. Некоторые вопросы формирования и стандартизации терминов-аббревиатур в славянских языках. Тр. Самарк. ун-та, 1971, вып. 205. Исслед. по рус. и слав. яз., № 37.

Мячина Э. И. К изучению морфологии глагола в чешском говоре села Малая Зубовщина на Украине. Тр. Самарк. ун-та, 1971, вып. 205. Исслед. по рус. и слав. яз., № 3.

Мячина Э. И. Образцы чешской диалектной речи села Малая Зубовщина на Житомирщине (на чешск. яз.). Тр. Самарк. ун-та, 1971, вып. 205. Исслед. по рус. и слав. яз., № 3.

Обрембская-Яблонская А. Об одном архаическом земледельческом термине. В кн. Русское и славянское языковедение. М., 1972.

Олеш Р. Древяно-полабские этимологии. В кн. Русское и славянское языковедение. М., 1972.

Орлова В. Г., Горшкова К. В. Рубен Иванович Аванесов. (К семидесятилетию со дня рождения и пятидесятилетию научной деятельности). В кн. Русское и славянское языковедение. М., 1972.

Поповская-Таборская Х. Словинско-кашубское окончание родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода неличных местоимений и прилагательных. В кн. Русское и славянское языковедение. М., 1972.

Ройзензон Л. И. Еще раз о болгарских многоприставочных ингрессивах с ЗА—, образованных от моноплексов, совершенного вида. Тр. Самарк. ун-та, 1971, вып. 205. Исслед. по рус. и слав. яз., № 3.

Савельева Л. В. Об одном важном аспекте курса старославянского языка в педвузе. (Из опыта проведения практических занятий по фонетике старославянского языка). Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1972, т. 467.

Тополинская З. Кашубское *Co za bestja od babë* — польское литературное *Co za bestia z tej baby*. В кн. Русское и славянское языкознание. М., 1972.

Трубачев О. Н. Об одной редкой словообразовательной модели. В кн. Русское и славянское языкознание. М., 1972.

Фирбас Я. Функции вопроса в процессе коммуникации. Вопр. языкознания, 1972, № 2.

Фодо Ш. Некоторые данные о славянских заимствованиях в двух венгерских говорах Закарпатья (Район Верхней Тиссы). В кн. Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972.

Цетт Р. О значении сербской редакции церковнославянского языка для изучения истории русской лексики. В кн. Русское и славянское языкознание. М., 1972.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторический преглед», 1972, № 1

П. Аврамов. Проблемы культурной революции и ее периодизации в Болгарии; А. М. Шнитман. Георгий Плеханов в идейном наследстве Димитрия Благова.

«Литературная мисль», 1972, № 1

Л. Цветков. Спор о Некрасове; П. Славейков. Генрих Гейне; Х. Радевски. О мемуарах; Д. Ф. Марков. Вопросы теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур; А. Натев. Конфликт и действие; Г. Цанев. Критика как проза идеологического характера. В. Бояджиева. Слав. Хр. Караславов; К. Топалов. А. Германов.

«Език и литература», 1971, № 6

Д. Благой. К вопросу о реализме Ф. М. Достоевского; Е. Метева Н. А. Некрасов в творческом восприятии Ивана Вазова; К. Попов. О некоторых недостаточно описанных модальных типах в болгарском языке; М. Гамрецик и М. Михайл П. Драгоманов; Д. Кирай. Гезезис двух типов «психологизма». (Диалектика души и логика душевных движений в русском романе); К. Г. Попов. Условное наклонение в русском языке и его эквиваленты в болгарском языке; Б. Шлифов. Система мягких согласных в костурском говоре.

1972, № 1

Б. Николов. О роли интенсивности при восприятии ударения в болгарском языке; П. Илчев. Мотивированность знака в глаголице; М. Деянова. О конструкции с предикативным определением в словенском языке в сравнении с болгарским языком; В. Захаржевска. Размышления о жанре совре-

менной баллады; И. Кыпчев. Некоторые наблюдения над употреблением удвоенного дополнения в испанском и болгарском языках; К. Гылыбов. «Сон о счастье» Пенчо Славейкова; К. Попов. Гумбольтовские и младограмматические идеи у Пенчо Славейкова; С. Бурнаска. Достоевский — защитник болгарского народа; Д. Бошняков. Некрасов в Болгарии; К. Кувев. Ответ на одну критику.

1972, № 2

С. Сятковский. Проблема гезезиса родительно-винительного падежа в славянских языках; Е. Станчев-Арнаудова. Сравнение как средство достижения комического эффекта в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова; В. Дяков. Национально-образное мышление и некоторые проблемы перевода художественных произведений; С. Русакиев. Творческий путь Демьяна Бедного; Е. Теодоров. Древнефракийские черты в образе героя-всадника в наших народных песнях; С. Баяев. Болгарская басня: начало и развитие; Ю. Бегунов. «Слово похвальное Клименту Римскому» — предполагаемое сочинение Константина-Кирилла Философа; Ж. Желязков. Один из жертвенных костров. (К 75-летию со дня рождения Асена Расцветникова); Л. Базфотиаде. Георгий Раковский и политика Александра Йонна Кузы; Б. Яновский. П. Прерадович и П. Р. Славейков. (По случаю 100-летия со дня смерти П. Прерадовича — 1872 г.); С. Стоянов. Неправильное употребление отглагольного существительного.

«Z pola walki», 1972, № 1

Постановление VI съезда ПОРП о чествовании борцов польского рабочего движения, деятелей ППР, погибших в борьбе за народную Польшу; Э. Бабюх.

Связь общественных наук с практикой партийной деятельности; В. З а с т а в н ы. О задачах и направлениях работы Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП; А. Ч у б и н ь с к и й. Роль рабочего класса и рабочего движения в польском историческом вопросе; А. Ж а р н о в с к а я. Рабочий класс и процессы социальной подвижности в конце XIX и в начале XX в. (Из исследований рабочего класса Варшавы и других промышленных центров Королевства Польского); Б. П и о т р о в с к и й. Предпосылки и развитие революционных событий в Финляндии в 1917—1918 гг.; М. Б о р у ц к и й. Итальянская социалистическая партия в период германской оккупации в 1943—1945 гг.

«*Kwartalnik Historyczny*», 1972, № 1.

М. К о с м а н. Религиозные конфликты в Вильне; К. Г р о н ь с к и й. Поляки в Америке и национал-демократия (1892—1914); Л. Х а с с. О генезисе парламентских иллюзий в межвоенной Польше; З. Л я н д а у. Развитие картельного законодательства в межвоенной Польше на фоне картельной политики правительства; Е. Т о м а ш е в с к и й. Выборы 1945 г. в Болгарии.

1972, № 2

Г. Ц и н с. Первые восприятия теории Коперника в Англии; М. Б и с к у п. Спор Морской комиссии Зыгмунта Августа с властями княжеской Пруссии на переломе 1570—1571 гг.; Г. В и с н е р. Литва и рокоп (1606—1607); К. Д е м б и н с к а я. Роль ведущих отраслей хозяйства в развитии экономики Великобритании; Ф. Р ы ш к а. Авторитарность и фашизм.

«*Przegląd Historyczny*», 1972, № 1

К. Б у ч е к. Древнепольские дани: половец — поралье — подымное; Р. Х о е ц к и й. Станислав Август и процесс Адама Понинского; З. С т а н к е в и ч. Крестьянская аренда фольварков в казенных имениях Королевства Польского (1815—1864); В. Р о ш к о в с к и й. Промышленный госкапитализм в Польше в годы кризиса 1929—1935.

«*Pamiętnik Literacki*», 1971, № 4

В. Т а т а р к е в и ч. Романтизм или горе семасиолога; А. В а л и ц к и й. Польский романтический мессианизм в сопоставлении с религиозным мессианизмом; М. Ж м и г р о д з к а. Позитивизм Элизы Ожешко; Е. Я ж е м б с к и й. Понятие «формы» у Гомбровича; М. Г ж е н д з е л ь с к а. Малые и большие метафоры; А. В е ж б и ц к а. Сравнение — градация — метафора.

1972, № 1.

Я. А б р а м о в с к а. «Басни и притчи» Красицкого или критика искусства осуждать; М. Р у т к о в с к а. Элементы композиции романа в словарном составе польской литературной критики XVIII в.; А. С ё м к а й л о. Эпиграмматический дистих Казимежа Бродзинского; Б. О т в и н о в с к а. «*Gesi*» и «*leda co*» в литературно-языковой теории Рея; З. Ф л о р ч а к. Спор об универсальной грамматике в XVIII в.

«*Język Polski*», 1971, № 5

Е. О с т р о в с к а я. О лингвистических трудах Станислава Пигона; С. П и г о н ь. Заметки на полях Словаря Мицкевича. Часть 2; М. К а р а с ь. Загадочные *oprócz/prócz*; М. З а р е м б и н а. Наиболее употребительные слова в польском разговорном языке; Е. В о л ь н и ч. Глагол *walczyć* и семантически близкие с ним слова в современном польском языке; С. Б о м б а. Библиейская и молитвенная фразеология в названиях литературных произведений; Я. М а з у р. Окончание *-ta* в функции *pluralis maiestaticus* в любельских говорах.

«*Historický časopis*», 1971, № 2

И. Ш к у р л о. Общесловацкая конференция Коммунистической партии Словакии в Жилине в 1945 г. и что ей предшествовало; Я. Г а л а н д а у э р. Как проникал словацкий вопрос в чешскую политическую программу в период подготовки образования самостоятельного государства (1916—1918); К. У р б а н о в а. Возникновение Министерства по управлению Словакией; А. В а н т у х. *Confessio Turnaviensis?* Из истории реформации в Словакии в XVI веке; Я. Ж а р н о в с к и. О некоторых проблемах обобщающего труда по истории Центральной и Юго-Восточной Европы периода между двумя мировыми войнами; В. Б а л ц е р а к. Интеграционные концепции в польской внешней политике в 1918—1939 гг.

1971, № 3

Л. Я. Г и б и а н с к и й. К вопросу о сотрудничестве Чехословакии, Польши и Югославии в борьбе за упрочение народно-демократического строя (1945—1946); М. П и ш. Словацкие взгляды на государственно-объединительный процесс в Германии; А. Г а ч о в а. Социальная структура г. Кежмарок в XV и первой половине XVI века.

1971, № 4

Л. Г о л о т и к. Словацкий вопрос в истории Коммунистической партии Че-

хословакии; Е. С ю ч. «Национальность и «национальное самосознание» в эпохе средневековья; Л. Б е н ц е д и. Мадыарское сословное (шляхетское) национальное самосознание в XVI—XVII веках; Э. А р а т о. Характеристические черты мадыарской национальной идеологии в XVIII веке; Я. Т и б е н с к и. Формирование идеологии словацкой феодальной национальности и буржуазной нации.

1972, № 1

И. П е р е н и. Развитие мадыарского «национального самосознания» в XI—XIII вв.; П. Р а т к о ш. Проблемы развития словацкой народности до начала XVII в.; М. П о д р и м а в с к и й. Оскар Яси и национальный вопрос; Ж а к Л е Г о ф. Существует ли школа Apnales?

«Slovanský přehled», 1972, № 2

Р. П о с п и ш и л. Варшавское восстание; В. М о у л и с. О советской внешней политике после окончания второй мировой войны; М. Ш м е р д а. К началному периоду экономических отношений Чешских земель и Галича.

«Česká literatura», 1970, № 5—6

О. К р а л и к. Баллады Волкера; М. П о г о р с к и. Брат Жак и его «желание правды»; И. О п е л и к. Судебный процесс или пословица. По поводу

поэтики одного заголовка; Ф. В ш е т и ч к а. Композиция Тешлой Ванны Алены Вострой; Я. К о л л а р. «Новость» в чешской литературе XVI в.; И. Л е в ы. Предпосылки «генеративной» поэтики.

«Slovenská literatura», 1972, № 1

Л. Р и х т е р. Сравнительное исследование литературы и концепция человека; М. Т о м ч и к. Начала идейной и стилистической дифференциации в поэзии после первой мировой войны; Ф. М и к о. Драматический диалог Тайовского в межъязыковых отношениях; Я. М ы ш я н и к. Лирика словацкого барокко; Б. Т р у г л я р ж. Литературный профиль Яна Грушевского; Я. О к о п е н С л а в и н с к а. Личные отношения в процессе литературной коммуникации.

«Slavia», 1972, № 1

И. И р а ч е к. Интернациональные суффиксы существительных в современных славянских языках; Дж. Ф е р р е л. Об истории форм детерминативных прилагательных в древнерусском языке; А. Н. Р о б и н с о н. Литература Киевской Руси в сравнительном освещении; Я. О р т. О славянских мотивах в поэзии Иоганна Бобровского; Г. М и х а и л о. Материалы к изучению славяно-румынской лексикографии и XVII в.; М. К в а п и л. Журналы хорватского модернизма.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ «РОМАНТИЗМ В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЕЕ СВЯЗИ С ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИМИ ЛИТЕРАТУРАМИ»

5—7 апреля 1972 г. в Москве состоялся советско-польский научный симпозиум «Романтизм в польской литературе и ее связи с восточнославянскими литературами», организованный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР совместно с Институтом литературных исследований Польской академии наук.

Совместный советско-польский симпозиум был запланирован как очередной в серии, начало которой было положено в 1967 г. в Москве. Второй симпозиум состоялся в 1970 г. в Варшаве.

Данная встреча советских и польских ученых мыслилась как взаимный обмен результатами новейших исследований в канун Международного съезда славистов, в программе которого одной из главных является проблема романтизма (съезд этот будет проходить в Варшаве в 1973 г.).

В работе симпозиума приняли участие польские ученые, занимающиеся проблемами романтизма и литературных связей: проф. М. Янион — руководитель сектора эпохи романтизма Института литературных исследований ПАН, сотрудники сектора — проф. М. Жмигродзкая, доценты А. Витковская, Э. Стефановская, Р. Пшибыльский, д-р М. Пивиньская, зам. директора Института русской филологии Варшавского университета доц. А. Семчук.

Советские ученые были представлены сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР, а также специалистами из Московского государственного университета, Института мировой литературы им. А. М. Горького, Института истории искусств Министерства культуры СССР, Института белорусского языка и литературы им. Я. Купалы АН БССР, университетов в Горьком и Алма-Ате.

Симпозиум стал свидетельством плодотворности и необходимости научного обмена мнениями, совместного обсуждения с польскими учеными актуальных литературоведческих проблем. В ходе его выявилась принципиальная методо-

логическая общность в подходе к изучаемым историко-литературным явлениям со стороны польских и советских участников. Нерешенные, дискуссионные вопросы обсуждались в духе совместных поисков дальнейшего пути исследований, в атмосфере взаимной заинтересованности и стремления к сотрудничеству. Были высказаны интересные предложения в области сопоставительного изучения развития литератур в период романтизма, намечен ряд аспектов типологических сопоставлений, выдвинуты новые соображения относительно трактовки ряда проблем романтизма (романтизм и «предромантизм», «романтический перелом» и т.д.), крупнейших его произведений, отдельных его представителей. Было сообщено об обнаруженных архивных материалах, которые вносят новое в изучение творчества отдельных поэтов и в рассмотрение некоторых проблем литературной жизни. Комплекс докладов, посвященных литературным связям, явился еще одним подтверждением исключительно плодотворного влияния на литературный процесс взаимных контактов между литераторами Польши и литераторами России, Украины, Белоруссии.

Симпозиум был открыт вступительным словом директора Института славяноведения и балканистики АН СССР чл. корр. АН СССР Д. Ф. Маркова, который отметил научную актуальность проблематики симпозиума, коснулся важных вопросов методологии исследования и судеб романтизма в литературном процессе XIX—XX вв.

Выступившая затем М. Янион в своем докладе «Польский романтизм и романтизм европейский» остановилась на проблемах национальной специфики литератур эпохи романтизма и проблемах критериев выделения романтизма как особого комплекса. Ею были сформулированы интересные предложения методологического характера, в которых специфика романтизма выявлялась в аспекте философских категорий мировосприятия.

Доклад Б. Ф. Стахеева «Некоторые особенности польского и русского романтизма (опыт типологического сопоставления)» явился интересным опытом обобщения конкретных историко-литературных фактов и выделения на этой основе ряда закономерностей как общих, так и специфических для каждой из двух ведущих литератур славянского мира.

М. Жмигродская в докладе «Романтический перелом и выбор литературной традиции» на весьма обширном материале проследила специфику связей романтизма с предшествующими эпохами истории литературы, особенности конструктивных и деструктивных тенденций в создании нового типа художественного мировосприятия и отражения.

В докладе А. В. Липатова «Предромантизм на Западе и в Польше XVIII в. (опыт дефиниции и сопоставления)» прослеживались тенденции в литературе, литературной теории, архитектуре и искусстве, отражающие те качественные изменения, которые обусловили кристаллизацию предромантизма как особого философско-эстетического комплекса, выходящего за рамки Просвещения и предопределяющего пути эволюции к романтизму.

А. Витковская в своем докладе «Человек славянского мира в творчестве Мицкевича» представила опыт интерпретации художественно-публицистического материала в категориях антропологии, существенно расширив представления об идейно-философских концепциях великого польского романтика.

Р. Пшибыльский в своем докладе «Царизм в воззрениях польских и русских романтиков» представил опыт сопоставления и интерпретации некоторых концепций ведущих писателей России и Польши первой половины XIX в.

Образцом философско-эстетического анализа воззрений Мицкевича, специфики его художественного видения явился доклад З. Стефановской-Траугутт «Личность и общество в „Дзядях“ Мицкевича».

Внимание участников привлекая доклад А. А. Илюшина «Опыт сопоставительного анализа польского и русского стихотворного размера (одиннадцатисложный стих польской романтической поэзии и его русские соответствия)», где освещался еще не разработанный аспект просодии в сравнительном плане.

В докладе М. Цивиньской «Проблема романтического героя» делалась попытка обобщения опыта европейской литературы эпохи романтизма в создании нового типа персонажа, воплощающего характерные черты своих современников.

Д. С. Прокофьева в докладе «Кавказская группа польских поэтов» осветила ряд историко-литературных вопросов, связанных с жизнью и творчеством поляков, оказавшихся на Кавказе.

Доклад В. А. Дьякова «Литературные интересы польских конспираторов 30—40-х годов XIX века» был чрезвычайно интересным и для литературоведов и для историков. Здесь приводились еще не опубликованные материалы и факты, проливающие новый свет на воззрения и деятельность некоторых польских литераторов времен романтизма.

И. И. Свирида в докладе «К вопросу о взаимодействии литературы и изобразительного искусства в эпоху романтизма» коснулась ряда интересных явлений, возникающих на стыке разных областей художественного творчества.

Группа докладов была посвящена вопросам сравнительного изучения польской и восточнославянских литератур и связей между ними: Г. Д. Вервес — «Отзвуки польского романтизма на Украине в первой половине XIX в.», В. М. Казберук — «Польский романтизм и развитие белорусской литературы первой половины XIX в.», Е. З. Цыбенко — «Романтический герой в польской и русской прозе 30—40-х годов XIX в.», А. Г. Пиотровская — «К вопросу о типологии ранних поэм Пушкина и Мицкевича», Ф. И. Стеклова — «Поэмы Г. Зелиньского на восточные темы».

Программа и задачи симпозиума, по общему мнению польской и советской сторон, успешно выполнены. Можно полагать, что он окажет воздействие как на развитие исследований славянских литератур, так и на теоретическое направление в методике и разработке ряда важных общелитературных проблем, а также будет способствовать объединению усилий ученых Советского Союза и Польши. Значение симпозиума специально отмечали как в выступлениях, так и в последующих рабочих обсуждениях зарубежные и советские участники конференции. Исключительно высокую оценку работе симпозиума дала в заключительном слове руководитель польской делегации М. Янион, которая сказала, что для польских ученых эта встреча была «впечатляющей и захватывающей».

Особо следует отметить деловую и дружескую атмосферу, в которой проходила работа симпозиума.

Материалы симпозиума будут изданы отдельной книгой и станут доступными литературной общественности.

А. Липатов

СОВЕТСКО-БОЛГАРСКИЙ СИМПОЗИУМ
ПО ПРОБЛЕМАМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С 10 по 12 апреля 1972 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР проходил двусторонний советско-болгарский симпозиум «Советско-болгарские культурные отношения. Проблема гуманизма и развитие современной социалистической культуры». Два предыдущих симпозиума состоялись в Софии в 1967 и 1969 гг., и материалы их изданы отдельными сборниками «Октябрь и болгарская литература» (1967) и «Формирование и развитие социалистической культуры в Болгарии».

Болгарская делегация, возглавляемая первым вице-президентом БАН академиком П. Заревым, участвовала в симпозиуме в составе 11-и ученых — представителей различных областей культуры (директор Института литературы БАН, зам. главного ученого секретаря БАН проф. Ст. Божков, зам. директора Института искусствознания проф. А. Стойков, зам. директора Института истории музыки БАН проф. В. Крыстев, член Союза болгарских художников проф. М. Цончева, проф. Г. Гочев, ст. научные сотрудники Н. Милев и Д. Аврамов, научные сотрудники Т. Жечев, В. Димчев, К. Куюмджиев).

С советской стороны, кроме сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР, в симпозиуме участвовали: проф. В. В. Новиков, зав. кафедрой теории литературы и искусства Академии общественных наук д-р искусствознания, архитектор, О. А. Швидковский и ст. научный сотрудник И. Н. Воейкова — от Института истории искусства, доцент Донецкого университета Л. А. Пашковский, научный сотрудник Института литературы АН УССР (Киев) В. А. Захаржевская, ст. научный сотрудник ИМЛИ им. Горького В. М. Борщуков.

Всего было заслушано 21 доклад и 4 выступления. Симпозиум открылся вступительным словом академика П. Зарева, который говорил о значении науки в общекультурном развитии, в частности, о ее роли в подходе к анализу явлений литературы. Он отметил факт взаимопроникновения науки и литературы, указав на гуманистическую сущность этого процесса.

Раскрытие гуманистического содержания принципа партийности, одного из важнейших принципов литературы социалистического реализма, был посвящен доклад чл. корр. АН СССР Д. Ф. Маркова. Утверждая новые гуманистические принципы, социалистический реализм открывает новые походы в изучении человека, которые приобретают значение лишь в том случае, когда они связаны с объективными закономер-

ностями и тенденциями истории. На широком анализе советской и болгарской литератур докладчик показал сущность философской основы социалистического гуманизма, его новаторский смысл в сопоставлении с буржуазными учениями о личности.

Проф. А. Стойков выступил с докладом «Критика некоторых современных буржуазных концепций культуры». Были подвергнуты обстоятельному критическому анализу концепции личности ряда современных буржуазных философов (М. Хайдеггера, К. Ясперса, А. Тойнби, Т. Шардена и др.). Критика буржуазных концепций культуры содержалась и в докладе В. И. Борщукова.

Проф. С. Божков рассказал о трудах болгарских исследователей, работающих над проблемой социалистического гуманизма.

Кандидат филологических наук И. М. Шептунов выступил с докладом «Георгий Димитров и проблемы гуманизма социалистической культуры». Защите социальной основы в определении нравственных понятий и поведения личности был посвящен доклад проф. В. В. Новикова, роли интеллигенции в развитии современной культуры — доклад Т. Жечева. Интерес собравшихся вызвал доклад болгарского искусствоведа Д. Аврамова «О прошлом и настоящем как объекте художественного воссоздания», в котором затрагивался вопрос об отношении к национальной специфике современной болгарской культуры.

Вопросы советско-болгарских культурных отношений получили освещение в докладах: В. И. Злыднева «Советско-болгарские культурные отношения на современном этапе», Л. А. Пашковского «Советско-болгарские культурные связи 1955—1967 гг.» и В. А. Захаржевской «Образ Болгарии в советской украинской поэзии», в которых подчеркивались рост разносторонних культурных связей и отношений и взаимное обогащение двух братских культур.

Более частные вопросы преломления общих закономерностей развития социалистического гуманизма в отдельных видах искусства получили освещение в докладах: Г. Гачева «Театр и гуманизм», Н. Н. Пономаревой «Человек и время в современной болгарской драматургии», В. Димчева «Пафос труда в современной болгарской драматургии», Н. Милева «Гуманизм болгарского киноискусства», О. А. Швидковского «Проблема гуманизма и социалистическая градостроительная культура СССР и Болгарии», М. Цончевой «Герой в искусстве социалистического реализма», И. Н. Воейковой «Революционный героизм советского

народа в болгарском изобразительном искусстве», В. Крыстева «Идейно-художественная концепция болгарской социалистической музыки», К. Кууджиева «Гуманистический смысл истории и роман Д. Димова „Табак“ и О. А. Северной «Изучение проблемы творческой личности в Болгарии на современном этапе».

В прениях по докладом приняли участие: Е. П. Львова, И. Конев, В. В. Новиков, Д. Аврамов. Выступившие в заключении симпозиума Д. Ф. Марков,

С. Божков и В. И. Злыднев отметили плодотворность научного обмена, ценность докладов в постановке актуальных проблем современной культуры, а также методологическое и теоретическое значение симпозиума в опыте комплексного изучения культуры.

Материалы прошедшего симпозиума предполагается издать отдельным сборником.

О. А. Северная

VIII УКРАИНСКАЯ СЛАВИСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В городе Виннице 21—24 октября 1971 г. состоялась VIII украинская славистическая конференция, организованная Академией наук УССР, Украинским комитетом славистов, Министерством просвещения республики и Винницким педагогическим институтом им. Н. Островского.

В конференции славистов республики, посвященной проблеме «Украинская культура в ее интернациональных связях», приняло участие свыше 120 ученых, прибывших с разных концов Украины. На конференции присутствовали учителя-словесники Винницкой области, студенты педагогического института, представители общественности.

Председатель Украинского комитета славистов, вице-президент АН УССР акад. И. К. Белодед произнес вступительное слово. Он подчеркнул, что перед славистами Украины стоят важные задачи дальнейших глубоких научных исследований славяноведческой проблематики — контактов культуры и науки украинского народа с культурой и наукой других славянских, а также неславянских народов. И. К. Белодед передал сердечное приветствие участникам конференции от Международного комитета славистов и его председателя академика Польской академии наук В. А. Дорошевского и от Советского комитета славистов, возглавляемого академиком М. П. Алексеевым.

На пленарном заседании выступили с докладами: секретарь Винницкого обкома КП Украины А. Ф. Олейник — «Прошлое и настоящее Винничныны», д-р ист. наук П. М. Каленченко (Киев) — «Культурное сотрудничество Украинской ССР со странами социалистического сотрудничества», проф. Г. Д. Вервес (Киев) — «Современные проблемы сравнительного изучения славянских литератур», проф. Н. И. Кравцов (Москва) — «Славянский фольклор как искусство слова», канд. филол. наук В. Т. Коломиец (Киев) — «Роль межъязыкового взаимодействия в

развитии лексики славянских языков (послевоенный период)». В докладах раскрываются достижения украинской славяноведческой науки в области истории, литературоведения, фольклористики, языкознания за период между VII и VIII славистическими конференциями, намечаются основные задачи, насущные проблемы будущего.

На конференции работало четыре секции: истории, литературоведения, фольклористики, языкознания. На секции истории прочитано 12 докладов и сообщений. Большое место занимает в них проблема сотрудничества Украинской ССР со странами социалистического сотрудничества в области культуры, экономики, науки. Здесь следует упомянуть сообщения д-ра ист. наук И. М. Кулинич (Киев) — «Культурное сотрудничество украинского народа с народами неславянских социалистических стран», проф. И. М. Гранчака (Ужгород) — «Участие Украинской ССР в советско-венгерском научно-техническом сотрудничестве». В докладах освещаются конкретные формы международного сотрудничества, перспективы его дальнейшего развития. Канд. ист. наук А. Г. Зыбина (Киев), доц. Г. В. Павленко (Ужгород), доц. Я. С. Мельничук (Ивано-Франковск) раскрыли роль деятелей украинской культуры Ивана Франко и Агатагела Крымского в расширении культурных связей между славянским и неславянским миром. В круг такой актуальной проблемы, как интерес прогрессивных зарубежных деятелей культуры к истории украинского народа, вводит нас доклад доц. В. Г. Карасева (Москва) «Сербский публицист Живоин Жуевич об освободительной борьбе трудящихся Западной Украины в 60-х годах XIX ст.». Чл.-корр. АН УССР Ф. П. Шевченко (Киев) в своем выступлении «Боевое единство славянских добровольцев на фронтах Испании 1936—1939 гг.» обратился к тому событию, когда с особой яркостью прояви-

лась солидарность народов в борьбе против реакционных сил за прогресс. В докладах И. А. Пшука («Историко-культурные связи Винничины и Польши») и доц. В. Ф. Воловика («Участие трудящихся поляков в борьбе за власть Советов на Подолии») рассмотрены связи Винничины с Польшей.

Характер литературоведческих докладов и сообщений обусловил их распределение по трем подсекциям: «Украинская литература XIX ст. и славянский мир», «Украинская литература XX ст. в ее интернациональных связях», «Проблемы переводческого искусства». Актуальные теоретические вопросы сравнительного изучения славянских литератур подняты в сообщениях доц. В. О. Власенко (Днепропетровск) «Типология украинского социального романа и повести 70—80-х годов XIX ст.», канд. филол. наук Ю. Л. Булаховской (Киев) «Из наблюдений над типологией стилей», доц. Д. С. Наливайко (Киев) «Проблема народности украинской литературы в западноевропейской критике XIX — начала XX ст.» и др.

Заметное место заняло освещение вопроса о роли украинских писателей демократического направления XIX — начала XX в. — Марко Вовчок, Юрия Федьковича, Панаса Мирного, Ивана Франко, Леси Украинки — в исследовании славянских литератур и в укреплении взаимосвязей между ними, в частности в развитии русско-украинских связей (проф. А. В. Чичерин из Львова, проф. Я. Ф. Ривкис из Житомира, Л. П. Семёнова из Донецка и др.). В докладе И. Е. Журавской (Киев) «Становление марксистской литературной критики на Украине» интересными являются выводы о значении критических работ и общественной деятельности Ивана Франко и Леси Украинки в развитии марксистской литературной критики на Украине конца XIX — начала XX в. Доклад д-ра филол. наук В. Л. Микитаса (Киев) «Против зарубежных фальсификаций интернациональных связей украинской советской литературы» носит в основном полемический характер: докладчик выступил с критикой некоторых концепций, искажающих подлинную картину интернациональных связей украинской советской литературы и ее места среди других прогрессивных литератур мира. Творческим связям украинской советской литературы с другими литературами посвящены доклады и сообщения доц. Ф. М. Неборячека (Львов) — «Современные украинско-болгарские литературные связи», канд. филол. наук В. И. Шевчука (Киев) — «Художественное решение темы „вечной жизни“ и „искусственного человека“ в украинской и других славянских литературах», И. Н. Лозинского (Львов) — «Б. Броневский и украинско-польские литературные связи послеоктябрьского пе-

риода», доц. М. М. Радецкой (Славянск) — «Закономерности развития русской и украинской историко-биографической прозы 60-х годов XX ст.», д-ра филол. наук И. А. Луценко (Днепропетровск) — «Закономерности украинско-грузинских литературных связей в советскую эпоху», доц. А. Р. Волкова (Черновцы) — «Литературные потомки чапекowych роботов» и др.

Живой интерес вызвали доклады и сообщения, посвященные проблемам переводческого искусства.

На секции фольклористики поднимались важные методологические вопросы (доклады кандидатов филол. наук В. А. Юзвенко — «Методологические основы изучения межславянских фольклорных связей», Н. С. Шумады — «Идейно-эстетическая общность украинской и болгарской эпической песенности»).

Определенное внимание было уделено образному своеобразие фольклорных произведений и взаимодействию народного творчества разных славянских народов. Эта важная проблема нашла свое отражение в докладах и сообщениях проф. Л. Г. Барага (Уфа), З. Е. Болтарович (Львов) и др.

Проблематика связей между литературой и фольклором была затронута в выступлениях А. Н. Гулак (Нежин) — «Украина и украинский фольклор в статьях и художественных произведениях В. И. Дала», Ю. М. Цветковой (Киев) — «Украинские народные песни в русских изданиях конца XVIII — первой половины XIX ст.», доц. Л. М. Высоцкой (Славянск) — «Взаимодействие народного творчества и литературы на примере фронтовой пародии периода Великой Отечественной войны», Т. П. Рудой (Киев) — «Новые сведения о связях Ивана Франко со славянской фольклористикой», доц. И. Ф. Осляка (Житомир) — «Мотивы сербского фольклора в творчестве Леси Украинки».

Многообразна тематика докладов и сообщений, представленных на секции языкознания. В них отражаются различные аспекты сравнительного лингвистического славяноведения.

Роль межъязыкового взаимодействия в обогащении лексики славянских языков на современном этапе их развития убедительно показана в докладах кандидатов филол. наук В. Т. Коломиец, Т. К. Черторижской (Киев). Сравнительному изучению лексической омонимии посвящен обстоятельный доклад А. М. Барзилович (Киев). Важная проблема лексико-семантических контактов между не близкородственными языками затрагивается в интересном сообщении доц. С. В. Семчинского «Межъязыковая изосемия и семантические заимствования украинского происхождения в румынском языке». Объектом сравнительного исследования в заслушанных на конференции докладах

и сообщениях выступают не только литературные языки, но и территориальные диалекты. Живой интерес вызвали доклады проф. О. А. Дзендзелевского (Ужгород) «Украинские наименования и источники на общеславянском фоне», проф. И. И. Ковалька (Львов) «Сравнительно-типологическое исследование украинского и серболужицкого именного словообразования», сообщения проф. Г. Ф. Шило (Дрогобыч) «Заемствования с польского языка в западноукраинских говорах», доц. В. И. Добоша (Ужгород) «Из наблюдений над украинско-словацкими синтаксическими параллелями (на материале южнокарпатских говоров)» и др.

Изучению истории языковых контактов между славянскими народностями посвящается доклад проф. П. П. Плюща (Киев) «Актуальные вопросы исследования украинско-белорусских и украинско-польских письменных-языковых связей донационального периода». Отмечая достижения белорусских и польских историков языка, докладчик акцентирует внимание на задачах украинской компаративистики в этой области. Отдельные вопросы из истории грамматической структуры славянских языков освещаются в сообщениях доц. М. Т. Доленко (Винница) «О возникновении и развитии основосложения в славянских языках», доц. И. Ф. Нелюбовой (Винница) «Судьба двойного винительного в произведениях А. Радищева и Г. Сковороды».

История изучения межславянских языковых связей находит свое отражение в ряде докладов, специально одному из вопросов истории славянской филологии посвящается сообщение канд. филол.

наук Н. П. Романовой (Киев) «Изучение украинско-польских языковых контактов в славянской филологической науке».

В ряде докладов рассматриваются и лингвистические проблемы перевода. В них исследуются теоретические вопросы (например, в докладе доц. Л. М. Лосевой из Одессы «Сохранение семантической организации текста оригинала в переводах с одного славянского языка на другой»), анализируются переводы отдельных писателей, их произведений (в сообщениях канд. филол. наук А. С. Юрченко из Харькова «Поэмы Н. Некрасова в украинских переводах», доц. С. Д. Ермаковой из Винницы «О языке и стиле переводов Леси Украинки из „Книги песен“ Генриха Гейне» и др.).

Тезисы докладов и сообщений конференции опубликованы в сборнике «Українська культура в її інтернаціональних зв'язках» (Київ, «Наукова думка», 1971).

Участники конференции — акад. И. К. Белодед, профессора университетов Н. И. Кравцов, П. П. Плющ, И. И. Ковальки и научные сотрудники Института искусствознания, фольклора и этнографии АН УССР Н. С. Шумада, В. Н. Скрипка выступили с лекциями и беседами перед студентами педагогического института, в которых рассказали о новейших достижениях советского языкознания и фольклористики.

VIII украинская филологическая конференция является одним из этапов подготовки славистов СССР к VII Международному конгрессу славистов, который состоится в августе 1973 г. в Варшаве.

Э. М. Грузман

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

17 апреля 1972 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась сессия, посвященная 150-летней годовщине со дня рождения выдающегося польского революционера и мыслителя Эдварда Дембовского.

Во вступительном слове д-р ист. наук И. С. Миллер кратко охарактеризовал революционную и научно-публицистическую деятельность Эдварда Дембовского и подчеркнул его большие заслуги в развитии прогрессивной славянской общественной мысли.

С докладом на тему «Философия Эдварда Дембовского — вершина в развитии польской домарксистской общественной мысли» выступил проф. И. С. Нарский. С именем Дембовского, отметил докладчик, связано одно из значительных и самых ярких усилий — на основе дости-

жений идеалистической диалектики создать диалектическую философию борьбы трудящихся масс за свое освобождение. Он обогатил революционно-демократическую мысль своеобразием польской действительности тех лет и польского национального характера, блеском своего таланта и революционного темперамента. Он разработал важные элементы теории революционной социальной диалектики — высшее достижение всей польской домарксистской философии.

О роли Э. Дембовского в развитии литературной критики рассказала д-р филол. наук Е. З. Цыбенко. Она указала на тесную связь эстетических взглядов Э. Дембовского с его общественно-политическими и философскими воззрениями, с характером его общественно-политической деятельности. Е. З. Цыбенко оста-

новилась на одном из центральных вопросов эстетики Дембовского — проблеме народного искусства. Искусство должно «соответствовать пониманию народа», задача искусства, по его мнению, — «служение народу, проповедь любви к простому народу».

Дембовский выдвинул на первый план понятие народности литературы, выступил против «чистого искусства». Именно с этим связано деление Дембовским литературы на прогрессивную и реакционную. Такой подход к литературе был новым словом в польской науке о литературе. Докладчица рассказала об острой идеологической борьбе в Польше 40-х годов, когда Дембовский ставил задачу привлечения на сторону демократии талантливых современных литераторов, о его влиянии на творчество ряда польских писателей того времени, о взглядах Дембовского на поэзию. Е. З. Цыбенко провела интересное сравнение философских и эстетических взглядов Дембовского и Белинского.

С докладом на тему «Эдвард Дембовский и польские конспираторы начала 1840-х

годов» выступил д-р ист. наук В. А. Дьяков. Он рассказал об обнаруженном им недавно судебно-следственном деле о варшавской конспиративной организации «Содружество польского народа», просуществовавшей до июля 1843 г., в котором содержится масса новых данных не только о программе и практической деятельности этой организации, но и о непосредственном участии в ней Дембовского. После завершения следствия Дембовский фигурировал в числе шести «главных из зачинщиков». В. А. Дьяков обрисовал конспиративную деятельность Эдварда Дембовского, привлекая новые материалы, сравнивая их с ранее известными воспоминаниями Каменского. По его мнению, теперь нужно заново перечитать тексты самого Дембовского, относящиеся к 1842 — 1843 гг., тщательно сопоставляя их с новыми данными об идейно-теоретических исканиях конспираторов и их практической деятельности.

О. П. Морозова

НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН МГУ

16 мая 1972 г. состоялось заседание кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, посвященное 90-летию со дня рождения замечательного сына болгарского народа, видного деятеля международного коммунистического движения Георгия Димитрова.

Сотрудники кафедры подготовили большую фотовыставку, отразившую жизненный путь и революционную борьбу Г. Димитрова.

С большим интересом было заслушано сообщение преподавателя кафедры В. И. Владимирской «Георгий Димитров в воспоминаниях современников». С докладом «Парламентская деятельность Г. М. Димитрова по вопросам рабочего законодательства (в период первой мировой войны)» выступила студентка V курса В. Ганина. Доцент кафедры

И. Д. Очак в сообщении «Георгий Димитров — депутат Моссовета» осветил некоторые интересные моменты деятельности Г. Димитрова в Москве после эмиграции.

Никогда не стареющей теме — «Героическому поведению Г. М. Димитрова на фашистском судилище в Лейпциге» — было посвящено выступление студентки IV курса В. Луновой.

В заключение сотрудник Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР, В. Р. Сошенко остановился на некоторых сторонах деятельности Г. Димитрова в качестве Генерального секретаря Коммунистического Интернационала в период второй мировой войны.

Заведующий кафедрой доц. И. А. Воронков тепло поблагодарил собравшихся за участие в юбилейном заседании кафедры.

В. Р.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. Л. ПОХИЛЕВИЧА

В сентябре 1972 г. исполняется 75 лет доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой истории южных и западных славян в Львовском университете Дмитрию Леонидовичу Похилевичу.

Сын украинского крестьянина из села Водотыи Киевской губернии Д. Л. Похи-

левич прошел большой и яркий жизненный путь. В 1921 г. он вступает в ряды Коммунистической партии, принимает активное участие в политической и культурной жизни Украины, занимает ряд ответственных должностей в научных и учебных учреждениях республики.

Автор более 100 научных работ, Д. Л. Похилевич большую часть своей научной деятельности посвятил изучению проблем феодализма в Великом княжестве Литовском, а также в Польше и на Украине. В своих работах он последовательно выступает против модернизации прошлого, против необоснованного объявления «капиталистическими» некоторых явлений, которые вполне укладываются в феодальные рамки. Но точно так же он против упрощенного рассмотрения целых столетий эпохи феодализма как единого периода. Например, в истории Речи Посполитой XVI—XVIII вв. он выделил три периода: XVI — первая половина XVII в. — развитие фольварочной системы, рост барщины, усиленный нажим на крестьян; вторая половина XVII — первая половина XVIII в. — период катастрофического разорения, вызванного войнами. В этот период во многих районах осуществляется перевод крестьян на оброк, что явилось результатом попыток выхода господствующего класса из хозяйственной разрухи. Вторая половина XVIII в. — период восстановления экономики и нового нажима на крестьян на старой фольварочно-барщинной основе. Такая периодизация была предложена Д. Л. Похилевичем в 1950 г. в его докторской диссертации, и ныне она общепринята.

При разработке вопроса о причинах развития фольварочно-барщинного хозяйства в странах Восточной Европы он принял во внимание точки зрения как Б. Д. Грекова — о решающей роли внутреннего рынка в этом развитии, так и

С. Д. Сказкина и других историков, считающих главной причиной роста вывоза хлеба на Запад. Д. Л. Похилевич считает основой возникновения и развития фольварочного хозяйства развитие товарно-денежных отношений, рост городов в XV в. в Речи Посполитой. Однако экспорт хлеба, беспрерывно возрастающий в XVI в., существенно ускорил этот процесс и завершил создание фольварочно-барщинной системы.

Д. Л. Похилевич постоянно обращается к наиболее актуальным в марксистско-ленинской исторической науке проблемам истории феодализма. Он активный участник творческой дискуссии, постоянный участник и член оргкомитета Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. На протяжении последних четырех лет Д. Л. Похилевич возглавляет редколлегию сборника «Українське слов'янознавство». Много лет и сил отдал Дмитрий Леонидович педагогической работе. Его многочисленные ученики и коллеги с большой теплотой и уважением относятся к своему требовательному и доброжелательному учителю.

Научная, педагогическая и общественная деятельность создали ему доброе имя и общее уважение как в нашей стране, так и за рубежом. Он отмечен правительственными наградами. Люблинский университет присвоил ему почетное звание доктора honoris causa.

Хочется пожелать Д. Л. Похилевичу еще на много лет сохранить присущую ему творческую активность и новых успехов в научной и педагогической деятельности.

Ю. Г.

ЗАЩИТА ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ ПО СИНТАКСИСУ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

2 марта 1972 г. на заседании Ученого совета филологического факультета Ленинградского университета состоялась защита докторской диссертации на тему: «Типология сложных предложений с присубстантивно-относительными придаточными (на материале сербохорватского и других славянских языков)» доцентом кафедры славянской филологии университета П. А. Дмитриевым.

П. А. Дмитриев известен как автор около ста научных работ, опубликованных в Советском Союзе и за рубежом. В течение последнего десятилетия научные интересы исследователя были сосредоточены в основном на теоретических проблемах синтаксиса сложного предложения в славянских языках. Логическим завершением размышлений ученого в этой области является его диссертация.

В первой части диссертации дано системное диахроническое описание сложных предложений с присубстантивно-относительными придаточными в сербохорватском, русском и других славянских литературных языках (с привлечением данных из славянских диалектов). Во второй части диссертации, исходя из учения о многоаспектном характере сложного предложения, П. А. Дмитриев исследует значения (конструктивно-синтаксические и коммуникативные) присубстантивных придаточных и дает глубокий анализ предложений с двусторонними синтаксическими связями.

Диссертация получила высокую оценку официальных оппонентов — д-ров филол. наук профессоров Э. И. Коротаевой, Ю. С. Маслова (Ленинградский университет) и В. И. Кодухова (Ленинград-

ский пед. институт), указавших на ее большую теоретическую и практическую значимость. Ю. С. Маслов, в частности, сказал, что диссертация П. А. Дмитриева — серьезное исследование, которое представляет интерес для всех лингвистов, работающих в области синтаксиса сложного предложения. В. И. Кодохов подчеркнул, что П. А. Дмитриеву удалось создать оригинальную семантическую типологию присустантивно-относительных определительных предложений и вывить их функционирование в современных славянских языках. В отзыве д-ра филол. наук проф. А. Е. Супруна и других сотрудников кафедры общего и славянского языкознания Белорусского университета в числе наиболее интересных названы те разделы диссертации, в которых говорится о двунаправленности семантических и формальных связей союзных относительных слов, а также о тенденциях, связанных с контактным и неконтактным расположением их по отношению к «опорным словам».

На заседании Ученого совета были ог-

лашены также отзывы на диссертацию и ее реферат, поступившие от д-ра филол. наук проф. А. В. Бондарко (ЛЮ Института языкознания АН СССР), д-ра филол. наук доц. Л. И. Ройзензона (Самаркандский университет), доц. К. К. Трофимовича (Львовский университет) и доц. Н. С. Зарицкого (Киевский университет). В них содержится высокая оценка диссертации и указывается, что ее автор внес значительный вклад в разработку сложных и актуальных вопросов теории сложного предложения.

Критические замечания, высказанные по диссертации, носили частный характер. В связи с некоторыми из них П. А. Дмитриев привел дополнительные аргументы в подтверждение изложенных в диссертации положений.

Ученый совет филологического факультета Ленинградского университета единогласно присвоил П. А. Дмитриеву ученую степень доктора филологических наук.

В. П. Проничев

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЕВРОПЕ

7—8 декабря 1974 г. в Праге работал симпозиум по проблеме «Классовая борьба в период позднего средневековья в Европе», организованный философским факультетом Карлова университета. В нем приняли участие около 64 ученых из Карлова университета, университетов Брно и Братиславы, а также институтов истории АН ЧССР. Приехали и некоторые историки социалистических стран: доктор Г. Хайд и Г. Фоглер (ГДР), А. Вэрэш (ВНР), Б. Ф. Поршнев и А. Н. Чистозвонов (СССР), Берггаузен (ПНР).

Открыл симпозиум декан философского факультета проф. Г. Галлоу, вступительную речь произнес зав. кафедрой чехословацкой истории того же факультета д-р В. Крал. Основными докладами с чехословацкой стороны были: 1) Й. Кочи. Социально-экономические последствия классовой борьбы в чешских землях в конце эпохи феодализма; 2) Й. Петрань. Типология народных движений в Средней Европе; 3) Э. Маур. Сравнительный метод в изучении классовой борьбы. Содокладчиками по первому и третьему докладом соответственно выступали Й. Вазар и П. Хорват. Б. Ф. Поршнев выступил с докладом «Формы классовой борьбы в позднефеодальном обществе», А. Н. Чистозвонов — «К вопросу о стадийно-региональном методе сравнительно-исторического изучения буржуазных революций XVI—XVIII вв. в Европе».

Содержательные рефераты представили и ученые из ГДР и ВНР. Хронологические рамки симпозиума охватывали не только позднее средневековье, но и начало нового времени.

В докладе Й. Кочи были сформулированы следующие основные тезисы. Необходим критический анализ работ буржуазных историков по истории классовой борьбы в чехословацких землях; поражение большинства крестьянских движений не равносильно их безрезультатности; классовая борьба крестьянства была важнейшим фактором социального прогресса в феодальную эпоху, а определяющими для ее содержания и форм были социально-экономические факторы, в первую очередь крепостническая система; необходимость учета всех форм классовой борьбы крестьян, а также эволюции их требований в зависимости от изменения условий их жизни в различных ее сферах; важность показа политики австрийского абсолютизма как рассчитанной на роль «арбитра» в конфликтах крестьян с феодалами, а также между различными группировками последних.

Й. Петрань сосредоточил внимание на классификации и типологизации форм классовой борьбы чехословацкого крестьянства, их критериях. Он подчеркнул опасность и недооценки и переоценки низших форм классовой борьбы, сложность выявления критериев их социальной мотивации и предложил неко-

торые рекомендации по классификации крестьянских выступлений (активные и пассивные, наступательные и оборонительные, легальные и нелегальные и т. д.). При типологизации, по мнению докладчика, целесообразно учитывать не только содержание выступлений, их формы и программы, но и те толчки, импульсы, которые способствовали их возникновению.

Доклад Э. Маура охватывал широкий круг проблем и вопросов. Выявляя критерии сравнительно-исторического анализа, докладчик предлагал следующий их комплекс: социально-экономические факторы как основа типов классовой борьбы; гегемоны, протагонисты движений и их союзники; характер программных требований; место и роль «внешних» сил (абсолютизм, церковь, внешнеполитические явления и т. д.); результаты и последствия выступлений. Эти критерии и надлежит класть в основу разработки типологии форм социально-классового протеста. При этом базовым критерием для всех почти стран и областей Центральной и Восточной Европы было крепостничество — оно и определяло там основной тип классовой борьбы крестьян в отличие от западноевропейского типа. Для последнего такой базовой категорией был сеньериальный строй, разлагавшийся в рассматриваемый период под влиянием прогресса товарных и зарождения буржуазных форм производства и обмена. Соответственно в Центральной и Восточной Европе главное направление крестьянской борьбы эволюционировало от выступлений против отдельных, наиболее ненавидимых и тяжелых проявлений крепостничества, в частности барщины, к борьбе против крепостничества как системы (конец 18 в.). В Западной же Европе крестьянство выступало против сеньериального строя, за укрепление своего самостоятельного хозяйства. Эти типы, по мнению докладчика, определили и особую расстановку классовых сил в рассматриваемых двух регионах. В первом — крестьяне выступали обычно изолированно от других сословий, не испытывали влияния прогрессивных реформационных вероучений (лютеранство, кальвинизм), редко выступали против абсолютизма и его по-

литики; во втором — крестьяне часто выступали совместно с городским плебсом и городами в целом, восставали против налогов и репрессий абсолютизма, а их восстания сливались с буржуазными революциями мануфактурного периода (XVI—XVIII вв.).

В дискуссии, весьма оживленной, приняло участие свыше двадцати человек, в том числе и зарубежные участники симпозиума. Она сосредоточилась преимущественно на проблемах классовой борьбы в Центрально- и Восточноевропейском регионе. Проходила она в русле, намеченном основными докладами. Особенно большое внимание было уделено методологии, методике и совершенствованию форм и методов анализа и синтеза обсуждаемого комплекса вопросов, углубленному и дифференцированному изучению явлений классовой борьбы крестьянства в ее стадийно-типических проявлениях, многообразию форм и эволюции. Подчеркивалась также необходимость детализации и нюансировки конкретных исследований сочетать с непрерывным выявлением факторов определяющих и производных, неуклонно придерживаясь принципа историзма при пользовании сравнительно-историческим методом, расширять источниковедческую базу и совершенствовать методику изучения и критики источников.

Критически оценена была в ходе дискуссии попытка одного из ее участников характеризовать гуситское движение как первую революцию, хотя и не буржуазного типа (?), возникшую на основе яковы имевшего место в Европе XIV—XV вв. «общего кризиса феодализма».

В целом симпозиум проходил в дружественной, подлинно научной атмосфере и итоги его работы положительны. Участники симпозиума были единодушны в том, что такого рода встречи очень нужны ученым стран социалистического содружества для творческого обсуждения узловых проблем и вопросов общен исторического процесса, для координации своих исследований и выработки общих методологических подходов к их решению на основе творческого применения теории марксизма-ленинизма.

А. Н. Чистозонов

О НАПРАВЛЕНИЯХ РАБОТЫ ЦЕНТРА БОЛГАРИСТИКИ ПРИ БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В начале 1971 г. при Президиуме Болгарской академии наук создан Центр болгаристики. Он представляет собой научно-информационное и координационное учреждение в рамках БАН. Его задачами являются:

1. Оказание помощи и координация деятельности научных институтов Болгарской академии наук, учебных заведений и ведомств, связанной с развитием болгаристики за границей. С этой целью при Центре создан Координационный совет.

Совет принимает и координирует планы работы Центра по развитию болгаристики в зарубежных странах, а также прогнозирует это развитие.

2. Сбор и научная обработка информации о состоянии и развитии болгаристики за рубежом. С этой целью Центр будет получать информацию о научных планах славистических и болгаристических центров, а также отдельных ученых-болгаристов зарубежных стран.

3. Оказание помощи в развитии болгаристики за рубежом. Эту задачу Центр будет решать путем посылки научной литературы в славистические библиотеки и отдельным ученым — болгаристам и балканистам и путем содействия обмену учеными для чтения лекций или цикла лекций по проблемам болгарской истории, языка и литературы; организации двусторонних встреч, а также работе смешанных комиссий, научных конференций, симпозиумов и др.; изданию совме-

стных или отдельных трудов болгаристов; работе университетских преподавателей болгарского языка и литературы в зарубежных странах; отражению в нашей периодической печати выступлений по проблемам болгаристики зарубежных ученых (отзывы, рецензии и др.); написанию фундаментальных трудов и пособий по болгаристике в НРБ; популяризации за границей развития болгаристики в НРБ; написанию иностранными учеными-болгаристами статей и книг, приуроченных к определенным годовщинам; приему научных сотрудников-болгаристов для специализации или обучения в аспирантуре в Народной Республике Болгарии; работе летнего семинара по болгарскому языку и литературе в Софии и работе зарубежных переводчиков произведений болгарской литературы.

Добрин Мичев

CONTENTS

- Towards the 50-th anniversary of the USSR. *V. V. Zelenin*. The Soviet Union and the liberation struggle of the foreign Slav peoples during World War II. *V. D. Koroljuk*. Academician B. D. Grekov and the soviet slavic historic studies (on the 90-th anniversary of his birth). *I. S. Narsky*. Dembow-sky's philosophy — the height of the development of the Polish pre-Marxist social thought (on the 150-th anniversary of his birth). *Z. Yu. Kopyssky*. The Magdeburg law in the towns of Byelorussia (the end of the XV-th — the first half of the XVII-th century). *M. I. Ryzhova*. The motifs from the poetry of A. V. Koltsov in the work of Josip Murn. *L. Titova*. From the history of theatrical life in the epoch of Peter the Great. *V. F. Vasilyeva*. The pluralia tantum substantives and the character of their meaning of plurality in modern Czech 3

MONUMENTS OF THE SLAV CULTURE

- V. A. Kuchkin*. The oldest Bulgarian manuscript from the collection of the city of Gorky 69

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- L. B. Valev, D. G. Peschany*. The memoirs about Georgi Dimitrov. *L. Ya. Gibiansky*. A book on the fascist occupational and Quisling regime in Yugoslavia and its debacle. *I. A. Peters*. А. Ф. Кизаченко. На передодні трагедії. З історії зовнішньої політики Чехословаччини, травень 1935 р.— березень 1938 р. *Yu. I. Shtakelberg*. Franciszka Ramotowska. Rząd carski wobec manifestacji patriotycznych w Królestwie Polskim w latach 1860—1862. *I. V. Galaktionov*. The treatment of the foreign policies of Russia and Poland in the mid — XVII century in Prof. B. F. Porshnev's new book. *L. L. Gumetskaya*. Czech students in the schools of Western Europe. *A. Lipatov*. A book on the style of Kvasicki. *Yu. I. Ritchik*. The first volume of the «History of the Czech theatre». *G. Belyakova*. A new study on cinema by a Polish scientist. *Z. Strekalova*. B. Dunaj. Iteratywa typu *bierać, pisywać w języku polskim*. 72

Bibliography

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1972. The contents of foreign periodicals 100

SCIENTIFIC LIFE

- A. Lipatov*. The Soviet-Polish scientific symposium «Romanticism in the Polish literature and its ties with East Slavic literatures». *O. A. Severnaya*. The Soviet Bulgarian symposium on the problems of the Socialist culture. *Z. M. Gruzman*. The VII-th Ukrainian Slavistic Conference. *O. P. Morozova*. At the Institute of Slavic and Balkan studies of the Academy of sciences of the USSR. *V. R.* At Chair of history of the Southern and Western Slavs of the Moscow University. *Yu. G.* On the 75-th anniversary of the hirth day of D. L. Pokhilevich. *V. A. Pronichev*. The defence of a dissertation thesis on the syntax of the complex sentence in Slavic languages. *A. N. Chistozvonov*. A symposium on the problem of the class struggle in the period of late Middle Ages in Europe. *Dobrin Michev* (Bulgaria). On the main trends of work of the Centre of Bulgarian studies of the Bulgarian academy of sciences 109

Технический редактор *Н. С. Евсева*

Сдано в набор 12/VI-1972 г. Г-13632 Подписано к печати 11/VIII-72 г. Тираж 1140 экз.
 Зак. 767 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 10,5 Бум. л. 3³/₄ Уч.-изд. л. 12,4

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ТОЛСТОЙ

Индекс 70891

70891

1-12

*Издательство «Наука»**Центральная контора «Академкнига»**В магазинах «Академкнига»**имеются в продаже книги:*

- Из истории межславянских связей.* Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 36, 1963. 111 стр. 56 к.
- Исторические связи славянских народов.* Доклады к V Международному съезду славистов. Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 39, 1963. 74 стр. 38 к.
- История и культура славянских народов.* Польское освободительное движение XIX — XX вв. и проблемы истории культуры. 1966. 240 стр. 1 р. 14 к.
- Краткие сообщения Института славяноведения.*
Вып. 29, 1960. 134 стр. 63 к.
Вып. 31, 1961. 147 стр. 71 к.
- Лещиловская И. И. Иллиризм.* К истории Хорватского национального возрождения. 1968. 339 стр. 1 р. 20 к.
- Освобождение Болгарии от турецкого ига.* Документы в трех томах. Т. 2. Борьба за национальное освобождение Болгарии в период Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. 1964. 646 стр. 1 р. 52 к.
- Русско-польские революционные связи.* Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 37, 1963. 116 стр. 59 к.
- Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г.* Сборник статей и материалов. 1962. 611 стр., 1 вкл. 2 р. 70 к.
- Славяно-германские отношения.* 1964. 296 стр. 1 р. 38 к.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

МОСКВА, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; Душанбе, проспект Ленина, 95; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Киев, ул. Ленина, 42; Кишинев, ул. Пушкина, 31; Куйбышев, проспект Ленина, 2; Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Ленинград, Менделеевская линия, 1; Ленинград, 9 линия, 16; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/7; Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Томск, наб. реки Ушайки, 18; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Уфа, проспект Октября, 129; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6.